

Сестрорецкий
КУРЗАЛ

Литературный
альманах

Выпуск 1

Издание
Муниципального совета города Сестрорецка
«На берегах Сестры»

Сестрорецкий
КУРЗАЛ

Литературный альманах
прозы и поэзии

Выпуск 1

Санкт-Петербург,
город Сестрорецк
2012 год

УДК 821.161.1 (08)
ББК 83.3 (2=Р) 6я43 С33

«НА БЕРЕГАХ СЕСТРЫ»

Издание Муниципального совета города Сестрорецка

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
прозы и поэзии**

В литературный альманах поэтов и прозаиков города Сестрорецка и Курортного района вошли произведения разных лет авторов нескольких поколений. У каждого из них – свой взгляд на мир, свое мировоззрение, но все они любят наш город и воспевают его в своем творчестве. А Сестрорецк, в свою очередь, дает им заряд позитивной энергии для создания новых литературных произведений.

ISBN 978-5-9902218-2-6

© Муниципальный совет города Сестрорецка, 2012

© Авторы литературных текстов, 2012

© Марина Пименова, составление, оформление, верстка, 2012

Дорогие земляки, сестроречане! Уважаемые гости нашего города!

Без малого 300 лет живет Сестрорецк одной большой дружной семьей. Основанный 20 сентября 1714 года Петром I, он славится не только богатыми историческими и культурными традициями, но и, прежде всего, жителями.

Наш город называют городом-тружеником и городом-здравницей. Оба эти названия правильные. Труженик – потому что обязан своим рождением и трудовой славой Сестрорецкому оружейному, а затем Инструментальному заводу. Здравницей – потому что здесь был основан первый на Северо-Западе России санаторий – «Сестрорецкий курорт». Вместе с другими здравницами Курортного района Санкт-Петербурга он и сегодня возвращает здоровье тысячам отдыхающих. Овеянный славой знаменитых оружейников и инструментальщиков, поэтов и художников, деятелей науки и выдающихся спортсменов, Сестрорецк вписал немало ярких страниц в историю России.

Работа над сохранением исторического и культурного наследия родного города – важное направление деятельности Муниципального совета города Сестрорецка. Депутаты регулярно инициируют издание краеведческих книг. Начиная с 2004 года, выпущено большое количество изданий, составляющих «патриотическую и краеведческую библиотеку Сестрорецка». Самыми крупными из них стали: сборник воспоминаний блокадников Курортного района «Блокада. Сестрорецкий рубеж», двухтомник «Непокоренный рубеж», четырехтомник «История Сестрорецка и его окрестностей», книги В.Д.Яковлева «Мой Сестрорецк», Н.Д.Солохина «Легенды и были Карельского перешейка», В.А.Соловьева, Я.Р.Храмцовой, М.К.Пименовой «История Сестрорецка в рассказах для детей», книга «Помним. Верим. Храним.», посвященная истории строительства духовно-архитектурного комплекса храма Петра и Павла подводного флота России.

Депутаты поддерживают творчество земляков. К 9 мая 2010 года был выпущен сборник стихотворений «Свет Победы», подготовленный поэтическим клубом «Лукоморье», к 27 января 2011 года увидел свет литературный сборник «Блокадный метроном», выпущено 6 сборников стихотворений «О жизни, о блокаде, о войне» участника Великой Отечественной войны Виктора Алексеевича Шурыгина. Творческие коллективы города Сестрорецка приняли участие в выпуске DVD-дисков «Поем тебе, наш Сестрорецк!» и «Расскажите, птицы», в которых они подарили свои песни ветеранам и жителям города.

Сегодня мы рады представить читателям новое издание, в котором собраны произведения авторов разных поколений, некоторых из которых

уже, к великому сожалению, нет с нами. Добрым гением районной журналистики называли Н.А.Шлиппенбаха, многогранным было творчество О.Г.Растворовой, В.А.Соловьева.

У каждого из авторов этого альманаха – свой взгляд на мир и собственное мировоззрение, но все они любили и любят наш город, воспевая его в своем творчестве. Сестрорецк, в свою очередь, дает им заряд позитивной энергии для создания новых литературных произведений. А если люди реализуют себя в творчестве, значит, им живется комфортно и они готовы творить на благо родного города и дальше.

Надеемся, что книга займет достойное место в библиотеках и домах наших жителей.

Глава муниципального образования города Сестрорецка

А.В.Вишневский

Депутаты Муниципального совета:

В.Н.Анисимов, А.А.Ваймер, М.М.Деревянко,

Ю.М.Докиш, В.В.Матвеев, Н.М.Начкепия, В.А.Пахрамова

Глава Местной администрации города Сестрорецка

Д.Г.Воднев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если говорить о культурном наследии Курортного района, то прежде всего надо вспомнить о центре его сосредоточения – Сестрорецком Курзале (Курортном зале). Находился он на территории «Сестрорецкого курорта» и был излюбленным местом выступлений писателей, поэтов, музыкантов, певцов и других артистов начала XX века. В годы Великой Отечественной войны Курзал был разрушен и восстановить его не удалось. Но память об этом месте, пропитанном духом творчества, жива. Много написано о нём в краеведческой литературе. Нам же хотелось восстановить эту память, воплотив её в литературном издании, продолжить традиции, заложенные нашими предками, жившими ещё в прошлом веке.

Перед вами первое издание литературного альманаха, объединяющего поэтов и прозаиков Курортного района, как профессионалов, так и любителей. Каждый из авторов так или иначе связан с нашим районом частичкой своей души. Кто-то родился и вырос на берегах Сестры, кто-то полюбил за их курортное лечебное предназначение, кто-то, очарованный красотой здешних мест, черпает вдохновение от соприкосновения с ними.

Исторический экскурс начинает Николай Солохин отрывками из книги «Легенды и были Карельского перешейка. Исторические миниатюры, этюды о современности». Неординарное видение исторического процесса, глубокое размышление о судьбах и об истории, отличают творчество этого автора, который недавно отметил свой 80-летний юбилей.

Но не только о природной красоте прочтёте вы на страницах альманаха. Произведения, написанные ветеранами, унесут нас по реке времени в далёкое прошлое, в тяжёлые военные годы. Всё меньше остаётся этих людей, тем более ценно каждое сказанное ими слово. Это дети войны, но их память крепка и судьба каждого – маленький пазл огромной мозаики истории. Отрывки из автобиографической повести Татьяны Кузнецовой отправят нас в другой городок России, в далёкую Корочу, где застала семью война, где попали они в мясорубку оккупации, и где встретили Победу. Сегодня Татьяна Кузнецова – неотъемлемая незаменимая часть культурной жизни Курортного района. Литератор по образованию, художник по призванию, она внесла свою яркую страницу в литературно-художественный пласт района.

Лидия Селягина – сестроречанка. Много пишущий, интереснейший человек. Проработав большую часть жизни в милиции по делам несовершеннолетних, она не утратила оптимизма и радости жизни, несмотря на то, что и детство, и юность её были полны трагизма. Это – характер! Для многих она стала как талисман. Без её звонкого пионерского голоса не обходилось почти ни одно литературное выступление в Сестрорецке.

Иная проза у Анны Ялики и Татьяны Семёновой-Глазуновой. Дух романтизма пронизывает произведения этих авторов, места действия в которых связаны с Сестрорецком.

Повесть Татьяны Семёновой-Глазуновой «Литоринское море» – песня вечной любви. А рассказ «Рябиновые бусы» не просто автобиографичен. Это по-настоящему высокохудожественное литературное произведение.

Анна Ялика – петербурженка. И как многие горожане она влюблена в Сестрорецкий курорт. Часть её жизни и творчества связана с этими местами, аура которых оставила след в её произведениях.

Имя Киры Марач давно известно сестроречанам не только по журналистским работам в газетах «Здравница» и «В курортном городе С.». Кира Марач выпустила уже не одну персональную книгу. Её проза интересна и познавательна.

Поэт Михаил Балашов тоже представил прозу. Она иронична, юмористична и кратка, как у классиков этого жанра. Михаил долгое время руководит поэтическим клубом «Лукоморье», членом которого была известная в Сестрорецке поэт и художник Ольга Растворова.

Сергей Фетисов – тоже мастер короткого жанра. Его рассказ «Об этом знала только осень» посвящен трагическим событиям, случившимся 11 сентября 2001 года в Америке, но получившим отклик в сердцах всех россиян.

Поэтический олимп Курортного района богат очень яркими именами. Глеб Маринов – профессиональный поэт лирико-гражданского направления.

Многие его произведения пронизаны духом эпохи, в них схвачены черты времени, что чрезвычайно трудно оценить, ведь как писал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать». И только талант может увидеть то, что слепо для остальных. Он не произносит пафосных речей, а описывает события так, что бы читатель видел, широко открыв глаза.

Более политизированный поэт Семён Богуславский представил в данный альманах свою лирику. Тем удивительнее сочетание в человеке духа борца и глубоко переживающего, тонко чувствующего поэта.

Марина Пименова – профессиональный поэт, выросший в литературных кругах от «Ленинских искр» до Союза писателей России.

Валерия Морозова – неординарный поэт молодого поколения. Рецензия на первую книгу Валерии была опубликована ещё в «Здравнице Санкт-Петербурга», выходящей в Сестрорецке. Творчество её столь необычно, что воспринимается неоднозначно. Но для профессионалов это, безусловно, огромная радость. Леру не сравнить ни с кем, и этим она интересна. Её хочется перечитывать и удивляться каждой поэтической находке.

Ещё один из молодых авторов – Мария Мещерская. Юношеский романтизм – прекрасное качество её творчества, надеемся, разовьётся и даст свои новые зрелые плоды для следующих литературных сборников.

Депутат Муниципального совета города Сестрорецка, врач Михаил Дервянко занимается не только политикой. В альманахе вы прочтёте его прекрасные стихи в диапазоне от гражданственности до лирики.

А открывает поэтические страницы альманаха певец Сестрорецка Александр Зайцев, книги и выступления которого давно знакомы любителям поэзии нашего города.

К несчастью, не дожил до выпуска этой книги один из её авторов – Вадим Соловьев. Вадима знает в Сестрорецке, наверное, каждый его житель, поскольку газета «В курортном городе С.», главным редактором которой он являлся, имела огромную популярность среди сестроречан. Вадим писал и публицистическую прозу, увлекался краеведением. Последними его подарками любимому городу стали «История Сестрорецка в рассказах для детей» и «Живите радостно, или Сестрорецкая скоропись». Обе эти книги уникальны. Вадим хорошо знал не только историю прошлого, он приоткрыл для нас завесу последних двух десятилетий истории Сестрорецка. И в этом равных ему нет и не будет.

Рука не поднялась поместить имя Вадима Соловьева в раздел «Ушедшие имена». Слишком неожиданна была эта утрата.

«НАСЛЕДИЕ. Ушедшие имена» – это тоже недавняя история. Николай Шлиппенбах, Ольга Растворова, Виктор Кулаков, Михаил Юхно, Михаил Хасин – вот те имена, которые помнят сестроречане. Творчество их неразрывно связано с нашим городом. О каждом из этих авторов вы можете подробнее прочесть во вступительных статьях перед подборками их произведений.

Есть в альманахе и странички любительской поэзии – это искренние, душевные стихи, написанные жителями нашего города.

И завершают издание публицистические воспоминания внука известного советского литературоведа, фольклориста Василия Григорьевича Базанова – Андрея Базанова.

Литературный альманах – первая ласточка. Хотелось бы, что бы в свет вышли и второй, и третий выпуски. Многое зависит от вас, дорогие земляки. А пока...

Мы надеемся, что прочтение этого альманаха доставит вам истинное удовольствие.

*Член Союза журналистов
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
Марина ПИМЕНОВА*

БЕЛЫЕ НОЧИ

День закатился последний, весенний.
Лето — начало, которое ждут.
Белые ночи... и белые тени
Следом за мной осторожно идут.

Страшно мне листьев молочных
касаться.
Дачный посёлок задумчиво нем.
Странно, но хочется мне разобраться
В эти мгновения: «кто я, зачем?».

Надо ли в белое красить берёзку?
Белые платья у яблонь и слив.
Робко белилами стелет дорожку
В полночь луна
через Финский залив.

Шепчет волна
безразлично спросонку.
Спит Петергоф —
драгоценный брелок.
В Белые Ночи искал Незнакомку
В этих местах очарованный Блок.

Так же изящные белые тени
Следом на цыпочках трепетно шли...
Строгий Кронштадт
в проводах сновидений
Призрачной крепостью виден вдали.

В эти часы не уйти от вопроса:
Кто ты? Откуда? Зачем на земле?
Белые Ночи у Лисьего Носа, —
Белая сказка в серебряной мгле.

* * *

Оживает Нева ото льда.
И гремит, и свершается действие,
Каждый год, по законам всегда
Высочайшего Адмиралтейства.

Этот час она долго ждала,
Прочь, долой ненавистные платья!
Чтобы снова, в чём мать родила,
Дорогому Заливу — в объятья.

А потом, — говорить, говорить,
Как ей было без милого плохо.
И, взлетая, на миг ощутить
Осуждающий взгляд Петергофа.

ДУБКИ

Люблю Дубки, в его бессмертье веря,
Когда предназначение верша,
Из августа растерянное время
В сентябрь переходит не спеша.

Когда высокоствольные берёзы,
Пытаясь снять наброшенную нить,
Своим батьям и мамаям грозным
Опять готовы золотом платить.

Как ты хорош,
когда короткий дождик
На листья прыгнет резво
скок-да-скок.
Когда на холст невидимый художник
Положит первый солнечный мазок.

Тобой не любоваться невозможно.
Стрекозы замедляют свой полёт,
Когда дневные звёзды осторожно
На твой песок, Залив, с утра кладёт.

Спасибо парк,
что сердцем молодеешь,
Испив аллея особенную грусть.
Когда ж на шёпот ветра:
«Ты стареешь»,
Он бросит, улыбнувшись:
«Ну, и пусть».

ПЕСНЯ О РЕЧКЕ ШИПУЧКЕ

Родившись однажды
и шар обживая земной,
Речушек и рек повидал я
на свете немало,
Но только Шипучка
улыбкой своей и судьбой
К душе моей крепко-крепко
однажды припала.

Шипучка, Шипучка,
присяду на твой бережок.
Крикливые чайки
парят над тобою кругами.
Для города нашего ты —
дорогой ремешок,
Он крепко связал и Разлив и Залив
берегами.

Где срока дождавшись
черёмуха жарко цветёт.
В садах обещает быть крупной
и сладкой малина.
К Заливу кораблики
белые-белые шлёт,
Про возраст забыв свой, наверно,
старушка-Плотина.

И лентой зелёной,
Шипучка, опять над тобой
Легко через мост,
не спеша, электричка крадётся.
А корюшка-рыбка
тугой серебрястой стрелой
На нерест к тебе
по велению природы несётся.

Горит над тобой не твоя ли,
Шипучка, звезда?
Годам и ветрам над землёй
неминуемо мчатся.
А речке Шипучке,
я твёрдо уверен, всегда

В душе у меня озорной
и красивой остаться.

Шипучка, Шипучка,
присяду на твой бережок.
Крикливые чайки парят
над тобою кругами.
Для города нашего ты —
дорогой ремешок,
Он крепко связал и разлив и Залив
берегами.

* * *

Дела оставив на потом,
Фуражку сдвинув на макушку,
К опушке рощи летним днём
Пришёл послушать я кукушку.

Судьбу попробуй-ка поймай!
Она по всем статьям шалунья.
Ну что ж ты медлишь? Начинай,
Кукуй, красивая вещунья.

Земной поклон твоим местам.
Как жаль, что роща поредела.
Но - чудо! Верить ли ушам? —
Она действительно запела!

Но вот теперь-то без труда,
Что мне назначено, узнаю.
И по-мальчишески года,
Волнуясь искренне, считаю.

Тебе такой доверен клад!
Возьми из ларчика всё дочиста...
Ну что ж, я нынче очень рад
Такому щедрому пророчеству.

Присяду робко на траву,
А грусть в свои потянет сети...
Хотя впервые я живу
В последний раз на этом свете.

ЛАХТА

Полдень застыл, как яхта,
С парусом цвета слив.
Зеленоглазая Лахта
Грустно глядит в залив.

Вечная жизни драма
С выпуклою канвой:
Финский залив упрямо
Взглядом бежит к другой,

В сторону. Рассмотрела
Краешком глаз едва,
Как, напрягая тело,
Мчится к нему Нева.

Кто из них, кто моложе?
Взгляд у воды поник.
Замерли воды: «Боже,
Чей это скорбный лик?».

«Доченька Калевалы, —
Лахте шепнул прибой, —
Знай, зеркала наврали,
Ты хороша собой.

Ведомы хвори эти, —
Вот тебе мой совет:
Вечной любви на свете, —
Разве не знаешь? — нет.

Горе-печаль растает.
С ветром сойдись. Побудь.
Пусть он, шальной, ласкает
Ноги твои и грудь.

Он от тоски излечит.
Душу развеселит.
Жарко целуя плечи,
Разного наговорит.

Дуться не смей на ветер,
Если уйдёт чуть свет.

Вечной любви на свете, —
Разве не знаешь? — нет.

Тут же прибой шумливо
Свой же совет и смысл...
Облачком над заливом
Вздых её долго плыл.

БОБРОВ

Не канул в Лету: жив, здоров
В народной памяти Бобров.

Он в Сестрорецке долго жил,
И как никто с мячом дружил,

За честь страны стоял горой,
Любимый всеми был герой.

И в Сестрорецке потому
Поставлен памятник ему.

Великий мастер в виде том,
Нет, не жонглирует мячом,

Тот за минуту до броска
Застыл на кончике носка.

Вот — встрепенулся, вот — гудит,
Вот, точно пуля, он летит

И, протаранив тучку,
Опустится в Шипучку,

А если будет перелёт,
На ногу Зощенко падёт.

Писатель не спасует —
Боброву отпасует.

И мяч застынет от броска
На самом кончике носка.

ЗОЩЕНКО

Именем Зощенко
названа библиотека.
Сам он, освободившись
от множества дел,
Вышел из книжного дома
в свои золотые полвека,
Сел на гранитную лавку и...
забронзовел.

Повесть решил написать
о сестрорецких мальчишках...
Это о тех,
у кого постоянно множество дел,
Это о тех,
кто в помощники взяв его книжки,
Город свой самым красивым бы
сделать хотел.

Бронза она, если только легла, —
не смывается.

Да и к столу он
ни нынче, ни завтра
едва ли дойдёт.
Может быть,
кто-то из юных друзей догадается:
Писчей бумаги и ручку
ему принесёт.

Вот бы и тронулось с места
привычное дело.
Горько одно —
не уменьшится в мире
ни слёз и не зла...
Слышит писатель,
как рядом почти —
удивительно смело,
Корюшка в быстрой Шипучке
на нерест пошла.

АВГУСТ

Прильнув к земле, он колдовал,
Дарил тепло своё застенчиво,
Но нежных слов не досказал,
Ушёл неожиданно, неповенчанный.

Как в воду канул на заре,
Как дым растаял над просторами.
И синей грустью в сентябре
Зашлись глаза её озёрные.

Кто мог понять ее печаль?
За грех, зачтённый
крайней вольностью,
Январь студёный и февраль
Отплатят ей своей жестокостью.

Её снегами занесёт,
Морозы в грудь войдут щемящие...
Но март тепло своё прольёт
На плечи, холодом дымящие.

Потом её встряхнёт гроза,
Потом ей ждать три долгих месяца,
Пока опять его глаза
Над лугом скошенным засветятся.

ЗЕМЛЯ

Припав к твоему изголовью:
«Будь счастлива», - тихо молю.
Безмерной, невиданной болью
Люблю эту землю, люблю.

Прости мне за смертную долю,
Невеста и добрая мать...
Я знаю: всё взятое мною
Уже никому не отнять.

Николай СОЛОХИН

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

отрывки из исторической повести

ЗАВЕТНАЯ ЦЕЛЬ ПЕТРА

Никто не мог догадаться, что, штурмуя с войсками Азов, отправляясь весной 1697 года в составе «Великого посольства» в Европу, долговязый «Преображенского полка урядник» Пётр Алексеевич уже вынашивал в своей голове замысел — «пробить» окно в Европу. А для того читал... историю Ливонской войны Ивана IV и решил учиться корабельному делу в Дании, Голландии, Англии.

«Великое посольство» было сначала задержано в Риге, комендантом которой был швед Дальберг — суровый воин, оцетинившийся седыми колючими усами и поблёскивающий латами офицер. Он пристально следил с крепостной стены за длинноногим парнем, одетым в солдатский мундир. Что-то наталкивало Дальберга на мысль, что не зря этот «русский мужик» торчит часами возле крепостного рва и под стенами, подолгу рассматривает суда, стоящие на якорях, и почему-то интересуется численностью гарнизона Риги, вооружением и обмундированием шведских солдат.

Позже в группе посольства он оказался на городском валу и в подозрительную трубу внимательно рассматривал укрепления, пытался измерить вал и снять чертежи с крепостных сооружений.

Караул угрозами вынудил русских отступить. А Пётр в Москву сообщил, что его с посольством «рабским обычаем держат» в Риге под дулами. Протесты руководителей посольства Фёдора Головина, Франца Лефорты и Прокофия Возницина возымели, однако, действие: перед русскими извинились. Но «урядник» надолго запомнил обиду, которая стала потом одним из поводов при объявлении войны Швеции. А в Курляндии царь, выдавая себя за шкипера, подолгу сживал в винном погребе Либавы, ведя с завсегдатаями-шкиперами бесконечные разговоры о море, о далёких странах, о кораблях и службе матросской. В Курляндии же впервые высказал своим приближённым свою заветную мечту о выходе России к Балтийскому морю, хотя и заботы черноморской — о выходе через Азов — пока не оставлял.

В Кенигсберге Пётр изучил артиллерийское дело. В аттестате значилось: «Петра Алексеевича признавать и почитать за совершенного в метании бомб, осторожного и искусного огнестрельного художника». А бранденбургские дипломаты были уверены, что москвиты не хотят заключать с ними договор о войне против Швеции, хотя и был подписан другой — 22 июня 1697 года — о дружбе, когда немцы предложили заключить военный — против Швеции.

В Голландии Пётр встречался с корабелями, которые работали на верфи в Архангельске, и необыкновенно интересовался всем, что связано было с кораблестроением. И голландцы с восхищением наблюдали за работой «царя-плотника», который трудился бок о бок с ними. Здесь Пётр овладевал науками и собирал инструменты и ценности, чтобы отправить их в Россию. Участвовал в сложной дипломатической игре северных стран против Франции. И снова писал в Москву: «Дураки зело рады, а умные не ради для того, чтобы француз обманул, и чают вскоре опять войны». Сам же думал о русских землях, отторгнутых Швецией по Столбовскому миру и нанимал повсюду в матросы бывших русских подданных, которые оказались в Прибалтике, как подданные шведского короля. Именно они и стали среди тех первыми, кто потом поднимал паруса на кораблях регулярного русского флота во время морских баталий на Балтике и Неве.

ЛАХТА ПРИМОРСКАЯ

Лах-та! В этом слове сразу оживает дыханье чего-то просторного и влажного. В нём есть и скольжение ветра над ширью, мало чем ограниченной. Чуткий к языку Владимир Даль в своём «Словаре живого великорусского языка» так и определил: «Лахта ж.сев.финс. небольшой морской залив; губовина, заливце, бухта».

Бездымный огонь забвения лишает людей самого главного достояния — памяти. Конечно, не всякая память нужна. Есть и такая, которая важна, быть может, всего лишь для одного человека. Это личная память. И кому какое дело, если кто-то забыл или не знал никогда даже имя своей прабабушки или прадедушки? Надо думать, однако, что и его самого ожидает такая же участь... («Да был ли мальчик-то?» — ядовито вопрошал читателя своего один большой писатель).

Но как быть, когда видишь множество людей, совершенно не озабоченных исторической памятью, а потому действующих на земле по принципу «после нас — хоть потоп»? Такие люди обрекают на погибель места,

где они живут, целые деревни становятся для них «неперспективными». В пустыню мёртвую или в гнилые болота превращаются после них некогда цветущие поля и высокорослые благоухающие смолой и мёдом леса.

Ради копеечной своей выгоды люди эти по случайному хотению готовы снести старые прекрасные дома или вырубить уникальную рощу, чтобы построить на их месте свой «замок» из красного кирпича или серых бетонных блоков, под кровом которых потом томятся в неизвестности или и не живут вовсе, наезжая изредка, чтобы пожевать полуразрушенными зубами «шашлычки». Им становится скучно и одиноко жить в созданном ими же «раю».

Лах-та! Стремительно пролетают по Приморскому шоссе тысячи автомашин: легковых, грузовых, многотонных фур... Вырвавшись из жёстких объятий мегаполиса, власть которого побороть невозможно, одичало несутся они мимо многоэтажных жилых однообразных коробок, построенных на песке вдоль железнодорожной насыпи, отделяющей от шоссе заболоченный, развороченный, почти безжизненный массив земли, на котором уже ничто жить не хочет или не может по-настоящему, а только погружается в чахлую, гниющую болотину, поросшую одичалым камышом.

Но водители вряд ли смотрят в эту сторону, напряжённо поглядывая на серые фигурки возле поста ГАИ и томительно ожидая тормозящего жеста полосатого жезла или резкого всплеска свистка, похожего на удар плети. Не привлекает их внимание и проран в дамбе, через который Лахтинский разлив сбрасывает излишки своих гнилых вод. Только экзотические «журавли», торчащие из воды, словно призраки прежних богатых рыбных ловель (тоней), как-то оживляют кривоколенное русло то ли реки Чёрной, то ли канала.

И сразу же за этим пейзажем неожиданно высоко поднимаются засыхающие стволы деревьев, за которыми томятся деревянные домишки стариннейшего посёлка — Лах-та!

Раздвоившись, шоссе заставляет крепче держаться за руль: вдруг вынырнет из ракитника и камыша нерасторопный «туземец», чтобы надолго испортить настроение самодовольному автомобилисту.

Лах-та! У неё даже есть дальняя родственница на Западе — в Финляндии, стоящая на южном берегу длинного озера Пяйянне и носящая гордое имя города Лахти. Лах-ти, ах-ти! Когда-то, до шведского жадного захвата, и эти земли населялись согражданами Карелии и Руси. А потом начался откат их и, возможно, посёлок Лахта стал выселком из Лахти.

Однако у Лахты есть своя собственная гордость, своя история. Известно, например, что именно здесь, на берегу Финского залива, у крутого обрыва, на углу Юнтоловской и Полевой улиц более трёх тысяч лет на-

зад была стоянка доисторического человека. Он оставил после себя большое количество хорошо обработанных изделий, «домашней» утвари из камня: от наконечников стрел до резцов и скребков. Небось, рыбачил и охотился древний человек в дремучих тогда лесах и благоухающих болотах, подъезжая к ним в лодке-долблёнке по светлым водам реки Чёрной, теперь разлившейся в заповедник «Лахтинский», где совсем неуютно стало перелётным птицам.

Если бы не ушлые юные следопыты, наткнувшиеся на загадочные «скалы предков» на берегу озера Вуокса, несущие на себе древние петроглифы (наскальные рисунки-гравюры), не смогли бы считать, что Лахтинская стоянка – древнейшее обиталище человека на Карельском перешейке. Но неутомимые «скалолазы» из клуба «Надежда» в этих петроглифах на гранитах усмотрели не только образы солнца и рыб, но и знаки времени, которые влекут их в глубь веков – лет этак на двадцать пять тысяч назад. И как же тогда быть с «теорией» Великого оледенения и тёплой страны Фенно-Скандии, которую неистово обрабатывали могучие валы Литоринового моря, куда более просторного, чем наша нынешняя Балтика?

А ведь Лахта известна ещё и тем, что здесь не раз бывал император Пётр I. В «Ближних Дубках» находилась у него пригородная усадьба с «летним домиком». А в заливе, близ берега, он в ноябре 1724 года спасал с матросами застрявший на отмели баркас с солдатами и грузами, «стоя по пояс в ледяной воде», и, как пишут, простудился тут и 27 января 1725 года и помер в горячке.

Лахтинские леса питали фабрики (цеха) Сестрорецкого оружейного завода дровами, углём, строительными материалами, пока любвеобильная Екатерина II не подарила мызу Лахтинскую своим фаворитам: в 1766 году князю Орлову, а затем в 1777-ом – графу Потёмкину.

В лахтинских лесах нашёл вологодский (устюжинский) крестьянин Семён Вишняков знаменитый Камень-Гром для постамента «Медному всаднику», изваянному французом господином Фальконетом. По достоинству оценив его как естественный пьедестал императорскому величию, он (Фальконет) смог-таки вывезти камень в Санкт-Петербург.

Здесь же, в Лахте, знаменитый певец лесов и рощ художник Шишкин писал свои картины «Дубовая роща на Лахте», «Дубки на Лахте» и другие, а известная поэтесса и переводчица Татьяна Щепкина-Куперник писала стихи:

Тут – ручья нежный вздох, нежный шёпот во мху,
Тонкий вереск пушистым ковром лиловет,
Тихо сосны шумят, от залива прохладою веет...

И вообще, в неказистой Лахте побывало немало знатных людей. А на берегу залива пока ещё стоит прекрасный, но изъеденный временем Охотничий замок с большим залом, мраморной лестницей и камином (работы Волхонского). В Лахте работала подпольная типография (весна 1895 – лето 1896 года). Исправно служит людям, ставший современной достопримечательностью поселка, мотель «Ольгино». А дальше на 7 километров тянется Северо-Приморский лесопарк – до Морских Дубков в Лисьем Носу — в общем, есть что помнить!

ДВА ПИСЬМА КОМИССАРУ КОРМЕДОНУ

Вилим Геннин поправил огонёк свечи, сняв с фитиля огарок, и, обмакнув гусиное перо в пузырёк с чернилами, начал неторопливо выводить всё ещё не слишком послушные ему русские буквы и слова:

«Г-н Кормедон! Сего 1721 года, декабря 5 числа, по Его Императорского Величества указу за подписанием Его Величества собственной руки велено выдать мне из соляных денег на строение Оружейных заводов, что при Сестре реке, сверх прежнего ещё десять тысяч рублёв, ис того числа пять тысяч рублёв ныне, а другую пят тысяч в феврале месяце будущего год 1722 году: и тот Его Императорского Величества указ в Соляную Контору к Г-ну Полковнику Пестрикову послан. Того ради вам предлагаю: по получении сего ордера, как первую пят тысяч рублёв ныне, так и другую пят тысяч рублёв в феврале месяце будущего 1722 году из Соляной Конторы принять с распискою, и запиши в приход. В 8 день, декабря 1721 году. В Санкть-питербурхе. Полковник Вилим Генникъ. По сему письму принято денегъ генваря 19 дня 1722 году пять тысяч рублёв.»

Полковник положил перо и взглянул в окно. За ним простирался бесконечный мрак. Вилим вздохнул, вспоминая свою милую Голландию, откуда привёз его царь Пётр и сначала к литейному двору определил на строящихся Олонецких заводах, потом перевёл в артиллерию и послал на войну со шведами. А затем, когда Вилим дослужился до чина полковника, назначил его комендантом Олонецкой провинции и местных литейных заводов, которые он и привёл в порядок, начал снабжать армию пушками, по качеству не уступающими шведским.

Царь сам был непоседлив и на решения крут. Когда надумал строить оружейные заводы вблизи новой своей столицы (Петербурга), тут же вспомнил о расторопном Геннине и велел собрать на Олонецких заводах приличную команду мастеровых и отобрать хорошую партию железа – и ехать на новую стройку начальником. Понятное дело, полковник тут же

исполнил повеление царя. И вот теперь сидит в тёмной избе с низким потолком и сочиняет письма комиссару Антону Бетману Кормедону, который обязан обеспечить стройку деньгами, материалами, отыскать подрядчиков.

Тут он увидел на столе ещё одно своё письмо, которое нерасторопный денщик так и не отправил по назначению. А ведь прошло уже шесть дней. Надо будет всыпать этому каналье Ваньке, который не исполнил приказ барина.

Вилим (его теперь все звали Вильгельм Иванович, всё ещё уродуя его фамилию: кто величал Генником, кто Генниным, а кто – де-Генниным) взял письмо и перечитал его:

«Указ Его Величества Императора и Самдержца Всероссийского комиссару Антону Кормедону. № 26-й. («Ага, – подумал полковник, – надо поставить на следующем письме № 27»). Потребно на Сестру реку к строению новых ружейных заводов и протчих железных дел фабрик кирпича обожённого доброго шесть миллионов. И как ты сей, Его Императорского Величества, указ получишь и тебе б при Санктъ Питерьбурхе и при оных заводах и в других местах публиковать указами з барабанным боем, и ежели явятца подрядчики дать торг и кторгу подрядить добрых людей и з добрыми порутчики, кому верить можно, настоящею истинною ценою без передачи, хто меньше возмёт, дабы оный кирпич поставлен в три года, на каждый год по два милиона, без отлагательства. А не поставки и на подряд оногo кирпичю деньги употреблять из своего прииму из соляных доходов. А хто имяны подрядчики и по какой цене подряжены будут, о том Артилерии Полковнику и коменданту Вилиму Ивановичу Геннину репортовать. Вилим Геннин. Декабря в 10 день 1721 г.»

Полковник ещё раз покачал головой, осуждая своего нерасторопного денщика. Взял свежее письмо и пометил его № 27-м.

Геннин отложил оба письма и снова посмотрел в кромешную тьму за окном. Но там вдруг ударил барабан. Значит, уже четыре часа. Скоро из низких закопчённых изб потянутся к воротам завода заспанные истощённые работники. А ровно в пять снова барабаном отметят начало трудового дня.

Вилим поднялся с табурета, потянулся. Снял с вешалки камзол, оделся и натянул на голову парик. Пора было идти на завод.

На выходе он вспомнил, что его звал к себе в Берг-коллегию Яков Брюс, обещая рассказать что-то важное. Значит, пора ехать, чтобы не припоздниться.

Вильгельм Иванович ещё не знал, что ему присвоено звание генерал-майора и подписан указ царя о том, чтобы ехать ему на Урал, разбираться с жалобой рабочих на хозяина заводов Демидова, а ещё с каким-то само-

управством капитана Татищева, на которого пожаловался царю сам Никита Демидов: якобы тот чинит ему, старику, обиды и «разорение»...

ШПАГА СУВОРОВА

В Сестрорецк этот сухонький и пожилой солдатик въехал на крестьянской подводе. Возница снисходительно рассказал ему о житье-бытье заводского посёлка и заводчан, которых обеспечивал он молоком, творогом и сметаной от своих коровушек. А жили эти мастеровые на Цимяночной улице. На работу выходили по барабанному бою, который раздавался в пять часов утра. На фабриках (так назывались оружейные мастерские) мужику побывать не довелось. Но он видел, что это приземистые деревянные строения с узкими окнами. А работники возвращаются из них с закопчёнными усталыми лицами.

Однажды мужик попытался пройти за ворота, но служители с позором выгнали его со двора и пригрозили, что в следующий раз его выпорют как сидорову козу.

Солдатик возницу слушал внимательно, однако нетерпеливо поглядывал по сторонам. А потом спросил, у кого можно остановиться.

Мужик показал кнутовищем на дом, что стоял на пригорке в глубине улицы:

— Иди к Михеичу. Он человек хлебосольный, добрый. Зелёных дел мастер.*

Солдатик шустро соскочил с телеги и направился к указанному дому. А на следующее утро, в густых сумерках, прошёл вместе с Михеичем в заводские ворота.

На заводском дворе Михеич пошептался о чём-то со знакомыми мастерами и те, как эстафету, стали передавать солдатика из одной фабрики в другую.

Особенно любопытен был солдатик, когда попал в оружейную мастерскую, где выделывали сабли, шпаги и пики. Тут он с пристальным вниманием следил за работой кузнецов. Любовался новыми клинками, которые ему подавали после закалки. Солдат пробовал шпаги на изгиб и на вес. Внимательно осматривал жало. И спрашивал, где делают эфесы.

Но кто-то из служителей заметил, что с мастеровыми болтается по фабрике какой-то служивый. И быстренько донёс об этом в контору — командиру завода.

* Мастер по изготовлению порожа

Тот сердито потребовал привести к нему чужака. А когда солдатик предстал перед ним, спросил грозно:

– Ты кто такой? Почему здесь?

– Я Суворов, – спокойно отвечал солдатик, тряся хохолком.

– Хочу знать, где куётся русское славное оружие.

– Какой такой Суворов? А ну-ка всыпьте ему с десяток-другой шпиц-рутенов!

– погоди, командир, – поднял сухонькую руку солдатик. – Пошли кого-нибудь за ворота. Не стоит ли там коляска графа Александра Васильевича Суворова. Пусть придёт сюда ездовой. Или офицер.

– Хорошо, – сказал командир. – Капитан Карпов, посмотри, нет ли за воротами коляски. Да пусть придёт кто-нибудь в контору.

Через несколько минут всё и прояснилось. По заводу забегали служители, разнося весть: на заводе сам его сиятельство господин генерал-аншеф, герой Измаила и кавалер разных орденов граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский. Изволит смотреть заводы и кому как работается здесь. Постарайтесь, братцы, для его высокопревосходительства.

А капитан артиллерии Карпов тут же написал командиру завода рапорт о прибытии из Выборга славного полководца. Изустно рассказал, что тот подолгу рассматривал изделия завода и вододействующие машины, хвалил мастеров за выделку оружия и говорил, что не терпит леноумия и немогузнайства. А тут видит истинных мастеров.

Командир завода расчувствовался и приказал принести графу Суворову одну из готовых уже шпаг и подарил тут же гостю.

– Спасибо, братцы! – салютуя шпагой, сказал генерал Суворов. – С таким оружием мне никто не страшен. С ней ждут меня слава и победа!

А потом глянул на молодую майскую листву и в синеву неба и повторил:

– Ждут слава и победа. Виват! Виват! – и, довольный, сел в свою коляску, чтобы ехать в Петербург.

Михаил ДЕРЕВЯНКО

РОДНИК

Люблю я к тайне прикасаться,
А лес — тайник моей души.
Найти родник и причащаться
Живой водой, а там в глуши,
В росе мерцает земляника,
И зори алые тихи. Так тихо...
И не надо крика,
Когда рождаются стихи.

ПРОЩАНИЕ

Огня змеилось злое пламя,
Был враг нахальней и сильней.
Пробито полковое знамя, —
Кресты на танковой броне.
Над полем боя раскаленным
Гул канонады нарастал,
И лейтенант в хлебах зелёных
Один израненный лежал.
Что трёхлинейка против танка?
Их батальон был окружён...
Заголосила Русь — славянка,
А с нею миллионы жён.
Да, лейтенант свой сделал выбор,
Он руки вверх не поднимал,
Уж пистолет из пальцев выпал...
Он землю, землю, целовал.
В последний раз, что было силы,
А на губах и кровь, и пыль.
...Хотел бы я любить Россию,
Как лейтенант её любил.

СПИСКИ

Оденет клён литые латы,
С зарёй вечерней догорит.
И древним воином, солдатом,
Доспехи сбросит на гранит.
На том граните поимённый
Сверкает список золотой,
И бродит ветер похоронный,
Полынью пахнет и войной.
Но я ступаю еле слышно,
Солдаты павшие не спят,
А списки пишет, пишет, пишет,
Янтарным золотом закат.

ДЗОТ

Дзот заросший, забытый,
Пахнет порохом дзот.
Спят солдаты, зарыты
У горячих высот.
Полыхает брусника
На святом рубеже.
Подойди, посмотри-ка,
Ёж ползёт по меже.
Между праздничным миром
И войной роковой.
Он ползёт торопливо
В паутинках седой.
Гильзы ржаво-зелёный,
Изменившийся цвет.
Подниму, потрясённый,
Сорок первого след...

КОНИ

Белые кони ночью
На речном берегу.
Вижу я их воочью
И в душе берегу.
Пьют их дрожащие губы
Звёзды и край луны.
Жемчугом светят зубы,
Тают от лёгкой волны.
Фыркают, чешут гривы,
Длинные тени в реке.
И без узды красивы
В серебряном ивняке.

* * *

Розу качаешь Гафиза
Тонкой и нежной рукой.
И не подписана визу,
И не дарован покой.
Не улетает надежда,
Жук улетел скарабей.
Губы шептавшие нежность,
Шепчут теперь: Не убей!

ДАЛЁКИЕ ВЕКА

Пульсирует строка,
Набрякла алой кровью.
Далёкие века
Я в памяти открою.
Там скачет Пересвет,
Пронзённый в грудь стрелою,
Копьём, мечем, ордою!
А смерти нет! Есть свет!
Над Русью, над страной,
Есть русский дух во мне,
Не сломленный врагами...
Как вечный спор на грани,
Ведут волна и камень.

М. ЮХНО

Мир снимает личину,
В сердце радость огня.
И пойму я причину
Отпылавшего дня.
Отгоревшего лета,
Утомлённой души.
Если песня не спета
Уходить не спеши.
Только все мы уходим,
Но сияющим днём:
В чьей-то памяти бродим,
В чьих-то душах живём!!!

ВЕСЕННЕЕ

Утром вижу тень сосны,
В голубой квадрат,
Как абстракция весны,
Уместился сад.
По холодному стеклу
Капли тут и там.
Сам я песней протекую
Между синих рам.

КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ

Я шепчу тебе еле слышно:
Посмотри, расцветают вишни,
Посмотри, возвратились птицы,
Влаги талой полны криницы,
Молодые встают травинки,
И сухие шуршат былинки.
Позабудь печаль и ненастье,
Распахни свою душу настезь,
Принимай короткое счастье,
Знай, оно не бывает длинным,
Коль бывает — то не взаимным.,

ГОРОД

Стоять у Синода, Сената,
Подслушав капеллу дождей,
И сердце ответит сонатой,
Становится сердце добрей.
Горячее солнце в зените
Протянет лучи, словно нити,
На шпиль, кресты, на людей...
Становится сердце добрей.
Промытый, волнуемый город
Сомнений, надежд и тревог,
Как друг мне единственный дорог,
И Пётр на коне, точно бог.

ПОЭЗИЯ

В. Кузнецову

Как передать дыханье клёна,
И песню раннюю скворца,
Пар при распашке чернозёма,
Улыбку твоего лица.
Весь этот мир многообразен,
Приходит радость и беда.
А сердцу нужен, нужен праздник
Он стоит вечного труда!

* * *

Сквозь зелень струится речушку,
Прогретая на глубине.
Раскрылась от солнца ракушка,
Жемчужно сверкает на дне.
Над нею карась проплывает,
Едва плавником шевеля,
Застыл, изумлён, наблюдает,
Блестят перламутром края.
И я осторожно ступаю
По кромке июньского дня.
И сам от вопроса страдаю:
А что там внутри у меня?

ШЁПОТ ДОЖДЯ

Бархат кожи и тела тепло
Я запомнил, и мне повезло
Слушать в ночь от тебя уходя,
Обжигающий шёпот дождя.

Словно не было в сердце оков,
Я свободен в пространстве веков,
И ладонь подставляю шутя,
Обжигающий шёпот дождя.

Ночь звенела, как связка ключей,
Ночь сгорела, как пара свечей,
И в рассвет заезжает трамвай...
Вспоминай, приезжай, узнавай."

* * *

Хорошо, что в мире сосен,
Можно выпить слово осень.
Обменять твои ромашки
На холщовые рубашки.
И ещё того, кто любит
Целовать в большие губы.
Находиться в этом мире,
Как в одной большой квартире.
Где никто тебя не спросит,
где никто тебя не бросит...

* * *

Я потерял ключи любви,
Их сердце зоркое не видит,
И глупые слова твои,
Меня несколько не обидят...
Но, может быть в краю ином,
Где солнце и цветы и ветер,
Я буду думать о былом, —
Что лучше нет тебя на свете!

ВЕРБА

Моя гибкая верба,
Вера, верность моя!
Ты слыхала, наверно,
Много раз соловья.
Время птицею мчалось,
То улиткой ползло.
Сколько раз вырубалась,
Но росткам повезло.
Проросли, не пропали,
В стужу лютую, в зной,
Многих мы не узнали,
Стал ли ты сам собой?!

* * *

Струится июльское солнце
И снова в душе светлее,
И только вода в колодце
Прозрачнее и холоднее.
Струится вода по небу
И утоляет жажду,
И журавли по небу
Вдруг улетят однажды.
Струится её прохлада,
В ладонях краюха хлеба.
Мне ничего не надо,
Кроме земли и неба.

ОСЕННИЙ САД

Осенний сад и тяжесть яблок,
Ветвей опущенные крылья.
Сад перезрелых спелых ягод
Уже не требует усилий.
Пусть зрелый плод к ногам падёт!
А ветви воспарят под небо...
Но если не произойдёт?
Под тяжестью своих плодов
Сломается душа и ветви.

НОСТАЛЬГИЯ

Голубые глаза люблю!
Голубые глаза молю,
Дорогая, меня прости,
Отпусти меня, отпусти.
Отпусти меня в дальний дом,
Отпусти меня в тихий сад,
Где звезда горит в голубом,
Листья падают и звенят.
Я тебе расскажу потом,
Как я дома смог погостить,
В чудном садике золотом,
Отпусти меня, отгрусить.

* * *

Как хорошо, что ты живёшь...
В холодной жизни недотрога,
Страдаешь, любишь и поёшь,
Но только прошлого не трогай!
Где были солнечные дни,
И изумрудная дорога,
И жизнь как яркие огни,
И мысли мудрые от Бога...

* * *

Стихли громы раскаты,
Отблеск молний, тишина.
Отрассвета до заката
Возбуждённая весна
соки жизнью постепенно
от корней и до ветвей.
Всё заметней перемены
В глубине души твоей.
посмотри влюблённым взглядом,
Среди солнечного дня!
...А ты рядом, ходишь рядом,
и не вспомнишь про меня...

Татьяна КУЗНЕЦОВА

ГОРЬКИЕ И СЛАДКИЕ ВРЕМЕНА
Отрывки из автобиографической повести

НАЧАЛО

«7 апреля 1935 г. Советское правительство опубликовало закон, небывалый в истории цивилизованного мира. Этим законом провозглашалась равная со взрослыми ответственность вплоть до смертной казни для детей от 12 лет и старше за различные преступления, начиная с воровства. Народ был поражен этим чудовищным актом. Хорошо зная, что в сталинских судах царят равнодушие и беззаконие, люди испытывали тревогу за детей...» Александр Орлов «Тайная история сталинских преступлений».

Изд-во «Автор», М., 1991

В этот день, 7 апреля 1935 года, в стране Советов родилась и я, Таня Медведовская, ныне Кузнецова Татьяна Борисовна. Родилась я не одна: через 2,5 часа после меня появилась на свет сестрица Наталия (Талочка), и уже целых девять лет жила-была сестра Вероника. Наш папа, глядя на мамин живот, тешил себя надеждой, что будет мальчик, сын Валериан. Сына не дождался. Позже он говорил нам подросткам: «Девчонки, выйдете замуж, постарайтесь родить сыновей!»

Первые дни нашего младенчества протекали среди лесов, долей, ручьев, трав и цветов, т.е. на природе Подмосковья на реке Истре в поселке Нахабино близ полигона. Из этого времени я только помню, что было всегда красиво все кругом и мы в лесу рвали с бабушкой землянику. Папа служил в Москве в Главном Инженерном Управлении при штабе РККА, военный инженер II ранга. Ездил на пригородных поездах «ку-кушках» в Москву.

Вместе с нами жили родители мамы — бабушка и дедушка. Других бабушку и дедушку (папиных) я почти не знаю...

БАБУШКА

Моя русская бабушка Парманина Екатерина Палладиевна была из мещан, родилась в Короче в 1878 году. Семья жила в достатке. Бабушка была невелика ростом, с крупным носом и маленькими серо-голубыми глазами. Рыжеватые волосы собирала в пучок на затылке. Был ней главный стержень, который делал ее нужной, важной, своеобразной и привлекательной. Её всегда любил дедушка, любили дети, водились подружки. Бабушка сколько значит в моей жизни, что по-настоящему я люблю ее теперь, когда понимаю, когда сама стала бабушкой, начатки знаний об устройстве мира мы подчерпывали из бабушкиных рассказов и интереснейших, прекрасно оформленных книг с тиснением на кожаных переплетах, с рисованными заглавными буквами: каждой иллюстрации предшествовала прокладка папиросной бумаги. Журналы «Нива» и др. за 1909-1913 годы. В журналах были многодельные виньетки: сколько изыска, мастерства, прилежания несли они на себе. Детские книги: «Мое милое детство» и «Ясное солнышко» Клавдии Лукашевич, «Юркин хуторок» и Букварь, старинный Букварь с длиннохвостой буквой «Б». Много-много лет спустя, на выставке старинной книги в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, я увидела бабушкин букварь, и у меня остро заняло сердце по родному...

Спать бабушка ложилась с курами и вставала с петухами. У неё было недюжинное здоровье и уверенность во всем (здоровый дух). Она много и усердно трудилась. Нрав у бабушки был крутой, но ведь это была только наша, бабушка: наша старшая хозяйка, распорядительница, воспитательница, кормилица, радеющая о своих близких, наша укротительница и заступница. Она и мама, в долгие годы отсутствия отца, делали нашу семью – семьей. Как порой ни приходилось туго – всегда был родной кров. Бабушка не любила нежностей, поцелуев, но всю себя положила па алтарь служения семье. Была она человеком верующим, часто ходила в церковь, сотворяла молитвы, блюла церковные праздники. Крестила нас с сестрой в шестилетнем возрасте, в 6 часов утра в 1941 году в холодящей церкви. Она не любила советскую власть, но нелюбовь свою выражала осторожно; неизменно хвалила старую жизнь: быт, порядки, уклад, и в заключение говорила: “А теперь...” и выразительно махала рукой, дескать, можно хуже да нельзя, уж некуда.

Умерла бабушка 89 лет отроду, пережив многих своих детей, в том числе единственную и любимую дочь Клавдию, нашу маму.

МАМА

Итак, жили мы себе поживали в Подмоскowie, в зелени и свежести лесов. Мама — высокая, элегантная, редкой красоты женщина, жена красного командира (начальствующий состав). Мягкие однотонные халатики, папильотки, синяя-синяя кофточка с пуговицами-бантиками, фетровые ботики, мех горноста́я на плечах, золотая цепочка на шее; со вкусом обставленные комнаты — и вот те немногие принадлежности мамино́го бытия, которые сохранила детская память.

Ростом мама была высокая — 172 см (одного роста с палой), шея лебе́диная, талия тонкая, бока и ноги большие («нога крупна, а голова мала»). Мама имела гимназическое образование, домашнее воспитание, хорошо пела (меццо-сопрано) и играла на пианино. Пела она весь репертуар Анастасии Вяльцевой. С малолетства мы слышали песню. Малютками засыпали под ее обереги-колыбельные, подрастали и слушали романсы. Мама пела нечасто, видно, необходимо было сойтись вместе всем причинам, побуждавшим её к пению. Зато потом пела долго и с наслаждением одни и те же вещи: «Калитка» — «там, где гуще сплетаются ветви, у беседки тебя подожду...», «Средь шумного бала», «Рояль был весь раскрыт и струны в нем дрожали, я вас ждала, а Вы, Вы все не шли...», «Отцвели уж давно хризантемы в саду...», «Нищая» Алябьева и многие другие...

Папа рассказывал: «...помню был я молодой, бравый командир конно-прожекторной роты 9 электротехнического батальона, 24 года, неженатый, всеми дамами обожаемый. Прихожу как-то раз к Щербовским, а у них новое лицо — дивной красоты женщина играет на пианино, так спокойно, так увлеченно и... никакого внимания на меня, красавца Вронского. Тут всё и началось — я стал терять голову...»

Но обе семьи были против: у папы мать была еврейка, отец — поляк. В семье мать главенствовала. Ей хотелось, что бы сын Борис привел в семью даму из Общества, из высшего круга. Мама наша из купеческих дочек, православной веры (тогда мимо веры не проходили). В её семье наша будущая крутая бабушка Екатерина Палладиевна и слышать не желала о жидах. Обе семьи сказали твердое «Нет». Несчастные влюбленные (отцу 24 года, маме 26, она уже вдова журналиста Часнык) шли на последнее свидание сообщить друг другу о невозможности брака. Встретились... и решили не разлучаться никогда. Папа крестился в православную веру. Я сама видела этот документ. Такова предыстория нашего появления на свет.

Но сперва родилась Вероника (Люка), первенец, баловень отца и

матери... и нежеланная бабушкина внучка. Когда я отпевала их всех, своих близких, 6 марта 1992 года во Владимирском соборе, я просила Господа Бога помирить Люку с бабушкой.

ЛЮКА

Наша Люка (она же Вероника и Людмила) родилась 24 июня 1926 г. в Харькове. Отец с мая по октябрь 1926 г. служила 300-м стрелковом полку 100-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Бердичеве.

Целых девять лет Люка была единственным ребенком в семье; нежеланная бабушкина внучка. Причина была старая русская, неизбывная, безобразная. (...Прежде иудеев не называли евреями, а называли жидами не как оскорбление, а как обозначение национальности и в дореволюционной России и на Украине и в Польше. В Польше и теперь иудей – жиды. Бабушка жила в то время, когда было принято обозначение национальности человека – жид. Называя свою внучку жидовкой, бабушка как-то пыталась осудить её своенравное поведение, непослушание. Но выходило всё то же: «плохая» значит, жидовка, «хорошая» – значит русская. Да-а-а-с!)

Отец у Люки – еврей, а мать русская, любимая дочь бабушки. Какое заблуждение! А вот, поди же, разбери. Не раз Люке во след, еще ребенку, летело слово «жидовка», которое она и не понимала. Но ребенок быстро осваивается с миром. Люка видела, как глядит на нее бабушка, как реагирует она на все ее игры, смех, поступки. Однобоко-осуждающе. Мама их часто разводила. Она, как всегда, была меж двух огней. Бабушка и дедушка жили в нашей семье. Люка, как родная и любимая дочь, тоже жила в этой семье.

Имея от природы норовистый и неуравновешенный, самостоятельный характер, Люка, подрастая, давала бабушке отпор. Рядом был любимый папочка, которого она обожала и, за её короткую 17-летнюю жизнь любовь к отцу оказалась самым сильным чувством. Маму она тоже очень любила, но всякий раз во всех разладах с бабушкой она видела, что мама пытается порой взять сторону бабушки, сказать, что она в чем-то права, что так нельзя и т.п. Люка, говорят, никого не слушалась. Даже уезжала без спросу на

«кукушках» в Москву. В семье оказались недруги, ПОЧТИ враги. Обе с крутыми нравами. Стыдно сказать – бабушки и внучка! «Фу ты – кричит из окошек народ, – где это видано, где это слыхано» – плачет ребенок, а к бабке нейдет.

Папа уделял Люке много внимания. Играл с ней, ходил на лыж-

ные прогулки, покупал игрушки, интересовался ее школьными делами, ездил с ней и мамой отдыхать, прощал ей проступки, пытаясь мягко договориться. Ответом ему была безграничная любовь. Всего я, конечно, не знаю, но уверена, что по прошествии многих лет нелюбимым плохой зять, «жид» стал в изменившихся представлениях бабушки золотым. Из-за одной только национальности, настроившись к нему однобоко критично, отрицательно, она нескоро поняла, какой он был изумительный человек.

Итак, в одной семье два недруга накануне сильнейших потрясений, которые уже громко стучали: пришла Беда – отворяй ворота. Беда одна не ходит (со товарищи). Арест отца. Веронике 12 лет. Она уже исповедует отцовские взгляды, смотрит на мир его глазами. Что ей говорили об его отсутствии, не знаю. Наверное, о командировках. Состояние души трудно спрятать, и ребенок догадывался, что папы нет надолго или навсегда, а противная бабушка всегда здесь. Люка бунтовала, надламывалась её не созревшая душа.

Когда-то в Норильске, когда мы разбирали и упаковывали вещи к отъезду (1952 г.), мне попался на глаза клочок Люкиного письма к отцу: «Мой дорогой, горячо любимый папочка (13-14 лет!) Где ты? Мне никто толком ничего не объяснит, все отнекиваются, говорят неправду; шепчутся про арест, про попытку обратиться за оправданием. Разве ты в чем-то виноват? Напиши мне, где ты. Я у всех спрашиваю адрес. Я попрошу у мамы денег и приеду к тебе. Бабка донимает меня, называет жидовкой, а Таньку и Талку любит. Папа, ведь вы с мамой у нас одни родители?»

И вот мы в Короче. Надо где-то жить, как-то устраиваться, ладить с людьми. Нас тут никто не жаждет видеть в таком количестве – дедушка, бабушка, мама, Люка тринадцати лет, и нам с Талой нет и 4-х – пять душ!

На пороге стояла война, а мы все – дети врага народа, вслух ничего не велят говорить, кто твой папа, где он, кем работает? Губы так и дрожали от обиды: мы ведь знали, что он хороший, а получалось, что он плохой.

Люка носилась по Корочанским косогорам и пыльным улицам. Крепкая, красивая, высокая и никому не поддающаяся. Подружилась с какими-то девчонками. Дома не помогала, маму не жалела. Появится, как ураган, что-то пожует и... исчезла! У нас отняли бога, отняли папу. Она подрастала, безжалостно грубила маме, бабушку называла Салтычихой и угрожала напустить в нее тяжелым старинным подсвечником. Нас своему любила, иногда играла. Но от нас не укрылось то, что бабушка всё больше берет нас под свою опеку, влияние. Люке хочется взять нас

с собою к подружкам и одеть сообразно своему вкусу. Тут же вмешивается бабушка: Куда ты их собрала? Опять к своим ветрогонкам? На дворе прохладно — надо не кофты, а пальто надеть и... пошло-поехало. Люка плюнет: «Да провались ты!» и ускакала. Так она постепенно выдвигалась из домашней ниши. У нее появился Сережа, застенчивый молодой лейтенант. Как только он бывал свободен от службы, бежал к Люке. Видно, он тоже ей нравился но она своей резкостью, своеобразием заставляла его печалиться, страдать, срывая редкие свидания. Пришел прощальный час. Сережина часть уходила. Он сильно влюбился, строил планы на будущее. Перед отъездом не расставались вовсе. Я, пробегая, видела, как обнявшись, они горячо шептались, что будут писать друг другу. «Жди меня, и я вернусь, только очень жди». После отъезда Сережи Люка отчаянно плакала. Потом стала постоянно убегать к своим определенным подружкам Нинке и Таське. Всё стало не мило, всё постыло. Только мама и мы еще имели для неё какое-то значение родного дома.

1942 год. Оккупация. Люку увозили куда-то прятать — в деревни, в погреб, но она ломала все планы. Сказала «никого не боюсь». Вернулась в Корочу. «Пусть расстреливают». Подружки подбили её не ходить на рытьё окопов для немцев, что было объявлено обязательной повинностью для людей определенных лет рождения. Люкин 1926 год подходил. Немцы объявили, что не явившихся три раза подряд на трудовую повинность по составленным спискам ждет работа пленных в Германии (т.е. рабов). Каждый день на заре к нам стучал полицейский-староста. «Где твоя дочь? — свирепо спрашивал он маму — Ты знаешь, что ей грозит?» Люки не было. Она пряталась сама то у одной, то у другой подруги. Где она спала? Что ела? Народ жил в голоде Мама теряла рассудок. В редкие минуты, когда Люка появлялась в доме, мама стояла перед ней на коленях, умоляя выйти на окопы. «Люкочка, ведь это дома, это не в чужой стороне». — «Мне все страны чужие, — отвечала дочь. — Эта страна чужая. Она погубила моего папу, жених мой ушел на фронт умирать. Ненавижу! Мои сестренки — бабкины внучки. Только ты одна, но и с тобой не уживемся из-за бабки». И продолжала скрываться. Списки уже были составлены, и назначен день вывоза славянских пленных. В 16 лет Люка получила паспорт на русскую по национальности матери. И подлежала этапированию.

Какой вой и топ стоял на площади, когда матери и старые родственники провожали своих русоволосых и чернобровых красавиц. Правда, какие красавицы ехали в плен! А наша была сто и породистая, ни пакого не похожая, длинноногая и стремительная. Но уже больная. Мама знала все, биение каждой жилки на ее теле. Люка росла, был голод, она

бог весть что ела, по что одевалась. Простудилась? Ослабла? Туберкулез горла, скоротечная чахотка.

Как мне жаль мать. Все невзгоды и печали ложились на её плечи. Мужа арестовали — крутись сама. Бабушка с внучкой не уживаются — всё на маме. Когда был жив дедушка, и он попивал, бабушка не желала его видеть и сняла ему в Короче убогую комнатку. Там, мол, и пей. Мама страдала. Ей жаль было доброго молчаливого отца, который и пил-то из-за бабушки. Она на него была похожа и ростом и красотой. Отец её баловал в девичестве; из своих коммерческих поездок привозил сласти, подарки; катал на пролётке и не бранил за шалости. Она любила прыгать у тетушки (его сестры) на огромной кровати из множества тюфяков и перин, как на батуте. Тетушка говорила: «Клава (это наша мама) так распрыгалась — любо-дорого глядеть. Пусть прыгает. Жалко что-ли перины-то? Зато как радуется дитя». И отец тоже, довольный смеялся.

Пришли немцы — маме надо было прятать всех своих любимых «жидят» — и старшую, строптивую и маленьких, пока послушных. А теперь еще и горловая чахотка. Я плохо всё это помню. У меня столько вопросов к маме, папе, бабушке, Люке. Услышу ли когда ответ?

Люка кашляла, вроде уже появлялась кровь на салфетках. Когда мама её просила: «Завяжи горло, выпей молока, едва достала кружку» — она махала рукой. «Отстаньте все от меня, что хочу, то и делаю». Не забыть, как однажды, когда бомбили Корочу, стоял гул, грохот, вой — словом, преисподняя. Люди бежали в бомбоубежище. Наша Люка высокая, тоненькая, с развевающимися на ветру волосами в легком платьице **ВЫСКОЧИЛА** на улицу и, воздевая руки кверху, к самолетам, кричала громко: «Ненавижу фрицев, ненавижу, всех убью. Будьте вы прокляты».

И вот возвращаюсь к прощанию. Множество грузовиков кабинами на запад уже давно ждали погрузки, народу много, кричат, плачут, обнимаются. Бедная Россия, нищая убогая Россия под вражеским копытом. Немецкие мелкие начальники наблюдают за прощанием, начинают подгонять «Шнель, шнель». Мама наша мечется, ищет Люку. Каким-то чудом достала Люке в дорогу кусочек сала, обернутый в тряпочку. Она держит ещё шерстяной платок ей на горло и ещё какие-то вещи. Люки нет. Мама, не раз пройдя среди машин, договорилась с худеньким фрицем-шофером (мне запомнился его большой кадык), чтобы взял Люку в кабину; объяснила ему по-немецки и по-русски, что она больна, не может на ветру в брезентовых фургонах. Он согласился. Люка нашлась в последний миг, когда уже защелкивали кузова и кричали по-немецки о начале движения. Мама пыталась сунуть поистине драгоценное сало и потащила ее к той машине. Люка, как всегда, ломала все планы. От-

пихнув мамину руку с салом, отказалась сесть в кабину; со смехом, как ведьма, полезла в громадный фургон, едва устояв на ветру. Нет, могу сказать, поцеловала ли она маму и нас. Заработали моторы в ответ на последний приказ. Под новый всплеск рыданий народных колонна двинулась на запад. «Мы землю ногами толкали на Запад... чтоб солнце взошло на Востоке». Вот оно и взошло. Доживаем в той же нищете, бесправные рабы.

Даже мы, семилетние, понимали, что случилось страшное горе, большая беда.

Медленно пустела площадь, долго голосили бабы, и в ушах еще звучала жесткая, колючая немецкая речь. Когда мы вернулись, мама рухнула на кровать лицом вниз и не шевелилась, как бы замерла. Она молча и неподвижно лежала несколько дней, бабушка осторожно к ней приступала: «Клава, Клава, вставай, надо жить, ведь у тебя ещё двое». Вместо окопов на Родине, Люка рыла себе могилу на чужбине и лежит в ней уже 60 лет. Кабы знал мой читатель, как тоскую и печалюсь я по моей сестре, машущей на всех и на всё рукой, стремительно куда-то улетающей, даже навстречу смерти.

Люкочка, дорогая, скоро увидимся всей семьей. И бабушку примем в общий круг. Я ведь вас отпевала вместе. Бабушка как человек верующий, раскаялась и последние годы боготворила зятя-жида. Не была она злым человеком. Думаю, атмосфера жизни была такой в её среде. Горького читаешь — тоже водились скандалы в семьях, раздоры, придирки и прочее. Оттого и гласит одна из заповедей Божьих «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Я пишу эти строки и задумываюсь: как Люка доехала до Германии, что она там увидела, что испытала, сколько унижений. Какую она могла получить помощь и от кого? Мне приходит мысль, что впервые она обмирала от любви к маме. Что имеем не храним, потерявши — плачем. Прожила Люка чуть больше года. Умирая, её бедное сердце обращено было только к родным: мамочке, папочке, сестричкам и, может быть, простила и бабушку. В 17 лет сторел несговорчивый, строптивый, но открытый и незлой человек. Красавица-дивчина. Лежат сё останки в немецкой земле, и нет у меня финансовой возможности посетить её могилу. Обращалась к немцам дважды. Ничто не срабатывало. Только я и моя сестра-двойняшка Наталья живы изо всей семьи и так хочется омочить родственными сестринскими слезами её могилу в Киле. Передать ей поклон от матушки и от батюшки, которого она не чаяла увидеть. Я не прощаюсь с тобой, сестра!

У НАС В СЕМЬЕ

Папа и мама жили раньше в Москве и Ленинграде, имели привычку ходить в кино, театры, в компании, на стадионы, читать книги, а папа еще и писать книги (учебники) и вести диспуты. В Норильске они тоже дружно предавались чтению в огромной 2,5-спальной дубовой кровати, которую удалось купить у отъезжающих (мебели в магазинах не было). Я помню обмен мнениями по поводу «Саги о Форсайтах» Голсуорси, «Воспоминаний» Вересаева, Телешева, «Смерть Визир Мухтара» Ю. Тынянова, «Маскарада» Лермонтова и т. д. Однажды мы всей семьей слушали по радио (прямая трансляция) оперу «Евгений Онегин». Она начиналась в Москве в 8 часов вечера и заканчивалась в 12 часов ночи, соответственно в Норильске это равнялось началу в 12 ночи и окончанию в 4 часа утра. «О жалкий жребий мой!..» пропел Онегин, и мы все шумно завздохали. Ходили наши родители в Норильский драматический театр на пьесы А.Н. Островского, на Красноярскую оперетту (то были блестящие спектакли), на концерты – гастролы. По возвращении с концерта Пантофель-Нечецкой мама весь вечер подтрунивала над папиным восторгом перед певицей. «Девочки, – говорила она, – ваш папа громче всех кричал: «Бис! Bravo, Дебора!» и слал ей воздушные поцелуи».

Пели в нашей семье и отец, и бабушка. Но им было недостижимо далеко до мамы. У папы через пение выражалось хорошее настроение: «У приводья, у реки тянут сети рыбаки...», Тарантелла и очень много Вертинского: и лиловый негр, и желтый ангел, «Ваши пальцы пахнут ладаном...», «В бананово-лимонном Сингапуре-пу-ре...». Много было военных походных песен, в том числе «Полюшко-поле», которое папа не пел, а выстукивал железками, включая голос. Изображая как конный отряд слышен издали, приближается, идет мимо нас и... удаляется. И тут мне вспоминается Гайдар «Судьба барабанщика». «Папа, но ведь это песня не военная, – возмущался Сережа. «Как не военная, – отвечал отец, – идет отряд, устал, надо отдохнуть...» и т. д. Через военного папу я полюбила военного Аркадия Гайдара, если какой-то отрезок жизни я была человеком (подростком) советским, то эту метаморфозу сделал со мною Гайдар, никакие пионерские сборы и костры, никакие линейки и комсомолия не действовали на меня так, как Гайдар. Его «Школа», «РВС», «Дальние страны», «Военная тайна» и особенно «Судьба барабанщика», да прибавить военные рассказы отца, наполняли мою молодую душу пафосом новой жизни и социалистического созидания. Через пару лет на смену пришли С. Цвейг, Г. Мопассан, Э. По, Куприн и т. д. и т. п. Но Гайдара я и сейчас обожаю.

Порою отец дирижировал нашим семейным нестройным хором при

исполнении «Вечернего звона», деля нашу семью из 4-х человек на 2 певчие половины. Когда у папы было скверное состояние духа, он затевал нелюбимую нами песню, пожалуй, романс:

Красавица в позднюю осень
К окошку головку склонила
И думала: «Боже ж ты мой,
Скорей бы весна приходила...
В постели томится больной
Как воск, тает молодость, сила
И бредит он также порой:
«Скорей бы весна приходила»
И вот... прилетевшая вновь
Обоих весна одарила
Одной и цветы и любовь
Другому цветы и могила...»

Мать и отец любили друг друга. «Мы так близки, что слов не нужно, чтоб повторять друг другу вновь, что наша нежность и наша дружба сильнее страсти и больше, чем любовь» — пел Вадим Козин. Это о них. Совместно прожито было почти 15 лет, семья состоялась. А тут репрессии и война! Отец не знал, что с нами, где мы. Знал, что Беда. Мама не знала, куда его могли увезти, жив ли. Знала, что Беда. Я даже с трудом пишу об этой тяжелейшей разлуке. И все-таки это была разлука, а не расставание. Восемь лет невыносимых страданий порознь. Удивляешься, как всё это удалось обоим осилить. Здоровье их было подорвано так, что жить оставалось совсем чуть-чуть после соединения семьи: маме 4 года, а папе 5 лет и 2 месяца. Всё же за столь малый отмеренный срок удалось снова создать семью: устроить быт, наладить ритмы жизни. Папа работал, мама держала дом, мы учились. Бывали гости. Порой и мама с папой были приглашены. Мама звала папу Бусик, а папа маму Мусик. Задерживались подолгу за вечерним чаем. Вспоминали многое из прошлого, беседовали о судьбах братьев и сестёр.

Однажды поздно вечером мама просила: «Бусик, расскажи о звёздах». Мама полагалась на его обширный, уникальный ум и интеллект, а маме часто хотелось послушать о неведомом, о таинственном мире — о звездах. Мама была вся в своего отца, и ростом и красотой и молчаливостью. Она была молчалива. Папа же, напротив, когда был в духе, любил пошутить, побаловаться с нами, детьми, с животными, напевал шуточные куплеты.

У отца была мягкая поступь, походка. Вид у него был крепкого че-

ловека с хорошей статной фигурой и красивым лицом. Сам считал себя похожим на Вронского из «Анны Карениной» и пользовался успехом у женщин. Но дамы могли рассчитывать лишь на внешнее внимание воспитанного человека. Жена была по сердцу, и ему не хотелось отзывать на влюбленные взгляды не известно для чего. Папа придавал большое значение туалету в любых условиях, любил чистоту и свежесть тела, одежды и никакого одеколона, если нет очень хорошего. Помню папины прекрасные коричневые ботинки-туфли чешской фабрики «Батя» до социалистической эпохи. Когда к чехам пришел социализм, «Батя» стала именоваться «Свит» и обувь пошла социалистическая. К нам на день рождения приходили одноклассницы и папа охотно с ними вальсировал, и танцевал тиритомбу (мама ни за что не стала бы танцевать). Папа был активным собеседником, успешно доказывая свои мысли, позиции. Мама же всегда держалась в стороне от разговоров, была больше наблюдателем, нежели участником бесед с гостями. Лишь в сугубо женском обществе у неё появлялось желание о чем-то рассказать. Дороже всего была, ей семья, своя. В молодости она привыкла производить впечатление своей красотой и сдержанным поведением. Ну а уже в эти норильские годы было не до того. Терпеливо хворала, несла свой крест, никогда не претендовала на оригинальность. Ей это было ни к чему.

Мы были любимыми детьми, предметом постоянного внимания и забот (наше подрастание, учеба, дружба с другими) и масса еще такого семейного, своего, чем дорожишь потом всю жизнь. Дом был отрадой, что тут скажешь?!

Вот как пишет об отце подруга нашего детства Н.Леринман: «Из моего норильского детства помню замечательных умных людей. Борис Семенович Медведовский, бывший узник Норильлага, а до 1936 года – полковник Красной армии. Он был отцом моих закадычных подружек – Тани и Наташи. После освобождения он преподавал в норильском техникуме, и я была свидетелем, как его обожали студенты. Это был человек разнообразных знаний, прекрасный педагог, он и нам детям, которые бывали в их доме, привил много хорошего, мне – тягу к стихам. Он рано ушел из жизни.

Папа любил и почитал Д. Шостаковича. Все боялся: «Они убьют его, убьют гения...»

Пела порою и бабушка. Дребезжащим тоненьким голосом: «Часовой! – Что, барин, скажешь? – Притворись, как будто спишь. А я в лес через ограду, в лес дремучий я уйду...»

Или:

– Что танцуешь, Катенька?

– Кадриль-польку, папенька.

- Где училась, Катенька?
- В пансионе, папенька.
- Где ты деньги брала, Катенька?
- У Вас, у Вас в шкатулке, папенька.
- Как ты смела, Катенька!
- Извините (книксен), папенька.

ОТЕЦ

А где дети? Что... никого нет? Клава, потерялись дети. Это слова нашего папы. Жизнерадостный, красивый во френче со шпалами и петлицами, он входил к нам в детскую с каким-нибудь розыгрышем. Он знал, что мы сидим в засаде на спинках кроватей, укрывшись портьерами дверей. И, при появлении его и дверях, мы бросались на него с двух сторон. Он нас тискал, шнырял, крутил, поднимал по очереди над головой. Я до сих пор помню, что кололись какие-то кнопочки, звездочки, значки, нашивки, пахли кожей ремни. Я так была рада, что он у нас есть! Тогда мы с Наташей были трехлетние малютки. А в 1946 году мима везла нас, уже одиннадцатилетних, к папе в поселок Норильск Красноярского края. Я так ждала встречу с папой, так мечтала о ней. Сидя на дорожных чемоданах и узлах в Белгороде, я смотрела только на девочек, которые шли за руку с отцами. Какие счастливицы! «Мама, а наш папа и теперь военный? А он и теперь такой же красивый? Носит ли он фуражку? Любит ли он нас через столько лет по-прежнему?». Мама все нервничала, нервничала, отвечала как-то отрывисто.

Чтобы путь был покороче,
Из безвестной из Корочи
Ехала семейка медвежат...

Папа ждал нас. Это его шутливые импровизации.

Как Америго Веспуччи
Выбирая путь получше
Пароходом, поездом, машиной
Ехала семейка медвежат...

Перебираю старые фотографии. Москва. Лето, стадион. Мама с папой на стадионе. Мама в панаме. Подмосковье. Зима. Папиным почерком надпись: «С дочерью Люкой в окрестностях Москвы 1933». Московская квартира 30-х годов. Санатории в Евпатории, в Сочи, мама с папой на

пляже и в воде. Еще не наступил 1938 год.....

В 1938 году нашего папу «по схеме» понизили в должности и перевели из Москвы в Ярославль начальником КБ завода «Красный маяк». Через полгода после этой подготовительной меры, ночью в 2 часа (когда дети спали) увели нашего тятеньку под белы рученьки на Голгофу аж до самой его смерти в 1952 г. Знать бы нам всем тогда, что через год испустит дух сам Великий сатана, и в людях поселится надежда. Может, мой отец от одной той надежды вырвался бы из когтей смерти. Итак, возвращаюсь к тридцать восьмому. Нашу семью (семью изменника Родины, врага народа) изгоняли из Ярославля из квартиры 14 дома № 50 по ул. Володарского. Иногда я слышала обращенные к маме слова: «Убирайся со своими щенками!» Бабушка списалась с дальней родней, с золовками, дедушкиными сестрами, и мы, долго ли коротко ли, в один прекрасный день оказались в городе, а вернее в городишке Короча, тогда Курской, а ныне Белгородской области.

Итак, взяли отца ночью с 6 на 7 ноября.

Вот выдержка из дела № Р-18628:

«...На основании изложенного обвиняется Медведовский Борис Семенович 1900 г. рождения, уроженец Херсона, еврей, гражданин СССР, служащий, образование высшее, до ареста начальник энергетического отделения инженерного Управления РККА, военный инженер II ранга (из РККА уволен) в том, что является участником антисоветского военного заговора и проводил вредительство.

Составлено март 1939 Лейтенант Госбезопасности Васильев. Медведовский виновным себя не признал, но полностью изобличен показаниями Големба А.Л., а во вредительстве показаниями Ершова, Силаева, Попова...

...В Бутырской тюрьме под следствием находится в камере №89. С постановлением Особого Совещания при УНКВД СССР ознакомлен 20 мая 1939 г: восемь лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере Норильска (Нориль-лаг)».

«28 февраля 1938 парткомиссией при отделе Полит. Управл. РККА Медведовский исключен из рядов НКП(б)...политически сомнительный человек... любимчик врагов народа. В Киевской военной школе преподаватели из бывших белых офицеров ШРАМ и ОЛЬДЕРОГГЕ советовали ему поступать в высшую военную школу и обещали поддержку...

...называл Ленина оппортунистом. С партией не работал. Политминуту проводить не хотел и препоручал другим.

... Расхваливает заграничные образцы вооружения, восхищается немецкими и японскими образцами. И т.д....»

Допрос начат в 11.00, окончен в 17.00.

Допрос начат в 21, прерван 1 час. 40 мин.

Допрос начат в 12, окончен в 16.

Начат в 23, окончен в 1 час 30 мин.

Начат в 14, прерван в 15.20.

Второй том дела № 622011 (по Красноярскому краю).

«Наказание отбыл, освобожден из Норильлага досрочно за хорошие показатели в труде 7 ноября 1944 г., но на основании Директивы № 185 задержан при Норильском Комбинате МВД СССР до окончания военных действий. Поданная жалоба с пересмотре дела осталась без удовлетворения».

Постановлением Особого Совещания при министерстве безопасности СССР 29 ноября 1950 г. по тем же статьям отец был сослан на поселение в Красноярский край под надзор органов МГБ.

Умер отец в ссылке, лишенный прав гражданства, сломленный болезнями, вынужденный каждый месяц ходить на переключку в органы МГБ, в стужу по 4 часа стоять в очереди.

Ноябрь в жизни нашей семьи был злым месяцем. В ночь с 6 на 7 ноября 1938 – арест, 8 ноября 1950 г. умерла наша любимая мама, 24 ноября 1943 г. умерла старшая наша сестра Вероника в Германии в г. Киле. Похоронена на кладбище Эйххоф. 29 ноября 1950 г. отец подвергся новой репрессии по тем же статьям 58-1 «б» (измена родине) и 58-7 (вредительство). Папа был умный, стойкий человек (он сидел с урками, ведь политическими репрессии не назывались, все были уголовные). Ноябрь 1950 его сломил, смерть жены (нашей мамы), новое осуждение, очень скверное состояние собственного здоровья и самые мрачные мысли о нашем будущем. Помню, как он пришел домой подавленный, угнетенный, убитый. Даже мы сразу забеспокоились, увидев неладное. «Папа, папочка, что случилось?! Что-то произошло?» Папа, растирая заочеченные руки, глядя в пол, произнес: «Дочери, я больше не гражданин своей страны, отобрали паспорт, отстранили от преподавательской деятельности, я поднадзорный», Он даже заплакал, затрясся. Нам так жалко его стало, невыносимо жалко. Он был очень больным человеком. Мы начали его целовать, миловать и, как все женщины, несли чепуху, говоря «Ну и наплевать тебе на паспорт, подумаешь, мы с тобой, как жили, так и будем жить». Как я сейчас хорошо понимаю все его страдания.

Главное было пережить ночь. Утро вечера мудренее. А потом... полегчало! Кого ни встретит — всем добавили. И вот потянулись наши отцы в МГБзшную управу, раз в месяц отмечаться в своем существовании. По 4 часа в любую погоду, в страшную стужу и лютую пургу торчали на морозе на перекличке. Вспоминая это, я захожусь от бешенства.

Вот имена разумных, мыслящих людей, хорошо воспитанных, хорошо образованных, добросовестно трудившихся на благо своей страны, скромных, достойных всяческого подражания, которые, промерзая до костей, ходили отмечаться в органы МГБ; Медведовский, Калистов, Бобров, Ройтер, Каманин, Федоровский, Яворский, Корал-Оглы, Коган, Пирогов, Ремейко, Пьянков, Грамп, Шписс и сотни других. Сегодня их никого нет в живых. Вечная им память.

КОРОЧА. ВОЙНА

Итак, после ареста папы мы оказались в Короча, маленьком старинном (основаном 1638 году) городке под Белгородом (и 50 км) и в 43 км от железнодорожной станции Прохоровка (той самой Прохоровки, куда пришелся один из 10 сталинских ударов). Это был славный провинциальный городок с белыми меловыми горами, весь укиданный садами с самыми лучшими на свете «пушкинскими» временами года, с бездорожьем, церквями, смешанным лесом и подснежниками весной, с громкоголосыми хохлушками и ночными цветами матиолами, испускавшими в черную южную ночь ни с чем не сравнимый аромат, коему позавидовали бы даже парижские парфюмеры. Ребенком я почитала нашу Корочу самым главным городом на земле, как как постоянно слышала «короча говоря»...

Здесь нас застала война. «Вставай, страна Огромная, вставай на смертный бой!» Жарким пыльным днем весны или лета 1942 г. к нам в Корочу пожаловали «гости» из Германии. Они неслись в пыли на мотоциклетах по 2-3 в ряд, не более, т. к. дороги были узкими и не шоссевыми. Без выстрелов с обеих сторон заняли быстро дома и хаты. Быстро разделись до трусов и тапок без задников. Повскакивали на наших лошадей и с гиканьем понеслись по огородам, по посевам.

У нас остановился генерал. Денщик сам вымыл для него часть комнаты. Постелил медвежью шкуру и, когда тот улегся, покрыл его лицо кисеей от мух и сидел опахивал. А нас выставили на улицу, чтобы не прыгали и не мешали отдыху,

Всю чашу войны мы испили до дна: голод, холод, бомбежки, болезни,

потерю родных и прочие несчастья. Смерть кружила повсюду, и каждый день была рядом. Наша мама из красавицы превратилась в замученную невыносимой работой «лошадь». Бывали и так, что бабушка вынуждена была, взяв торбу (суму) отправляться в окрестные деревни Подкопаевку. Погореловку, Бехтеевку, Покровку просить кусок хлеба Христа и сирот (нас) ради.

А мы с Наташкой, не имея одежды, чтобы выйти зимой на улицу, целые дни вдвоем сидели на остывшей за ночь печке и гвоздём царапали рисунки. Вся печка была изрисована-исцарапана сюжетами детской фантазии. Баба-Яга костяная нога, избушка на курьих ножках, лиса, уносящая петуха, также много рисунков на Тему стихотворения Пушкина «Жених»: «Злодей девицу губит, ей праву руку рубит...» Нас не ругали. Ведь мы целые дни были одни в доме. К вечеру возвращалась бабушка, когда-то знавшая иную, много лучшую жизнь, и давала нам по ломтю хлеба и по вареной картошке. Экономили каждую крупицу соли. В деревнях людям удалось спрятать от немца в землю картошку и зерно, и у них было хоть, что-то, чтобы не помереть с голоду. В городе было совсем плохо. Маму свалил сыпной тиф, она умирала в больнице на окраине города. Бабушка говорила: «Молитесь дети. У мамы завтра кризис». Мы очень боялись этого слова. Мне виделся страшный лохматый дядька огромного роста, кризис, который не дает маме выздороветь. И плакала. А сестра говорила: «Давай спросим бабушку про кризис». Но мы боялись услышать объяснение. Мы не ели по несколько дней.

...Мама лежала в тифу в больнице на окраине города. Прежде это была городская больница; а в войну её быстро переделали в госпиталь. Сколько туда везли раненых?! Сотни или тысячи! Может, уже умерших. Такая она была, орловско-курская дуга «И колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой». Из-за большого количества раненых непросто было скрыть госпиталь Какой час суток ни выбирай, как ни маскируй, а движение, движение в одну сторону чего-то множественного, не утаилось от врага.

самолеты-разведчики установили наличие большого госпиталя, начались налёты, бомбардировки. С воздуха добивали умирающих.

В один из череды голодных дней мы буквально выли – просили есть, не было ничего. В окно вдруг постучала соседка Паша. Спросила, как Клавдия. Просунула окно маленькую кастрюльку с супом. Суп этот был на 99% вода, горсточка пшена и пахло луком. Сказала бабушке: «снеси Клаве в больницу, может, встанет». Бабушка жадно приняла суп «Дай Бог тебе здоровья» и укрыла его 10 раз. Мы с Наташей просили хоть ложечку, хоть дай понюхать. Бабушка была человеком трезвым. Она

знала, что мы сколько-то еще продержимся, не помрём, а вот у мамы только что миновал тифозный кризис, ей необходимо поесть, иначе погибнет. Бабушка прикрыла от нас суп и сказала: «Хотите, чтоб мать вернулась – не просите. Потерпите. Бог милостив». Не дала ни ложечки. И с этим «богатством» в виде маленькой кастрюли с супом мы отправились в далёкий путь на окраину города — километра три. Было лето или начало осени. Мы шли и шли, и шли. Вдруг завывла сирена. Надо было прятаться в бомбоубежище. Бабушка прижимала к себе суп. «Господи! Помилосердствуй, помоги дойти.». Спустились в маленькое недавно вырытое укрытие; ещё видны были отпечатки лопаты. В нем было сыро и много больших черных тараканов или жуков, которых мы с Талой очень боялись. Пока сидели в укрытии, бабушка всё берегла суп, тихо нас поругивала: «Не вертись, прольёшь». — «Бабушка, таракан прямо на меня смотрит, в глаза». — «Пусть смотрит. Он не кусается».

Люди говорили, что был большой налёт. Целили в госпиталь, но бомбы попадали и туда и в другие места. Погибло много людей, лошадей. Раздавались Крики, ржанье, детский плач.

Вышли на улицу, а там кровавое месиво. «Смешались в кучу кони, люди...». Бабушка уткнула наши лица в свой подол.

– Не смотрите, страшно!

А вот, наконец, и больница. Стоны, крики многих людей, «Сестричка, сестричка!» и по матушке. Люди в белых халатах быстро и спокойно делали своё дело. Таскали бесчисленные носилки, куда страшно было взглянуть. В сохранившихся помещениях тут же оперировали.

Бабушка назвала по фамилии нашу маму. Кто-то сказал «Посидите с детьми на улице. Сейчас узнаю». Мы сидели долго, и тут я впервые увидела, что у бабушки лицо белое, незнакомое, губы трясутся.

В проёме полурухнувшей стены появилась мама. Высокая худая, наголо остриженная и тоже какая-то чужая, отрешенная. Мы даже не знали, как себя вести, оглядывались на бабушку. Мама молча смотрела на нас, не улыбалась, не протягивала руки, не обнимала. Вот что делают с человеком невероятные страдания, горе. Ступор.

Потом мама подошла к нашей скамье. Бабушка протянула ей кастрюльку с супом. Мама строго спросила: «Они ели?» У бабушки крупно закапали слёзы, она замахала руками: «Ели, ели, я их кормила...»

Мы с Натальей дружно заголосили, что бабушка ни ложки не дала.

Мама вытащила из-за пазухи несколько корок черного хлеба и алюминевую ложку. Сказала, что все будем есть по ложки и отдавать другому.

«Ешь первой, мама».

У бабушки вырвалось: «Господи! Кожа да кости. Ну ладно, ладно, живая. Скоро домой».

В Короче мы были в оккупации около 7 месяцев с 1 июля 1942 по 7 февраля 1943 года. Были и немцы, и мадьяры (венгры), румыны, итальянцы. Они боялись русских морозов и немцев. Ходили частенько в бабьих платках. Нас, детей, спросят: «Немцы есть?» (имея в виду, стоят ли в доме немцы). Мы киваем головой, да, мол, стоят. Они и проверять не станут, уходят...

...У дома, в котором мы жили во время оккупации, были ворота. Они не отворялись и не запирались, лишь напоминали о временах минувших, то не были «новые тесовые ворота», а просто две огромные их половины, тяжелые, скрипучие, разлетевшиеся в разные стороны. Одна из них держалась на двух исполинских проржавевших петлях. Поскольку качелей не было и в помине, то мы с сестрой Талой приспособили одну половину «вороты» под качели. Вместе, напрягая силы, мы отводили это скрипучее сооружение до упора, быстро вскакивали на один из выступов и, держась за перекладину, медленно со скрежетом ехали назад до другого упора. Так мы катались...

...Здесь пролежала тропа, пропускавшая за день множество людей. В частности, ходили туда-сюда интенданты, хозяйственники, снабженцы. Они носили то ящики, то коробки, то в круглых нержавеющей банках сливочное масло для немецких офицеров. Иной раз что-то тяжелое в походных кастрюлях с ручками.

Мы были постоянно голодными детьми, но никогда ничего не просили, боялись даже прямо посмотреть в глаза — чтобы не накликать беды. Но поскольку эта продуктовая услуга менялась, то иногда появлялись два приветливых мадьяра, как ни странно светловолосые. Они нам улыбались, дружески подмигивали и однажды притормозив, спросили: «Ритка-арпаритка поёшь?» Мы закивали. На слух мы знали мотивчик и слова, вернее сочетание звуков этой, как оказалось, мадьярской песенки.

Риткаарпариткабузуридкарош
Кишланеокетакарош
Ламазаниламазаницикерицикер
Очимешанош...

Тала и я дружно запели «арпаритку». Мадьяры издавали радостные возгласы. Они сняли круглую крышку с огромной банки с маслом. Показали, как широко надо открыть рты. И в каждый открытый рот два больших мужских пальца засунули по большому куску сливочного мас-

ла. Мы с Наташей помчались домой и, как бокланы рыбу, выложили свою добычу на блюдечко. «Вот счастье!» сказала бабушка. Вскоре мы снова оказались на воротах. Снова пели «арпаритку», но... шли угрюмые или равнодушные снабженцы, не обращая никакого внимания на детей. Зато, когда в наряде были «наши» мадьяры, они непременно нас угощали.

НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ

Оружия столько было на этой земле, сколько травы летом. В городе шли бои, артобстрелы, постоянные налеты немецких бомбардировщиков, шли и шли войска. Вереницей шли танки, гудела земля, были переселения жителей в связи с маскировкой, жизнь на волоске от смерти.

Под домом у меня был склад оружия. Я ходила с полевой сумкой, подбирала множество выбитых и не выбитых патронов гильз, гранат, капсюлей. Подняла как-то целехонькую, мадьярскую гранату в виде крупного черного яйца с резинкой посередине. Ночью я почти не спала от радости, что у меня настоящая граната. Утром шепнула сестре, что будет что-то преинтересное. Бабушка выпустила нас на улицу. Я взяла под домом гранату и, повертев в руке, начала тащить резинку. Теперь я знаю, что в руках держала смерть, и ничего не соображая в этом деле, силилась снять резинку. Швырнула что есть силы куда придется ... и ничего, никакого взрыва. Досадуя на то, что граната использованная, я не торопясь подошла к ней, потревоженной ударом (сестра бежала за мной, уговаривала: «Не трогай, я тебя прошу, а то я бабушке скажу»). Но мой военный пыл заставил поднять гранату, отойти на прежнее место (у самой двери дома) и снова что есть силы швырнуть. Рвануло так, что черная земля вскинулась кверху, а внутри было пламя и туча красных искр. Мы с сестрой, белые как мел, скреблись в дом. Выскочила бабушка, перепуганная насмерть, полураздетая и, не видя нас, кричалат «Дети! Где дети?! Бомбежка, стреляют, где дети?!». Попала моя граната на самую пешеходную тропу и, к великому счастью всей моей жизни, никого не убило и не ранило. Пронес Бог и нас сестрой. Потом была суровая расправа. Один из военных, которые стояли у нас в доме, крепко зажав меня между сапожищами, требовал показать склад, о котором уже сказала сестра Наташа. Я молчала. Но под нажимом пришлось уступить. Склад ликвидировали, вытащив оттуда всё-всё-всё до последней пули, и показами не только маме и бабушке, но и всем встревоженным жителям, которые пришли подивиться на девочку с гранатой, и на какой пороховой бочке стоял наш дом.

БАЗАРЫ

Даже во время оккупации в Кюроче были кое-какие базары. Людям надо было обменяться жизненно необходимыми вещами, продуктами, кое-что сообщить друг другу, т.к., видимо, всё-таки «подпольный обком действовал». Русские женщины (это были почти исключительно они) ухитрялись делать маскировку основной товар для обмена, для разговора лежал, стоял,

и валялся так, прикрытый несвежей тряпкой. Держали же в руках и предлагали всякую ерунду: обноски вещей, башмаков, ленты в косы, дешёвые бусы, словом, ветошь и нищету.

Интересующим всех товаром было молоко в кринках, яйца, (если был), сахар, соль, зерно, хотя бы малой мерой и прочие продукты. Я слышала, что бабушка рассказывала: люди сообщали, кого раскрыли, увели, кого казнили, кого ищут. Искали коммунистов и евреев, партизан искали. Немцы дознались, расклеили объявления: кто будет уличен в укрывательстве евреев и коммунистов – расстрел. Начались расстрелы...

... В Кюроче был оставлен для подпольной работы некто Смирнов, суровый, но надёжный и по большому счету добрый человек. Он симпатизировал нашей маме и однажды, остановив ее на улице, сказал: «Плохи дела, Львовна. Всякий день ко мне приходят доносы на тебя и твоих детей; муж, дескать, красный командир, а дети – евреи. Я жгу над коптилкой эти бумаги, но придет донос и на меня, что не даю хода делу. Вы как-то поберегитесь». Наши детские уши-локаторы всё это слушали по вечерам, когда мама, разбитая усталостью, возвращалась домой из столовой для военнопленных, хорошо если с миской чечевицы. А бабушка ждала её с традиционным «чаем» (кипяток) вприкуску с нарезанной кубиками кормовой свеклой.

Стерва-соседка Мячикова Фекла, распутная баба, нас постоянно обворовывала через смежные сараи и, утащив папины военные бурки из белого фетра с коричневым кантом, сообразила, что он принадлежал к комсоставу. А её старшая дочь Пашка пыталась нас подчинить в играх и особенно воздействовала на мою сестру Талу, страшая её если ты со мной туда-то и туда-то не пойдешь, я крикну: «Пан! Вот еврейка, возьми её». Хотя мы с сестрой не очень-то во всем этом разбирались и не были типичными аидами, а напротив вполне русскими на вид детьми со всеми привычками провинции. Но мама, наверняка, не раз ломала свою бедную головушку над подобными проблемами. Сознательно не рискуя, она не заводила никаких разговоров о национальности: кто папа, кто мама. Никаких не делала акцентов, и мы в своём поведении и неведении были вполне свободны.

КУКЛА

Мы с Натальей долго пребывали в погребе, куда переместили нас в связи со слухами о карательном отряде. Из города нас вывезли в хату на окраине, уговорились со старухой-хозяйкой, что проживем у неё в погребке. В погреб хорошо только за продуктами спуститься, да поскорей наверх. А жить детям в вечной сырости, промозглости — это страшно. Хозяйка была грубоватая, но добрая и решительная. Она каждый вечер топила печку и в темноте тайком подавала нашей бабушке горячие кирпичи лечить пас от воспаления легких.

Не знаю, чем бы кончилось наше пребывание в погребке и сильнейшая хворь, кабы не кукла.

Мама и бабушка едва упростили знакомую модистку (суровую даму), чтобы она дала на время куклу. Мама сказала: «... дети погибают, Господь воздаст Вам!» Кукла изумляла! Она не была новая, ей было уже немало лет. Творение самой портнихи, кукла была большая, прекрасно одетая от кружевных панталончиков до полного верхнего гардероба: каштановые волосы образовывали прическу; синие глаза, черные брови и красный ротик па фарфоровом личике. Шелковая нижняя юбка, темно-зеленое шелковое платье с кружевным воротником и манжетами (тоже зелеными). На ножках светлые чулки и черные туфельки. А еще была роскошная накидка благородного серого цвета, вышитая травинками того же тона. Много мелких складочек. Поскольку кукла с десятков лет прожила у своей хозяйки, она не ослепляла новизной и была слегка потертой и запыленной. Это позволяло ей быть самостоятельным существом, она как бы заслужила автономию. Где-то потрескались пуговички, и у одной туфельки оторвался шнурок. Сие сокровище, завернутое в пакет, внесла в погреб бабушка своим больным внукам.

— Осторожно, господа. Играйте по очереди или вместе, но не ссорьтесь, не ссорьтесь. Нам ее надо будет вернуть.

Нашим первым вопросом было, как ее зовут? Бабушка не спросила хозяйку.

Кукла помогла нам выздороветь. Она наполнила нас радостью. Мы засыпали и просыпались, нащупывая ее руками. Её место было между нами. Подолгу глядели не неё с восхищением. Играли в неё ненасытно: трогали оборочки, фестончики, кружева, а имя так и не дали. Ничто ей не годилось, лишь ОНА и КУКЛА.

ПОБЕДА.

Помню, шли танки, множество танков. Теперь я понимаю, что они стягивались к Прохоровке, к тому самому сражению Мы, дети, подобно всем деревенским жителям, выбегали поглядеть. Гул стоял страшный. Гудела земля под гусеницам! Мальчишки тоненькими голосами орали: «Танки, танки идут...» Сколько их было не счесть. Танкисты не сидели празднично на орудиях. Видать были в люках. Рядом с каждым танком бежала собака-овчарка, у нее к брюху была привязана бутылка с горючей смесью. Сколько живых душ прошло перед нами на «бойню», называемую «священной войной». Как у Тургенева в «Бежином луге» прошли те, кому предстояло умереть. Мне так жаль их всех и сейчас...

...У нас в доме жили немцы, «господа офицеры». Они (человек 15) занимали большую комнату в ночь перед отступлением сидели мрачные, насупившиеся, при оружии, в полной форме и даже в головных уборах. Им не пелось, не игралось. Стояла мрачная зловещая ночная тишина. Мы все (мама, бабушка нас двое) находились в маленькой комнате. Мы просились уборную, мама смотрела страшным глазом и страшным шепотом говорила: делай здесь! Бабушка не вставала с колен перед иконой. Задремлешь – проснешься... а бабушка все стоит на коленях и шепчет. Мы боялись единым звуком напомнить о себе. Ничего не стоило, проходя мимо, перебить нас, как кур.

На рассвете (это было зимой) под сильный топот сапог, они покинули наше жилище. Мы остались живы.

Началась бомбёжка. Мы укрылись в бомбоубежище и слушали, как свистели пули, довольно музыкально. Бабы, дети и один старик. Дверь была заперта на засов. Вдруг шум, и кто-то, крича: «Отворяй!», стал трясти дверь. Засов выпал и перед безоружными жителями появился краснощекий наш русский с автоматом в белом маскхалате с капюшоном. Он наставил автомат и громко заорал, вглядываясь в темноту убежища: «Немцы есть?! Мадыры есть?!»

– Нету никого, – застонали бабы – Все свои, голубь!

– Затворяйтесь!

Через час все вышли на улицу и увидели при ослепительном солнце, как катят лыжники в белых одеждах, с красными лицами с автоматами наперевес. Наши отбили Корочу у немцев. У И. Бунина в «Окаянных днях» тоже есть фраза «Корочу отбили у немцев».

А потом был и конец войне. Мы с сестрой проснулись от слез и сте-

наний матери у нашей кровати. Мы знали, что он часто плачет из-за того, что мы ночью писаемся. У нас было нервное расстройство из-за бомбежек и мы каждую ночь «плавали в пруду». Приняв мамины рыдания за очередную лужу, мы дружно подхватились со сна и стали ее утешать: «Мамочка, миленькая, не плачь, вот увидишь, это в последний раз, мы больше не будем». А мама не может остановиться... рыдания душат её... Потом еле выговаривает: «Вставайте, девочки! Я вас не ругаю. Война кончилась!». Это было тоже 9 мая 1945.

Весть, зародившись в Германии, в считанные минуты была услышана во всей многострадальной стране. И повалил уцелевший народ на площадь. И заиграли гармоники. Запели, заплясали. Обнимаются, целуются, все прощают друг другу.

Сразу после войны зацвели, как невесты, сады. Все в белом. Пчёлы, шмели жужжат. Нектар собирают, суетятся. Бабы работают, как лошади. Урожай в тот год был необыкновенный. Только и слышалось: «Победа! Война кончилась!»

Зимой 1946 года раз в крещенский вечерок всей семьей гадали. Сожгли много какой-то бумаги на подносе и приставили при свечах поднос к стене. На стене из кучи пепла четко обозначились две фигуры мужская и женская, которые подавали друг другу руки. Бабушка сказала: «Клава, смотри, это Борис к тебе бьется!». Вскоре папа и впрямь прислал нам письмецо и вызов в закрытый поселок Норильск. Мама и радовалась, и сокрушалась, она не могла написать ему, что с нами нет Люки (Вероники).

Кипел чайник на плите, и прыгала крышка, бабушка говорила, что к нам спешит отец.

ПЛЕННЫЕ ИДУТ

По Короче гнали пленных. Больше союзнические армии — мадьяры, румыны, итальянцы, меньше немцы. Дело было зимой 1943 г., в морозный день. По главному шляху шли пленные. Много пленных. Первые шеренги давно уже скрылись за поворотом, а следующим не было счета. Вдоль дороги стояли местные жители: женщины, дети, старики. Я не помню выкриков, оскорблений, плевков. Молча смотрели люди, измотанные войной и вкусившие ада. Молча шли люди, тоже измотанные войной и вкусившие ада. Слышен был лишь стук подкованных сапог. Как внимательно глядели друг на друга гонимые и стоявшие у дороги. Одни, может быть, думали: «Вот вы какие, жёны, дети и матери тех, кто

нас так крепко поколотил». Выражение лиц было виноватое, но не той виной, когда просят прощения, а виной мужчин-воинов, которых побили, и это видят женщины и дети. А наши, поди, думали: «Вон они какие плюгавые, жалкие и чего пришли сюда из дальних краев? Сами Гитлера боятся. Домой хотят. Нет, не скоро вам дома быть».

«Гляди, гляди, какой волосатый! А у того нос синий, что наша слива. Не нравится русский мороз?» Идут вразброд, без строя (да строй им и не положен), поскользываются. Смущены. Холодно им. Голодно. Домой хочется, в теплую Италию, а кому и в Венгрию. И что это за Короча такая, что не одну сотню лет всё чужие сюда ходят? Строилась, говорят, для защиты Москвы служивыми людьми, московские рубежи заступала. «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим».

«Победа» — стихотворение из боевых «листочков», которые выпускались, не отставая от событий, я выучила наизусть в 1945 году и помню до сих пор.

Я ждал тебя не как влюбленный
Подругу ждет: придет иль нет
Я ждал тебя, как сад бессонный
Ждет на заре, чтоб хлынул свет.

Я шел к тебе, нетерпеливый,
Уверенный, что ты придешь
Навстречу полыхали нивы
И месяц был остер, как нож.

Мне заступали путь руины
И сердце разрывало грудь,
Я шел к тебе, и путь был длинный,
Но не хотел я отдохнуть.

Пришла! Как в небо голубое
Приходит Солнце на заре
И смолк далекий грохот боя,
Запели птицы во дворе.

Мне столько слов сказать хотелось,
Но слезы хлынули из глаз
Впервые изменила смелость,
И робок был я в этот час.
И столько чувств во мне боролось

Я слышал в имени твоём
И детский смех, и женский голос
И радостных салютов гром!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Татьяна Борисовна Кузнецова – удивительный творческий человек. Окончив литературный факультет института им. А.И.Герцена, она всю свою жизнь посвятила прикладному искусству – работала в декоративно-прикладных мастерских Союза художников. И потом уже на пенсии продолжала заниматься своим любимым делом – изготовлением кукол и декоративных панно. Участвовала во многих выставках.

Книга «Горькие и сладкие времена», как сказала сама Татьяна Кузнецова – это «памятник» её родным, и любимым людям.

Обладая прекрасным литературным слогом и литературным багажом (это всегда к месту упоминание нашей классики), она сумела, через историю собственной семьи раскрыть и глобальную, мировую историю – историю нашей Родины. Все мы знаем, что история складывается как мозаика и та маленькая частица, каторую внесла своей книгой Татьяна Кузнецова тоже бесценна.

Прочтя её, мы посмотрим на события страшных военных лет глазами 6-9 летнего ребёнка, но в этих глазах, в этих воспоминаниях, как в чистой воде отражены и боль и радость.

Большое впечатление на меня, как на читателя, произвёл рассказ «Кукла». Вроде бы не самый ключевой в повествовании. Но! Зная автора лично, я неожиданно для себя поняла, заглянула в подсознание нынешней Татьяны Кузнецовой. «Кукла изумляла! Творение самой портнихи каштановые волосы образовывали прическу; синие глаза, черные брови и красный ротик па фарфоровом личике. Шелковая нижняя юбка, темно-зеленое шелковое платье с кружевным воротником и манжетами (тоже зелеными). На ножках светлые чулки и черные туфельки. А еще была роскошная накидка благородного серого цвета, вышитая травинками того же тона. Много мелких складочек.

Сие сокровище, завернутое в пакет, внесла в погреб бабушка своим больным внукам.

– Осторожно, господа. Играйте по очереди или вместе, но не ссорьтесь, не ссорьтесь».

Какая поразительная память! С какой любовью описана каждая скла-

дочка, каждая кружевинка... надо видеть кукол, выполненных художником Кузнецовой, что бы понять — откуда происходит эта любовь. Не в том ли сыром погребе рождалось это светлое чувство.

Любовь к родителям — красная нить повествования. Проблемы в семье болью отозвались в сердце «Когда я отпевала их всех, своих близких, 6 марта 1992 года во Владимирском соборе, я просила Господа Бога помирить Люку с бабушкой»

Справедливости ради необходимо сказать, что в 2011 году Татьяна Кузнецова получила неожиданную возможность побывать в Германии. Пригласила их туда семейная пара Мюллер. И пригласила не случайно. Именно там, в городе Киле на старом кладбище была похоронена семнадцатилетняя Вероника Медведовская (по паспорту Людмила — Люка).

Вики Мюллер, оказавшись с миссионерской миссией в Санкт-Петербурге, случайно услышала историю о русской девушке Люке и предприняла всё возможное, что бы отыскать эту могилу.

Татьяна Кузнецова поехала туда вместе со своей сестрой-двойняшкой Натальей (Талой).

Они побывали на могиле своей старшей сестры. Немцы выполнили портрет Люки, взяв фотографию из сохранившегося у сестёр архива. Сделали новую табличку с датами жизни. На могилу приносят и зажигают свечи.

Немцы испытывают чувство вины и пытаются загладить её.

Нам бы так.

*Член Союза журналистов
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
Марина ПИМЕНОВА*

ЗИМА СИРОТСКАЯ

Ещё залива не сковало
Коварным льдом,
Ещё снегов не надувало -
Мокреть кругом...
Давно пора бы снегу выпасть
На берег наш,
Давно пора бы санки вынести
На дикий пляж.
Давно пора бы рыболовам
Уйти в поход
Ледовым буром, а не словом
Буравить лед...
А к нам зима не подступала,
И пляж раздет.
Еще снежинки не упало -
Дожди чуть свет...
Царюет Зимушка на Кольском,
А к нам пока
Еще не выслала с посольством
Ни ветерка.
Ещё тепло... И терпко пахнет
Опавший лист.
А если где в залесье жажнет
Артиллерист, -
Доносит эхо полигона
Далекий гром.
И, тратя щепочку, ворона
Сорит пером...
Как нелегко намокшей птице
Весь день до дыр

Свои надраивать косицы
И свой мундир!
Учуя ветры верховые,
Кричит кума:
«Накр-р-рывом тучи снеговые
Ведет Зима!..»
А уж у Зимушки подарки
Для детворы:
На ель разлапистую в парке
Снежки-шары,
И птицы вьюжные, и блестки,
И снегопад,
Который выбелит киоски
На новый лад.
На площадь Банковскую ляжет
И в свой черед
Сугробов уйму понавяжет
И понавьет...
И снегу будет - не отлепят
Озябших рук, -
Ваяй, покуда не подцепят
Метели в круг!
А там - на площади - эстрада
И первый приз:
В молочном слое шоколада
Яйцо-сурприз,
Хлопушки, пыхнувшие серой
И конфетти,
Коньки искомого размера -
Ступай, лети!
И запах сладостный ванили,
И - мандарин,

И все, что в детстве мы любили
Просить с витрин...

Да-да, игрушки заводные,
Огни кругом...
Но в этой повести, родные,
Я о другом.

Горит в салоне «Мерседеса»
Неяркий свет.
И вдруг... Откуда-то из леса -
Чумазный шкет.
В куртяху драную одетый,
Худой, как жердь.
За ним, наверное, и летом
Ходила Смерть...
Пальчушки – в язвах и расчесах
От ремесла –
Скребуются в терем на колесах,
Во тьму стекла.
А голосок осипший просит
Не деньги – хлеб.
Краюху, шмат... Пустая осень...
От фар ослеп...
Найдешь бутылку – вот удача,
Да то не вдруг!
Беги, едва очнется дача,
Не то – каюк:
Не драпанешь – поймаешь оха
На свой вихор...
И всю дорогу жди подвоха,
Как будто вор.
А он не вор, не попрошайка,
И скромный дар
Он отработает – включай-ка! –
На стеклах фар...

И все говоренное с жаром
Чрез то стекло
На то стекло холодным паром
Клубясь легло.
Стекло зевнуло... Винный запах
Ударил в нос,

И запах плоти в потных лапах,
И папирос.

И крепко в голову ударил
Дымком-травой
Шашлычный дух...

«Вай, женыцин!.. Марья!

А эт нэ твой?..»

И у водилы в «Мерседесе»

Сверкает рот.

Как тот рыжьём в солидном весе

Набитый лот...

«Мой? Скажешь тож!..» –

И три девицы,

Резвы пока,

В окошко лезут – подивиться

На паренька:

«Продрог, земляк?.. Давай сумчиш-
ку!...

А хошь косяк?..

Один затыг – и в кайф умчишься,..

Не дрейфь, земляк...»

И – со смешками – расторопно

Суют ему

Подмокших спичек полкоробки

В его суму.

И, оценив его обноски

И неуют,

Одну-другую папироски

В карман суют.

И, словно крепенько поддатый,

Рыгнул мотор...

А паренек побрел куда-то

В примолкший бор.

Достал хоть спичек наудачу –

Иди, свети...

Вот потеплее б только дачу

Теперь найти!

Забраться в темное окошко,

Нашарить печь

И жечь газеты понемножку,

Фанеру жечь.

А утром... утром на работу

На трассу, вниз –

Юлить-вилять промеж капотов,

Как быстрый лис.
И не смотреть в глаза шоферу,
Коль добр — подаст...
А там и Масленица скоро.
Подтает наст.
Лишь только б ног не отдавило,
А то какой
Работник будет он вполсилы!
Кисель с клюкой...
Своим словам смеясь и снова
Смеясь без слов,
Шепнет: «Зима, не будь сурова!
Не шли ветров...
Покуда снегу не надует, —
В сыром лесу
Пивную тару всяк найду я,
В ларек снесу...
Зима, Зима, не будь жестока
Под Новый год!..»
В бору сосновом одиноко
Юнец бредет
И, чуя запах мандарина,
Он шишкой — хруст...
Ему — смотри-ка! — подарили
Декабрьский фрукт.
Какой душистый... Вот потеха!
А долек — шесть...
И паренек, давясь от смеха,
Спешит их съесть.
И долго, долго руки пахнут
От кожуры...

...Еще минута — и бабахнут
Салют на Банковской... И ахнут,
Замрут сердца у детворы!
Ударит полночь. И начнется
Счастливей прожитого год.
И мир немного покачнется
И то, что отнял, всем вернет...
И как приятно ребятишкам
Подарки будет получать:
По чудо-йогурту — малышкам,
По чупа-чупсине — мальчишкам,

По фишке — любящим печать!
И там, в заброшенных угодьях,
В чужом доме
Парнишка справит Новогодье,
Раскрыв суму.
Заткнет фанеркою окошко,
Нашарит печь
И будет печь и печь картошку
И хворост жечь...
Он не услышит, как двенадцать
Часы пробьют,
Услышит он, как будет рваться
Вдали салют.

Пруток возьмет, перемешает
Им уголек...
Потеря в общем небольшая.
Что мал прутук.
И слаще роздари негодной
Видал харчи!
Когда б не спички, он голодный
Сидел в ночи...
А тут, приятель, то-то роскошь —
Огонь развесть!
Да в три затяжки папироска
В кармане есть.
На печке «рябчик» поспеваает
И кипяток.
А новолетья прибывает
На птичий скок.
Как хорошо, что есть на свете
Такие дни...

Прошу тебя, Полночный Ветер,
Повремени,
Свернись под камушком, как змей-
ка,
И полежи, —
Еще придет пора в скамейки
Втыкать ножи,
Ещё к подвыпившим проходим
Придет пора

Врываться с обыском безбожным
 Под свитера
 И налету, роняя розы.
 Пичуг срезать
 И в душу звездные занозы
 До слез вонзать!
 Придет пора – и, свой законный
 Свершая лет,
 Не сможет солнце наоконный
 Расплавить лед.
 Зима придет... И прекратится
 Над нами течь,
 И парк под праздник озарится
 От сотен свеч,
 И будет иней серебриться...

А кто-то ночью умудрится
 Последней спичечкой разжечь
 В пустом доме пустую печь.

ИЗ ЦИКЛА «КРЫЛОПИСЬ»

Провозгласим Железный Век,
 Век предпоследний, век четвёртый,
 В котором кибер-человек
 Поэзию считает мёртвой,
 Железный, Каменный...

А там,

Разъявший речью мирозданье,
 Домой воротится Адам
 В свой прежний Рай,

В его Молчанье...

Благословим Железный Век!

* * *

Дом стоит на холме,
 На окраине рая.
 Рядом белая церковь.
 Шёпот звезды в висках.
 Над дверным косяком
 Подкова прибита.
 Ставни упираются
 Ладонями в травы.
 И железные птицы
 Четырёх сторон света
 Гомонят на берёзах...
 Ветер – инок перебирает
 Чётки ягод. Першит
 В горле вьюшки. Стропила
 Долго держат тепло
 И осиные колобки.
 Вёдра, полные серебра,
 Я боюсь расплескать.
 Опрокинется коромысло –
 Полночь стукнет в калитку,
 Повиснет в ключице
 Поездов переключка.
 Кто?.. Прислушайся... Ближе,
 ближе...
 Корела. Кобылка. Жасмин.
 Дом стоит на холме,
 На обочине лучшего сна.
 Неразменная монета
 в кринице памяти.

СВЯТАЯ РУСЬ

Святая тающая Русь,
 Тебя воспеть я не берусь,
 Ведь столько сказано уже
 О золотой твоей Душе,
 Таящей Свет, и на золе,
 Не угасающей во мгле!
 Не тай, отчизна, и таи
 Лесные китяжи свои...

ЗАМЕТЬЮ БЕЛОЮ

Вьюга в лицо
Полыхает лицо.
Трудно, да надо идти...
Где же ты,
Крайнего дома крыльцо?
Господи, посвети!

Снежная маска.
Ресницы во льду.
Ни огонька в пути...
Вьюжная сказка
В крошечном аду.
Свалит в сугроб – не найти!

Стаей ветров
Верховодит Пурга,
Взвывов ее волчий вой...
Врешь, не собьешь,
Не уложишь, карга!
Я ведь, старуха, не твой...

Снежная корка.
Руки не видать...
Валит, стегает, сечет
Вьюжная порка!
А там... благодать –
Птица в окошке поет

Заметью белая,
Белая, ты...
Что ж ты морочишь меня!
Плавают алые
Чудо-цветы
Летнего жаркого дня...

Вот оно,
Отчего дома крыльцо!
Мамка несет молоко...
... Вьюга в лицо.
Каменеет лицо,
А на душе-то легко...

«Выпей, родименький.
Выпей...» – Нет, нет!
«Выпей с устатку-у-у и ляг!...»
Боже! Попутки
Пронзающий свет,
Вынесло, вышел... – Зем-ляк!!!

ЗИМНЕЙ НОЧКОЙ

В темном лесе, кинув санки,
На валежине-лежанке
Шепчет, лежа на боку,
Лешачиха лешаку:

«Эй, Нафаня, слышишь вьюгу?
Обними свою подругу...
Не, не так меня целуй!
Поцалуй твой как валуй!...»

Тот сквозь сон:

«Твое, старуха.
На валуй похоже ухо...»
«На валуй?»

Похоже пусть!
А твое и вовсе – груздь!

И усы твои – как елки
Невозможные иголки,
Исколол меня, лешак!
«Тьфу ты... Что опять не так?!

Что ж те надо, лешачиха?»
«Обними покрепче... Лихо!..
Стать бы в теле мне звездой
С пышной грудью и...»

«...Уздой»

Да, уздой!.. Тебя, полено,
Оброта, поджать колена
И – кнутом, кнутом, кнутом,
Чтоб как зверь любил потом!..»

Татьяна
СЕМЁНОВА-ГЛАЗУНОВА

РЯБИНОВЫЕ БУСЫ

Посвящается моему брату.

Говорят, что когда много красных рябиновых гроздей на ветках, то это к суровой зиме...

...Или, быть может, после суровой зимы к осени много бывает рябиновых ягод?...

Зима уходила долго и некрасиво, обнажая всю неприглядность старости, старательно скрываемую под снегом. Она все больше впадала в маразм, то плача навзрыд, то застревая надолго в состоянии молчаливого оупения, обиженно выпячивая мокрые, трясущиеся губы. Наконец, она что-то прошамкав беззубым ртом, просто уснула. Уснула навсегда...

Нежная Весна, с глазами цвета фиалок, протянула ко мне руки. Их прикосновение, я ощутила в легком дуновении майского ветерка, ласкающего мое лицо. Весна, в одеянии из прозрачного розового воздуха, в венке из одуванчиков, вобравших Солнце, в окружении свиты берез в белых атласных платьях, ступала по земле, едва касаясь ее.

Каждый день, прекрасная Фея Весна творила чудеса, преображая мир, являя все новые краски. Взмах невидимой палочки, — и на кустах с набухшими почками тяжело качаются синицы в желтых манишках, сами похожие на гигантские почки. Кажется, они вот-вот распустятся в невиданные, диковинные цветы. Еще один день, еще один взмах, — и трепетные жемчужины почек вербы превращаются в крохотные листочки.

Теплый воздух соткан из радостного пения птиц.

Радость ожидания, радость пробуждения превратилась во всеобщее ликование, подтверждение, что круговорот вечен и за угасанием неизменно следует возрождение.

Бросив на прощанье букет из ландыша и сирени Лету, Весна, с ее эфемерной, беспечной юностью, убежала до следующего года через перекинутый в Небе всего на пять минут радужный мост. В воздухе стоял еще долго нежный аромат цветов, распустившихся от ее легкого дыхания.

Погрустив о ней, я поехала встретить Лето на Финский залив, в мой любимый Сестрорецк.

Конечно, залив, как всегда, с нетерпением ждал меня, но для встречи после разлуки, стараясь скрыть свое волнение, был сдержан, может сердясь, что не виделись с ним с зимы.

О, мой добрый, старый друг!
Ты меня всегда удивляешь!

Ты неповторим, неподражаем, непредсказуем!

В ответ он только пожал плечами волн, искрясь, переливаясь, чешуясь семицветьем перламутра. Над ним перистые облака, как крылья Ангела, пролетающего бесшумно по небу. Я наклонилась и подняла упавшее сверху перо, которым теперь пишу.

Спасибо за этот подарок...

На даче деревянного Сестрорецка горят сто тысяч негасимых звезд слюдяных окошечек керосинок, плавают в Маркизовой луже сливочно-масляное Солнце.

Лакомки-волны лижут мелкий белый морской песок, перепутав с сахарным. В Сестрорецке протекает Сестра-река и течет через сердце мое и из сердца моего вытекает, — там исток ее.

В Сестрорецке есть электрички, прибывающие, как корабли к причалам-платформам и можно бежать навстречу родителям прямо в объятья разомкнутых рук, составляющих такой полукруг, что может Вселенная в них поместиться.

А в доме, похожим на замок старинный, где башня со шпилем и флюгер на крыше, есть веранда с цветными стеклами, на которой луч Солнца играя по шлифу стекла красного, синего, желтого и зеленого цвета, людей и события заставляет воспринимать по-иному, словно попадаешь вовнутрь волшебного фонаря.

В доме в корзине спят бронзовые караси, и судачат о чем-то неспешные судаки, ожидая странного превращения на чугунной сковородке.

Часы на стене знают об этом, но вида не подают и, гася свое нетерпенье, сажают себя на цепь от папиных карманных часов...

В тот год, как только зацвела мамина любимая кливия оранжевыми

граммофонами, творя свою тихую музыку, мы стали готовиться к переезду на дачу, понимая, что настала Весна.

В наших с братом жизнях не было Арины Родионовны, бабушки и дедушки покинули этот мир до нашего рождения, присмотром за нами занимались домработницы, а родители воспитывали нас в свободное от работы время. Может быть, поэтому ни мне, ни брату не довелось стать Пушкиним.

Нюся появилась в нашем доме с приходом Весны в таком же, может почти таком же, венке из ветрениц – крепкая, юная, румяная и пряхая. Ей сообщили, что берут в дом на лето, но с испытательным сроком. Я сразу представила себе, как нелегко ей будет с нами, может родителям или брату надо будет даже пытаться ее. Но для чего и как? Впрочем, через минуту я уже не думала об этом, беззаботно играя в мяч.

Когда Нюся запела, то от зависти попугай в клетке закатил глаза. Пальма в кадке стала кокетничать со старым фикусом, помахивая маленьким веером. В доме запахло пирогами, а кастрюли решительно за соперничали с Солнцем.

Она быстро завоевала меня, научившись у моей мамы готовить молочно-ванильный кисель.

Вечером, меня, шестилетнюю баюкала, как маленькую, и читала перед сном сказки. Она прижимала мою голову к своему плечу, тихо гладила, и я ощущала острый запах юности, исходящий от ее подмышек. Этот запах был мне вдиковинку. У моей мамы был свой, родной для меня и такой привычный запах, следующий за ней, как изысканный шлейф. Шлейф из «Красного мака», шлейф из «Каменного цветка» и даже шлейф из «Царского гелиотропа», оставленный в наследство бабушкой.

Когда же мои родители уходили в театр или в гости, то мама доставала из ящика туалетного столика французский подарок – маленькую коробочку с маленьким флакончиком. На коробочке мужская нога наступала на подол длинного женского платья...

Эти духи были самым дорогим маминым одеянием. Они были подарены французами, – друзьями папы для моей мамы вместе с красной помадой в золоченом футляре и перламутровой пудреницей. Французы не говорили по-русски, и мне они казались космическими пришельцами и их подарки тоже. Нюся восхищалась моей мамой, ее красотой, утонченным вкусом, нежностью и благожелательным отношением ко всем без исключения.

Все дни Нюся что-то мыла, стирала, готовила. Иногда ходила на пляж, но не плавала, стесняясь раздеваться перед братом.

Каждый вечер превращался у нас в ритуал. Принарядившись, приче-

савшись, мы втроем, я, Нюся и брат, шли на станцию встречать из города родителей, приезжавших почти каждый день после работы и обязательно привозящих какие-то вкусности к вечернему чаю. Нюся по дороге давала подробный отчет о нашей жизни, и родители были всегда довольны ее работой, но не всегда нашим поведением. Правда, мера, применяемая ко мне и к брату, была различной. Мне было шесть, ему шестнадцать.

После ужина папа садился под абажур на Волшебной веранде играть на виолончели, и сердце попадало в плен нежного скерцо. Звуки плыли и растворялись в воздухе. Нет, они уже были, они существовали незримо всегда, а отец только руками мага, освещенными деликатным светом абажура, деликатно извлекал их из воздуха.

Мама, похожая на цветок, источающая тонкий аромат, нежно мне улыбаясь, протягивала чашку с чаем. Не спеша она наливала чай всем по очереди из старинного пузатого самовара.

После вечернего чая мы все шли на залив, чтобы уложить спать заходящее Солнце, и я непременно посылала ему воздушный поцелуй.

Когда все разбрелись ко сну, я выпрашивала каждый раз остаться спать на диване своей любимой волшебной веранды. Нюся приходила ко мне пошептаться. Я сообщала ей, что у меня есть заветное желание, но я никому об этом не могу сказать, а скажу только тогда, когда оно сбудется. Нюся, целуя меня, спрашивала, люблю ли я ее также крепко, как родителей. Я отвечала, что родителей я люблю больше всего на свете, а ее чуть-чуть меньше, «вот на столечко» и показывала ей при этом кончик мизинца. Однажды она спросила, любит ли ее мой брат. Я ее тут же заверила, что конечно же нет, ведь он так часто дразнит ее и говорит, что она толстая, рыжая, некрасивая.

Нюся ничего не ответила.

Несколько дней она ходила задумчивая, а потом решительно потребовала от брата, чтобы он научил ее плавать и кататься на велосипеде «по-настоящему».

Каждый день, пока я разбирала свое огромное кукольное хозяйство, они катались вместе на велосипеде, играли в бадминтон, плавали. Им стало намного интереснее вдвоем, чем со мной. Нюся была старше брата на три года. Я стала ревновать и не всегда понимала, то ли брата к ней я ревную, то ли ее к нему. Они только смеялись надо мной, когда я сердилась и капризничала. Я пускала в ход детскую хитрость, притворяясь, что у меня болит живот, но как только передо мной ставили тарелку с клубникой или малиной, я выдавала себя с головой. Я пробовала припугнуть их, сказав, что если они не будут за мной следить, я могу утонуть или ошпариться, и родители никогда не простят их. Ничего не помогало,

и никак невозможно было мне изменить ход событий.

Часто брат сажал меня в дырявый гамак и сильно раскачивал, но от страха я не замолкала, а только кричала. Он стал вредный. Но родителям я не жаловалась. Я любила Нюсю. Она очень похудела, в глазах у нее появился блеск, лицо стало загадочным и бледным. По секрету она призналась мне, что пьет для бледности уксус и мажет лицо соком лимона. Я испугалась, что она умрет от уксуса, но она меня успокоила, заверив, что разбавляет его водой. Что было делать? Она была влюблена, и я была ее союзником. Родители ни о чем не догадывались.

Когда они были заняты в городе важными взрослыми делами и не приезжали на дачу, я спала в их комнате, а Нюся перебиралась на веранду из кухни. В один из вечеров родители позвонили, что приедут в субботу утром, и мы не ждали их.

Я великодушно разрешила брату и Нюсе сходить в кино, выгодно выторговывая себе просмотр фильма по телевизору, да еще на родительской кровати.

Нюся радостно собиралась, надев зеленое платье и заплетая в косу красную ленту. Я наблюдала за ней, и решила сделать сюрприз. Сорвав с растущей в саду рябины несколько самых крупных спелых гроздей, я нанизала их на нитку, отбирая самые красные, самые красивые.

Бусы были так хороши, что нисколько не уступали маминым коралловым бусам.

Шепотом я позвала девушку, попросив закрыть глаза и наклониться. Повесив бусы ей на шею, я поцеловала ее.

Мы были счастливы обе...

Я уснула под пенью кузнечика. Ночью я открыла глаза от знакомого, родного, нежного запаха. Я уткнулась лицом в мамину подушку, стараясь больше вобрать в себя маму, но запах был не от подушки. Он был в воздухе, в комнате, в доме. Я вскочила обрадовано, решив, что родители все же вернулись, и побежала через столовую на веранду.

Открыв дверь, я увидела...

Веранда была освещена лучами заходящего Солнца...

Мое заветное желание исполнилось! Наконец я увидела силуэты Колумбины и Арлекино. Ах, как я их ждала. Я знала, что рано или поздно они появятся. Ведь это мои любимые герои!

Они тихо шептались о чем-то и не заметили меня.

Я прокралась и спряталась за спинку дивана, ожидая представления, стгорая от нетерпения.

До чего же они были хороши!

Я замирала от восторга!

На них были такие роскошные одежды. На Арлекино было трико из

разноцветных квадратов, на Коломбине платье из таких же разноцветных квадратов и ромбов. Они шептались, слов было не разобрать. Мне казалось, что они разучивают свои роли или замышляют заговор против Пьеро.

Но почему так пахнет мамой?

Солнце скрылось за горизонтом и стало совсем темно.

Слов не было слышно, а только какая-то возня и то ли чмоканье, то ли стон, то ли плач.

Зачем они меня так пугают?

Я потянулась к выключателю. Мягко зажегся свет.

Слетели, спрыгнули все разноцветные лоскутные ромбики-квадратики на пол. Слепо все билась и билась в стекло тупая толстуха — ночная бабочка. Коломбина превратилась в Нюсю в мамином шелковом длинном вечернем платье с размазанной по веснушчатому бледному лицу красной французской помадой.

А Арлекино стал братом моим в белой пижаме.

Нюся сделала шаг ко мне, и раздался треск.

Оторвался подол маминого платья из струящегося шелка, на который нечаянно наступил брат.

Совершенно, как с той коробочки, только вместо мужской ноги в черном ботинке просто домашние тапки брата.

Но шелк и духи — все дорогое и все настоящее.

Утром, до приезда родителей, когда мы еще с братом крепко спали, Нюся собрала свой старомодный чемоданчик с металлическими углами и укатила к себе в деревню.

На полу на веранде я нашла свои бусы, разбежавшиеся в разные стороны. Нитка была порвана. Несколько ягод — кораллов бесценных было раздавлено. Брат несколько дней лежал на диване. Теперь он нуждался во мне. Он напоминал печального Пьеро в своей маленькой черной тубейке, и я утешала его...

В чердачном окне свистел ветер, и в конвульсиях болталось, дергалось и безжизненно обвисало белое белье, словно Ангел повесился. Кажется, это было мамино платье.

Заканчивалось Лето. Уходил из дома запах пряного разнотравья. Закончился Нюсин испытательный срок.

Тщательно было выстирано все кукольное белье в маленьком пластмассовом детском корыте. Мне предстояло идти в первый класс, брату в одиннадцатый. У меня наступала детская старость с багажом пережитого, а у брата была впереди юность, полная открытий и новых переживаний.

Последний раз мы сидели на даче без Нюси. Мама разливала чай из самовара с грустной улыбкой на лице. Папа играл на виолончели, и звуки музыки плыли над государством-островом с названием Сестрорецк, омываемым водами со всех сторон – Финским заливом, озером Разлив, реками Шипучкой и Сестрой – рекой, рекой моей памяти.

Остались от дачного времени фотографии. На одной – на камнях посреди воды стоим я, брат и Нюся, на другой – идем по бесконечной дороге от причала-платформы до дачи родители и я, на третьей – на резном крыльце, ведущем на веранду с цветными стеклами, стоим мы все вместе.

Но кто же сделал этот снимок? Ведь фото-графия означает «пишущий Свет». Луч Света или луч Солнца, остановивший время...

Утром в стекло мое красной перчаткой ударил клен.

Я испугалась от неожиданности и с тревогой открыла окно: «Что случилось?»

Засмеялась рябина в ответ, бросив в ладони мои ожерелье из гроздьев коралловых...

«Лето уехало на последней ночной электричке. Собирайся. С корзиною спелых яблок и белых грибов едет медленно тетушка Осень».

ЛИТОРИНОВОЕ МОРЕ

Берта сидела на песке у самой воды. Волны залива ласковыми зверьками подползали к её ногам и лизали пальцы. Она зажмурилась. Внутри век всплыло фиолетовое солнце с какой-то зелёной бахромой и исчезло.

Странное существо вышло из воды. Это оказался мужчина с большими оттопыренными ушами, в длинных зелёных трусах. За мужчиной выскочила из воды девочка, его внучка – совершенно синяя от холода, покрытая «гусиной кожей» и с красными от солнечных ожогов плечами. Внучка была копией дедушки и тоже в длинных зелёных трусах. Казалось, она только что отпочковалась от дедушки.

«Странные существа, словно обитатели этого моря, на берегу которого я сижу», – подумала Берта.

Её огненно-рыжие волосы развевались на ветру, а белая кожа, не выносящая солнца, была прикрыта махровым полотенцем.

«Наверно, я тоже для многих реликт», — продолжала, усмехнувшись, размышлять Берта, закрывая голову платком.

Чайки стонали детскими голосами, жалуясь на судьбу свою — вечно сопровождать непрестанно бегущие волны...

Солнце затянуло облаками, оно стало таинственно-платиновым. Берта засобиралась на электричку. Накануне она купила билет в Филармонию на юбилейный концерт Генделя, надо было ещё захватить домой переодеться.

Утро Андрея началось с того, что у него нестерпимо разболелась голова. Всю ночь он писал статью для журнала под названием «По мелководью наших дней». Скорее, это было эссе, где он не без иронии рассуждал о выпуклой многозначительности явлений уходящей культуры и полном отсутствии «мускульного», да и вообще, любого рельефа нынешней культуры и её представителей. Одним словом, «сплошная дряблость и невнятное бормотание в области интеллекта, души и духа» — таково было его резюме.

Он остался очень доволен собой. Позёвывая и потягиваясь, он обнял мать, вошедшую в комнату с чашкой кофе.

— Послушай, каков я? — не без гордости спросил он. Мать внимательно выслушала и, чмокнув в щёку, одобрительно закивала.

— Конечно, Дюша, как всегда, ты всех уложил на лопатки.

Завтрак на столе. До вечера.

Раздражённый реакцией редактора на его статью, Андрей брёл по улице. Ему казалось, что с Солнцем произошло что-то странное. Оно, став фиолетовым, заболело вдруг и стало выпячивать зелёные протуберанцы, похожие на ножки гигантской амёбы. Отростки разрастались всё больше и больше, бесконечно топорщась, они отделялись от тела Солнца и уплывали в чёрный Космос. Волны потревоженного пространства достигали Земли, вызывая на ней тяжелейшие магнитные бури.

Заболевшее Солнце напоминало о себе Андрею головной болью. Хотелось себя утешать бесконечно.

На глаза ему попала афиша — Георг Фридрих Гендель — 300 лет со дня рождения — 1685-1759, и далее программа концерта:

Увертюра из кантаты Арии из оратории Концерт № 3, ор.3

Слова звучали торжественно и убедительно. Да, да, именно Гендель и

именно ларго и стаккато, ну и, конечно, аллегро.

(Largo e staccato u allegro)

Гендель, казалось, сейчас был важнее всего.

Зазвучала музыка, и он понемногу стал успокаиваться.

Старинный клавесин, виола да гамба, скрипка — это то, что так ждала его душа сейчас. Уже была исполнена ария Маддалены из кантаты «Воскресенье». Зазвучал дуэт Маддалены и Клеопы, и он почувствовал какое-то беспокойство, словно от чужого взгляда. Запела флейта-траверсо. Он взял программу в руки, но, не дочитав, поднял голову и безотчетно повернулся налево.

Девушка в чёрном платье привлекла его взгляд. В ней всё было необычно. Почти без ресниц тонкие веки, полуприкрывшие выпуклые глаза. Веки были прозрачны и, казалось, что она видит через них, не раскрывая глаз.

Рыжие волосы, схваченные чёрной лентой, белая кожа, натянутая на высокий, словно выбритый, лоб и нежные скулы.

Было в ней что-то от прошлого, давно ушедшего. И веки, напомиавшие веки древних птиц с перепончатыми крыльями и рыжие, цвета восходящего солнца, волосы и сияющая кожа — всё напоминало о другом времени и о другом месте.

В своём чёрном платье, схваченном под грудью шнуром, и с вышитым квадратным вырезом, она резко выделялась среди других людей.

«Странное существо, тот редкий вид, который здесь и сейчас уже почти не встречается, а давно уже вытеснен другими видами. Она — носитель гена рыжих белокожих и это странно, ведь большое солнце почти уничтожило их», — подумал Андрей.

— Пожалуй, какое-то неземное создание. Надо познакомиться, пока солнечные лучи не попалят её кожу — уже вслух произнёс, улыбнувшись, он.

Зазвучал дуэт Орианы и Амадиса. В бесконечно-грустном диалоге сопрано и контртенор, заломив руки, страдали и изысканно раскланивались по канонам барокко...

Было что-то тревожное в голосе артиста, балансирующем между мужчиной и женщиной, словно в этом дуэте угадывался кто-то третий...

Андрей совсем растревожился, когда тот же контртенор исполнил арию из оратории «Триумф Времени и Правды». «И время и правда пола не имеют», — вдруг всплыла странная, почти дурацкая мысль. Он тут же отогнал её от себя, энергично встряхнув головой.

Глаза девушки были закрыты, казалось она зрела музыку. Он уже не

мог отвести взгляд от этой, словно выточенной из слоновой кости шеи...

Было что-то в ней и от Средневековья и от Ренессанса и библейское – то ли Ева, то ли Суламифь. Казалось, она вобрала в себя все образы и сама являлась воплощением всех живших, живущих и, может, поэтому такая.

«Интересно, как её имя? Попробую угадать. Но как бы её ни звали, конечно же, Ева подошло бы более всего. Древняя и вечная и всегда юная – сама Жизнь и праматерь всех живущих, может, просто, как материя или праматерия», – размышлял Андрей.

Зазвучал дуэт Секста и Корнелии из оперы «Юлий Цезарь» – очень красивый и грустный. У Андрея навернулись на глаза слёзы.

Но странный контртенор, будто возражавший тенору, и не желавший быть мужчиной, уже освободившийся от женского присутствия в себе сопрано, не давал ему покоя. Или, может быть, наоборот, вырвавшийся из объятий сопрано голос стремился примкнуть к тенору, стать им, но у него не хватило на это сил. Тогда он остановился где-то посередине и зажил самостоятельной, почти бесполой жизнью существа по имени ОНО – безликого, тревожного, пугающего и... завораживающего, вопреки всему.

Будто этот контртенор жил и пел внутри самого Андрея.

Концерт закончился. Зал долго аплодировал. Ансамбль исполнил на бис пассакалию. Когда все стали протискиваться к выходу, Андрей направился в сторону незнакомки. Его продолжали оттеснять, и он с отчаяньем подумал о том, что может потерять её из виду.

– Ева! – крикнул он, сам не понимая, почему назвал её вслух этим придуманным им именем.

К его удивлению, она оглянулась, остановилась, улыбнувшись, и отошла в сторону, словно поджидая его.

Наконец, они оказались рядом. Некоторое время оба молчали, внимательно разглядывая друг друга.

– Я почему-то подумала, что мы знакомы, – первая нарушила молчание девушка. Но почему Вы меня так называли?

– Нет, я Вас никогда не видел раньше, но решил, что это должно быть Ваше имя. Не угадал? А как на самом деле?

– Берта. Но, если Вам нравится имя Ева, то можете меня так называть, я не возражаю. Разве можно что-то иметь против и красоты и смысла?

Андрею понравилась та лёгкость, с которой она приняла эту игру, и он продолжил разговор.

– Как Вам концерт? Вы позволите Вас проводить? Может, по дороге и поговорим об этом.

Они не спеша пошли в сторону Екатерининского канала. Была петербургская белая летняя ночь и им обоим не хотелось идти домой. Андрей предложил увидеться на следующий день.

Вечером следующего дня, у Думской башни на Невском проспекте они встретились вновь и, словно заранее сговорившись, молча подошли к экскурсионному киоску. Андрей предложил открыть по-новому Петербург в сиянии белой ночи и отражённому в водной глади. Берта с улыбкой закивала.

Они сели в автобус. Экскурсовод с воодушевлением рассказывала об архитектуре, о благородном облике города, звучали слова и «Вторая Венеция» и «Второй Амстердам» и «Северная Пальмира». Удивительно, что Москва – «Третий Рим» не была упомянута. Берта улыбалась, слушая такой текст, а Андрей не слушал вовсе. Он, не отрываясь, смотрел на свою Еву.

Прокатавшись полтора часа на автобусе, туристы подъехали к Дворцовой набережной. Дружно вышли и застыли у разведённого Дворцового моста. Потом, пересев на речной трамвай, долго плыли под разводимыми по очереди мостами – Троицким, Литейным, Петра Великого, Александра Невского.

На судне тихо играла музыка. Оба молчали. Андрей обнял девушку за плечи. Она доверчиво склонила голову ему на плечо.

«Боже, как же с ней всё легко, как просто и чисто. Без ужимок, без гримас. Как же она естественна» – думал он. С теплохода они решили не садиться опять в автобус. Берта сказала, что хочет продолжить путешествие по воде. Они пересели на какое-то частное судёнышко. Андрей сумел договориться и они, наконец, поплыли в Финский залив...

Было странное ощущение от такого незаметного и естественного перехода от речной глади к простору залива, будто вышли они в открытое море.

Катер рассекал тихие воды, потом водитель судна и вовсе выключил мотор. Ночь растворялась в молочном небе. Оно было абсолютно белым, и вода, с потонувшим в ней небе, была тоже абсолютно белая. Границы между небом, водой и землёй не было видно. Солнце, приняв молочную ванну, огненным шаром, каким-то гигантским марокканским апельсином, изливая свой сок, поднималось из воды, нехотя восходя на небосклон. Андрей, взглянув на Берту, сказал, что она – словно порождение этого солнца, этой воды и неба. Свидетельство тому – волосы и кожа.

Берта с благодарностью посмотрела на Андрея, ничего не ответив. Её сияющие глаза всё говорили за неё.

Владелец судна их высадил в Лахтинском разливе. Они пересели на первую электричку и поехали в Сестрорецкий Курорт.

На пляже никого не было.

— Вот мы и приехали в самое прекрасное место на свете — сказала Берта. Всё это так похоже на сказку, а сказки имеют тоже конец, как и всё на свете.

— Ну, в наших силах это продлевать. И пока такая возможность есть, — возразил Андрей — будем сказку делать сами, своими руками.

Они сели на песок.

Мимо них прошли дедушка с внучкой — те самые, что видела Берта перед концертом. На них были всё те же зелёные трусы — одинаковые, на обоих.

Берта засмеялась и, указывая на купальщиков, рассказала про них Андрею, сравнив дедушку с водяным.

— А чем мы хуже? Есть предложение окунуться в воды Атлантики. Ведь Невская губа Финского залива — это воды Атлантики. Совсем не надо никуда ни лететь, ни ехать. Балтика есть Балтика!

— Ура! — закричала Берта и, сняв платье, прямо в нижнем белье, бросилась в воду. Андрей поспешил за ней...

Лёжа на песке, она вдруг приблизила своё лицо к нему, соединившись лбами и носами.

— Смотри, Андрюша, два глаза соединились в один. Мы теперь какие-то странные одноглазые морские чудовища. У каждого по одному, — сказала очень серьёзным тоном Берта.

Они несколько раз перевернулись, обвалываясь в песке, и рассмеялись. Он отстранился, чтобы лучше разглядеть её. Глаза — золотисто-рыжие, нет — янтарно-медовые, и уста слаще всех сот на свете. Но зрачки — нет, это не зрачки, а какие-то чёрные дыры, как во Вселенной, — затягивающие безвозвратно и бесследно. Вот и сейчас он ещё цеплялся за какой-то невидимый край, после которого начиналась эта самая чёрная дыра, и что-то кричал, но сам не слышал собственного голоса и не различал слов, что он говорил и уже не помнил собственного имени...

Он вынырнул где-то уже совсем на другом краю Вселенной. Сколько прошло времени? Только чувствовал какой-то ароматный привкус на своих губах...Послевкусие...

Ева лежала рядом и улыбалась, запрокинув голову и обнажив ровные

зубы. Потом, вдруг став серьёзной, повернулась к нему лицом, внимательно всматриваясь. Он продолжал лежать на спине, а она стала водить тонким пальчиком по его профилю, начиная ото лба, по носу, губам, подбородку, шее, груди, повторяя в точности силуэт, словно снимая слепок. Опершись на локоть, тихо произнесла:

– Знаешь, мой Дю, а ведь этот рисунок твоего лица, твоего профиля, твоего образа останется здесь на память. Останется здесь, понимаешь? Даже, когда мы поднимемся, когда уйдём с пляжа, и уедем в город. Даже, если ты уедешь далеко-далеко. А твой образ у моря, – эта моя любимая картина, – в воздухе, во времени и пространстве останется!

Андрей ей ничего не ответил.

Постепенно Солнце, набрав силу, высушило их бельё. Они надели верхнюю одежду и пошли в кафе пообедать.

За столиком напротив две милые старушки, очевидно, душевные подружки, обе утопающие в рюшах и кружевах ушедшего времени, в кокетливых соломенных шляпах легко ворковали о чём-то, пили вино, кофе и лакомились пирожными. Изредка старушки вскидывали глаза в их сторону и многозначительно улыбались. Одним словом, они наслаждались жизнью во всех её милых мелочах.

Андрей и Берта улыбались друг другу одними только глазами.

– Так будем же и мы счастливы, как эти подружки, – налив красного, терпкого вина в бокалы, провозгласил Андрей.

– Да, будем наслаждаться, и благодарить Бога за эту удивительную жизнь, – подхватила Берта.

После кафе Андрей предложил поехать к своему другу, жившему совсем недалеко, в Зеленогорске.

Они когда-то учились вместе в одной школе с Андреем, но потом друг женился, купил дом за городом, где и жил уединённо с женой. С Андреем Виктор не встречался давно. Дружья соскучились друг без друга и оба были рады встрече.

– Знакомьтесь, – Ева – представил Андрей свою спутницу, опережая её с именем. Именно Ева, а никто другой. Коротко, красиво, многозначительно.

Берта зажала ему рот ладонью.

– Вы, Виктор, не обращайтесь внимания, он ещё что-нибудь придумает.

Расположившись в уютной гостиной, они стали обмениваться впечатлениями о прошедшей ночи.

Андрей и Берта взахлёб рассказали Виктору про залив – таким они оба его никогда не видели.

Виктор, по профессии геолог, подхватил тему:

— А хотите, я вам проведу небольшой экскурс в историко-геологическую эпоху?

Когда-то всё пространство, где сейчас Петербург, Сестрорецк, Выборг было покрыто ледником. Потом ледник стал таять и превратился в Ледниковое озеро, где водились сиги и сомы. Вскоре, конечно, в историческом смысле, низменные места обмелели и заполнились морской водой. Образовалось Иольдиевое море, по названию моллюска Иольдия, обитавшему в этих водах. Но вскоре море сменилось Анциловым озером, по названию моллюска Анцилус. Равнина стала опускаться. Ладожское озеро стало самостоятельным. Через проливы проникли морские воды, и возникло Литориновое море с обитавшим в нём моллюском Литоринус, может быть Литорина. Но и оно ушло со временем. На смену ему пришло Древне-Балтийское море. Часть его границы сохраняется и ныне в лице берега Финского залива. Можно считать, что мы ходим всё время по дну этого древнего Литоринового моря.

Предположительно, берегом его была Пулковская гряда.

Берта подхватила:

— Да, да. Самая высокая точка у Пулковских высот семьдесят пять метров!

— Остаётся только узнать, куда подевались все моллюски? — с усмешкой произнёс Андрей.

— А я, ребята, кажется, знаю, — заговорщицки понизив голос, сказала Берта.

Мне почему-то подумалось о том, что мы потомки этих моллюсков или подобны им. Просто случайно выжили, трансформировались, но подобны им — совсем простым — какого-то там класса... и всё ползаем, как те моллюски по дну исчезнувшего древнего моря, как по дну моря Мечты.

Поэты, писатели, художники и прочие нежные с крыльями и без них обитали, может быть, в виде больших моллюсков в глубинах вод Литоринового моря, ушедшего неизвестно куда. Осталось только дно, как некая суть.

— Но воды залива тебе не напоминают разве ушедшего в вечность моря? — вмешался Андрей.

— Ну, судя по обитателям, окунувшимся в него сегодня утром, включая и нас с тобой, моя теория подтверждается, — ответила Берта.

Что же касается литератора, то здесь, в слове Литоринус произошла некоторая мутация, как с генами, что привело к появлению слова «Литера». Ну, а так как Виктор не знает, как точно звучит название — литорина или литоринус, то есть мужской или женский род, мы можем предположить, что моллюски были двуполые. Может, виной тому странное поведение Солнца.

Под общим смех они наполнили бокалы, и выпили за Литориновое море. Всем очень хотелось, чтобы оно существовало как море Мечты.

По возвращении их в Петербург, они договорились, что опять встретятся на берегу залива через несколько дней.

Вскоре отзвонил Виктор и сказал, что Ева — необыкновенная и что подле неё должен быть мужчина под стать ей — такой же простой и чистый, странный, талантливый и сумасшедший.

На что Андрей возразил, что если она — Ева, то значит, с ней должен быть почти Адам.

Друг расхохотался.

— Уж не ты ли? Таких мужиков просто нет. Иногда, это в женщинах ещё встречается, понимаешь, старик?

Виктор сказал, что Берта оставила Галине, его жене, свои стихи и предложил зачитать несколько строк. По мере того, как он читал, Андрей всё больше мрачнел. Он теперь понимал, что она за человек, что за женщина, с её абсолютной внутренней и внешней свободой, что выразалось в таком простом и естественном поведении, этого не достигнешь никогда и никакой игрой.

Ему стал вдруг неприятен собственный прагматизм.

Через несколько дней они встретились вновь.

В воде были расставлены сети. Рыболовецкие артели на больших баркасах собирали улов корюшки.

Из Курорта до Сестрорецка пешком по берегу, вдоль залива, они дошли до того места, где артель варила себе уху. Запах корюшки был разлит в воздухе. Ни с чем несравнимый запах питерской корюшки...

На корягах, вкопанных в землю, сушились разноцветные от времени и воды сети с привязанными к ним стеклянными шарами-поплавками. Шары напоминали воздушные пузыри каких-то неведомых рыб.

— Между прочим, корюшка из породы сиговых, — как бы невзначай произнесла Берта. Может, тоже приплыла из какого-нибудь древнего моря?

Андрей предложил купить корюшку у рыбаков, но так как ходить с ней по жаре не имело смысла, он упросил рыбаков за дополнительную плату, сварить уху. Одним словом, они с Бертой получили возможность присоединиться к общему котлу.

— Ну, а теперь, моя дорогая Ева, пойдём открывать наш Эдем, — предложил Андрей. Взявшись за руки, они медленно побрели опять в сторону Курорта. Миновав Морской пляж, дошли до Солнечного и бросились

на песок берега с удивительным названием Ласковый.

Берта, опасаясь ожогов, села в тени прибрежных деревьев. Андрей сходил в ближайший магазин и купил всевозможных фруктов.

Берта открывала рот, а он, бережно кладя ей в рот то ягоду клубники, то винограда – каждый раз надолго припадал к её губам. Девушка закрыла глаза и стала читать наизусть:

– О, ты прекрасен, возлюбленный мой и любезен! И ложе у нас – зелень, кровля домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы.

Затем, порывшись в сумочке и сделав удивлённое лицо, будто случайно там обнаружила изящно изданную Песнь Песней Соломона, открыла на нужной странице, кивнув Андрею. Он продолжил:

– О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими, волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской, как лента алая губы твои и уста твои любезны. Волосы на голове твоей, как пурпур. Этот стан твой похож на пальму, и груди твои – на виноградные кисти...

– Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других, уста его сладость и весь он – любезность.

– Уста твои – как отличное вино...

Так объяснялись они друг другу в чувстве, переполняющем их, словами мудрейшего и прекраснейшего древнего царя, бесконечно целуя друг друга и кормя сладкими ягодами.

Они не заметили, как небосклон затянули густые тёмные облака. Поднявшись с песка, обнявшись, они пошли по берегу, ища укрытие от дождя. По мере того, как они удалялись от Ласкового пляжа в сторону Репино, на пути их попадалось всё больше и больше огромных гранитных валунов. Ева присела возле одного из них.

– Видишь, – это пришельцы из Ледникового периода. Как странно, что во времени, точнее, во Времени мы соединились. Мы – это ты, я, камни, шиповник...

Стал накрапывать дождь. Недалеко от них лежала на песке перевернутая вверх днищем лодка, точнее большой рыбачий баркас. Ева подбежала к ней, опустилась на песок, прислонившись спиной к лодке. Подняла голову и протянула к Андрею тонкие руки. Он сел рядом. Они целовались долго, неотрывно, а потом, приподняв край лодки, заползли под неё. Пахло тиной, и было абсолютно темно.

Ева, понизив голос, произнесла, что они находятся во чреве кита. Андрей возразил, ответив, что если они моллюски литоринус, то это их потерянная раковина, это их дом. Они, наконец, нашли свой дом. Ева подхватила:

– А раз дом, то мы в нём можем делать всё, что пожелаем.

Он целовал её в уста,
и были они слаще мёда всех в мире сот.
Он ласкал её кожу,
и была она белее самого белого снега,
и белее самой северной ночи...
И море, и этот день, и эта ночь, и это незаходящее солнце
принадлежали им, а они друг другу.
Она, смеясь, говорила,
что красотой своей и умом своим,
он превзошёл Соломона,
что силой своей он превзошёл его...
И она, его тихая голубица – нежная Суламифь,
будет его любить за двоих...

Они выползли из-под лодки уже под утро.

«Положи меня, как печать на сердце твоё,
как перстень на руку твою,
ибо крепка, как смерть любовь...
Большие воды не могут потушить любви,
и реки не зальют её...»

Когда Андрей вернулся домой, мать начала осторожные расспросы о том, где он пропадает целыми днями. Андрей, хватая куски на ходу, обжигаясь горячим чаем, радостно выпалил:

– Кажется, мамочка, я влюбился!

– Ты не должен, сыночек, так поддаваться страсти. А я так думаю, что это именно страсть, а не любовь, ты ведь её совершенно не знаешь, – рассудочно возразила мать. Впрочем, в твоём возрасте это допустимо. Но ты не должен забывать о карьерном росте. Опять из Москвы звонил твой отец, – почти крикнула она в открытую дверь.

Андрей уже не слышал её, убегая в редакцию.

Чем больше Андрей думал о Берте, о своей Еве, тем больше хотел её видеть, но решил какое-то время не встречаться с ней, а разобраться в себе. Единственный путь он видел в работе и засел за очередную статью. Но сколько он ни пытался собраться с мыслями, ничего не получалось. Из-под пера ни выходило ни строчки. Он решил попроситься в командировку, но эту мысль тут же отбросил. Ему пришло вдруг в голову написать о работе рыбаков сестрорецких артелей и, сообщив об этом редакто-

ру, он уехал в Сестрорецк. Он быстро нашёл их на том самом месте, где они все сидели недавно и ели уху «по-царски». Рыбаки его сразу узнали и пригласили «к столу». Андрей достал из сумки предусмотрительно прихваченную в магазине «литровочку». Плавное течение задушевного разговора с «царской» трапезой постепенно перешло в очень серьёзное русло.

Рыбаки пожаловались на то, что улов корюшки стал год от года резко сокращаться. Всему виной была дамба, соединившая берег залива с островом Котлин. Её строительство привело к полной экологической катастрофе. Понятно, что город надо спасать от наводнений, но... какой ценой! Неизвестно, от чего больше убытки. Об этом не принято было громко и много разговаривать. Южный берег – уникальный остзейский край, превращался в болото, постепенно стал заболачиваться и берег от Лисьего Носа до мыса Дубковского парка с посаженными в нём дубами ещё самим Петром Первым.

Андрей разволновался и прямо не знал, что ему делать с этим «горячим» материалом. Об это дело можно было, действительно, обжечься, да и редактор мог «зарубить» статью.

Тем временем, одна корюшка кипела в котле, другая безуспешно пыталась пройти из Ладожского озера через кингстоны дамбы в Финский залив. Рыба уменьшалась в размерах и в количестве. Уловы сокращались, заработки рыбаков «уплывали» так же.

Попрощавшись с артелью, Андрей пошёл вдоль берега в сторону Курорта. Миновав Ермоловский и Морской пляж, он решил дойти до того места, где лежал баркас, – их приют, их маленький с Евой дом. Он шёл по Ласковому пляжу и, улыбаясь, вспоминал, как в мокром белье, обвалывшись в песке, они лежали, тесно прижавшись лбами и носами, друг к другу, превращаясь в таинственных одноглазых рыб, слившихся устами...

Лодка выглядела какой-то унылой, словно осиротевшей. И судну, и Андрею явно не хватало той живой силы, что исходила от рыжеволосой девушки. Казалось, что кто-то очень большой, головоногий, сбросил с себя панцирь, свой дом, оставшись совершенно незащищённым, и уполз куда-то.

Ему казалось, что пронзительно-грустный дуэт, бесконечно нежный и по-старинному изысканный, необычайно красивый дуэт Секста и Корнелии продолжается.

Как только он вернулся в Санкт-Петербург, то сразу бросился звонить Берте. Её не оказалось дома и он, расстроенный, сел за письменный стол – готовить статью. Мать постучала в дверь. Андрей был увлечён и

не заметил, как тихо она вошла и присела на диван, не спуская с сына влюблённых глаз.

— Вот теперь я увидела вновь моего любимого сына — серьёзного, умного, целеустремлённого и, самое главное, талантливое.

Андрей дописывал последние строчки и, оторвавшись от текста, ответил:

— Послушай, ма, кажется, получается. Давай прочту.

— Попозже, сынок. Я с тобой хочу поговорить серьёзно.

Андрей по тону, которым говорила с ним мать, уже догадывался, о чём пойдёт разговор.

Его отец несколько лет назад ушёл от них. Андрей его не судил строго. Ну бывает, разочаровался в женщине, точнее остыл, охладел, за много лет, что прожили они вместе, всякое бывает и за каждым остаётся свобода в праве выбора. Но эта женщина была его мать, и именно поэтому в душе Андрея надолго застряла заноза обиды. Для него было совершенно очевидно, что мать не смирилась с этим и страдала. Она продолжала любить отца, и всякий раз была несказанно рада звонкам своего бывшего мужа.

— Отец сейчас очень хорошо устроился в Москве. Теперь он возглавил журнал, все бразды правления у него в руках. Он хочет, чтобы ты приехал к нему и включился в совместную работу. И вообще, сынок, мне кажется, тебе не хватает некоей твёрдости, внутренней силы, которая есть в твоём отце. Не обижайся... Кто тебе ещё скажет об этом? Я же любя — продолжала она.

Андрей задумался. Перед его мысленным взором выстроилась сразу интересная картинная галерея его нынешней и будущей жизни. Совершенно очевидно, что работать под началом своего отца было намного перспективнее, нежели под руководством своего, местного редактора, который к тому же, как казалось Андрею, его явно недооценивал. Может, даже, наоборот, знал ему цену и видел в нём опасного конкурента, который в дальнейшем может стать литературным редактором или занять место главного. Андрей продолжал размышлять о том, что не понятно было для него сейчас и, тем более, в будущем. Конечно, это была Ева. Что у них и как может сложиться — покажет время. Вслух он произнёс:

— Ма, я подумаю. А что с жильём? Жить у него?

Мать, смущаясь, произнесла:

— Мне кажется, он хочет со мной быть опять вместе. И, если бы ты не возражал, то мы, продав или обменяв эту квартиру, могли бы переехать к нему, начав всё сначала.

Утром следующего дня Андрей вновь встретился с Бертой. Ему хоте-

лось проехать по дамбе в Кронштадт. Идея им обоим показалась интересной, они не были там давно, со времён школьных экскурсий. Они с удовольствием бродили по этому удивительному городу-крепости. Зашли в Храм Николая Чудотворца, над куполом которого теперь, слава Богу, вновь торжествовал святой крест. Берта предложила зайти в церковь, где служил Иоанн Кронштадский – святой и небесный покровитель Петербурга. Андрей не был воцерковлён, так изредка, когда бывало тяжело на душе, заходил в храм поставить свечи.

Берта, накинув шарф на голову, вошла вовнутрь, Андрей, робея, последовал за ней. Она подошла к свечнице и, купив свечи, стала писать записки, чтобы подать в алтарь.

Андрей спросил удивлённо:

– А ты крещёная? Признаться, я думал ты другой конфессии. Ведь имени Берта нет в Святцах, не так ли?

Берта шёпотом ответила, что этим именем её так назвала мама. Крестилась же она самостоятельно, будучи взрослой, и при крещении ей дали имя Ева, которое, конечно, в Святцах есть, но им почему-то так редко нарекают. Написав уверенной рукой в записке – «О здравии Евы», она, взглянув на него, продолжила – «Андрея со сродниками».

Андрей был ошеломлён:

– Значит, я был прав, угадав?

Ева засмеялась.

– Нет, ты просто услышал. Под этим именем меня слышит Господь...

Они возвращались из Кронштадта, доехав до Горской и, пересев на электричку, вернулись вновь в Курорт. Близился вечер, но солнце не заходило. Белые ночи продолжались...

Они зашли в своё любимое кафе «Ротонда» на территории санатория. На Берте, а точнее, Еве, было тёмно-красное платье. Теперь он её называл только Ева, – по праву. Ожидая, пока им принесут заказ, они заговорили об именах. Он взял её за руки. Им принесли вино.

– Ну что, за здоровье Евы, за здравие, моя прекрасная Ева!

– За тебя, Андрей!

Ева, поставив бокал, спросила:

– А ты знаешь, что у Евы несколько значений? Наверно, зависит от того, кто носит имя. Это, конечно, знак, символ, отражает сущность носящего.

Твоё имя, например, Андрей – это мужчина, прежде всего. Раз мужчина, то значит, и мужественный, то есть сильный. Понятно, что не

только мышцами, но и духом. Но, если раздвинуть рамки этого имени, то и просто человек, со всеми вытекающими последствиями. А просто человеку присуще абсолютно всё – от силы до слабости...

– Ты у меня такая умница, и, несмотря на свой возраст, уже и мудрая. Вот что я тебе скажу, моя дорогая Ева, – праматерь всех живущих, то есть не просто дающая Жизнь, но и сама Жизнь.

А я воспринимаю жизнь прекрасной и удивительной, какая бы она ни была сложная и, порой, противоречивая.

Они долго ещё болтали о милых пустяках, о лете и заливе, о солнце и цветах. Но он сознательно не касался серьёзных тем. Ему не хотелось говорить ни о своём возможном отъезде, ни о желании сделать карьеру в Москве. «Потом, потом, всё скажу потом», – размышлял он.

Они вышли на берег и пошли, обнявшись, решив, что они непременно дойдут до Репино или Комарово.

Андрей обратил внимание, что у Евы очень красивое тёмно-красное платье, а он по-мужски в традиционном чёрно-белом. Вдруг он сам, неожиданно для себя, запел –

Виноградную косточку в землю зарю
И лозу поцелую и сладкие грозди сорву
И друзей позову, на любовь
Своё сердце настрою
А иначе, зачем на Земле
Этой вечной живу?
.....

Он опустился перед ней на колени, взяв её за руки, и продолжил –

В тёмно-красном своём
Для меня будет петь моя Дари,
В чёрно-белом своём перед ней
Преклоню я главу
И задумаюсь я, и умру от тоски и печали,
А иначе зачем, на Земле этой вечной живу?

Берта наклонилась к нему, поцеловала и тихо-тихо сказала:

– Я тоже очень люблю... Окуджаву. Он будто увидел нас с тобой.

Они решили остановиться в Репинской гостинице.

Ночью они вышли на берег. Вдали был виден силуэт Кронштадта с мерцавшими огнями дамбы и лунная дорога, по которой можно было

идти бесконечно долго, если, конечно, умеешь уже ходить по воде.

Берта прочла ему несколько своих стихов.

Внутри Андрея кто-то больно царапался, першило, как при ларингите, только это болело где-то намного глубже. Он понимал, что так он никогда не напишет.

Полный бронзовый диск луны был похож на какой-то гигантский гонг. Казалось, кто-то сейчас подойдёт и ударит по нему, и звуки будут ещё долго-долго дрожать в воздухе, в ушах, в душе.

— Душно, пойдём в номер — глухим голосом произнёс он.

У него не было сил похвалить её.

Утро следующего дня выдалось жарким, поборов все рекорды предыдущих дней, градусник показывал неслыханную цифру — плюс тридцать пять градусов. Присмиривший залив безжизненной гладью погрузился в дрему. Он стал совершенно ручным. К ногам Евы и Андрея залив бросил роскошный бархатный ковёр из изумрудной тины, не забыв его оторочить ещё и бахромой из кусков тростника. На берегу бесконечной плантации тянулись заросли цветущего шиповника.

Ева плохо переносила жару и старалась уйти скорее в тень.

Их баркас был неподалёку. Они сели возле него, стараясь спрятаться от солнца в тень, отброшенную рядом.

— Ты знаешь, Ева, в тебе с твоей ослепительно-белой кожей и вправду есть что-то от древнего моллюска. Знаешь, они ведь были очень белые — с серьёзным лицом проговорил Андрей, едва сдерживаясь от улыбки. Затем, помолчав, уже серьёзно, продолжил:

— В тебе так всё необыкновенно — имя, волосы, кожа, в тебе и древняя женщина и тысячи образов, что были в доисторические времена. Иногда мне кажется, что ты через веки видишь, иногда мне кажется, ты смотришь внутрь себя, видя прошлое, может, даже ледники. Мне кружат голову твои губы с привкусом мёда и молока, мне кажется, я вижу Солнце, когда смотрю в твои янтарные глаза. Я не знаю, что мне делать со своим чувством.

— А ты знаешь, мой Дю, я ни о чём не думаю, когда смотрю в твои глаза — цвета неба, цвета моря. Может не этого, а того, понимаешь?

Потом вдруг, переведя взгляд на днище перевернутого баркаса, сказала задумчиво:

— Лодка непременно дала бы течь, если бы мы поплыли на ней. Здесь ржавчина, странно, как мы её не сразу заметили...

Казалось, больное Солнце продолжало выпячивать совершенно бес-

стыдно свои протуберанцы. Ева сидела, поджав под себя ноги, закрываясь полотенцем от палящих лучей.

— Посмотри, Дю, какая тина чудная, зелёная-зелёная. Я теперь поняла, из чего сделаны трусы у водяных — тех купальщиков, помнишь? У дедушки и его внуки?

Поздно вечером они вернулись в город.

Мать, считая, что вопрос с переездом уже решённый, энергично продавала мебель и разбирала бумаги. Она часами просиживала над какими-то старыми открытками, фотографиями, чеками и счетами-квитанциями, словно никак не могла решить, увозить это, как часть её прежней жизни или действительно начать всё с «чистого листа».

Андрей не мог ей ничего посоветовать. Он и сам не знал, что ему делать со своим багажом и что, собственно, есть его багаж.

Он решил какое-то время не видеться с Евой. Виктор позвонил ему и сказал, что Еву надо беречь. Нельзя держать человека в неведении. Андрей возражал ему, повторяя, что он ещё ничего сам определённого не решил.

Обмен квартиры в Петербурге на квартиру в Москве как-то очень быстро нашёл отец Андрея. Мать поспешно уехала в Москву.

Андрей позвонил Еве.

Они сидели на полу, прислонившись спинами друг к другу. Возле них стоял допотопный проигрыватель с пластинкой Баха. Звуки органа сотрясали стены квартиры, раздвигая их бесконечно. Андрей продолжал проигрывать ещё и ещё, словно оттягивая прощанье. Казалось, что как только наступит тишина, она станет невыносима для обоих. Но эта тишина наступила, музыку больше невозможно было слушать.

Берта, поцеловав его пересохшими губами, произнесла почему-то низким голосом:

— Прощай. Вспоминай нашу маленькую жизнь — наше лето, вспоминай наше ушедшее далеко-далеко море. Наше Литориновое море и помни, что мы вышли всё-таки из него.

Он рассматривал её лицо и вдруг заметил на нём веснушки, как какие-то следы от укусов Солнца.

— Удивительно, но я раньше не замечал у тебя солнечных пятен. Всё-таки от Солнца нам никуда не спрятаться... Я буду звонить, я буду писать. Мы с тобой всё решим. Ты ещё приедешь ко мне... Да?

Он говорил это каким-то странным голосом, словно тот контртенор, что жил у него внутри, глубоко затаившись, вдруг вырвался наружу. Этот голос явно претендовал на самостоятельность и присутствовал здесь, находясь с ними, и был третьим.

Заканчивался 1985 год. Трёхсотлетний юбилей со дня рождения Генделя,
Георга Фридриха.

Придя домой, Ева, взяв ножницы, подошла к зеркалу. Посмотрев внимательно на своё отражение, словно прощаясь с этим образом, она остригла свои рыжие волосы. Потом, взяв бритву, побрила голову. Ей казалось, что внутри, там, где душа, что-то щёлкнуло, словно кто-то осторожно, незаметно вышел, захлопнув за собой маленькую дверцу. Осталась голова и... ноги. Совсем, как моллюск — головоногий...

Через полгода Ева родила мальчика.

Она ходила по коридору, растирая поясницу, меряя шагами небольшое пространство — от стены к стене. Схватки продолжались, усиливаясь по степени интенсивности и сокращаясь в интервалах. Боль становилась невыносимой. Она села. Кажется, стало легче.

— Мамаша, не сидите на голове у ребёнка, — услышала она у самого уха.

— Мне уже всё равно, — только успела подумать Ева.

Её переложили на кровать со специальными ручками, в которые она тут же вцепилась. Начались потуги.

Ева очень старалась, помогая ребёнку, широко раскрывая рот и заглатывая воздух, словно имея слабую надежду, что это может как-то помочь. Она напоминала рыбу, выброшенную волной на берег.

Ребёнок родился легко.

С третьей потуги что-то скользкое, мокрое, будто выскользнуло из неё. Ещё с неперерезанной пуповиной его поднесли к её лицу. Он был похож на сливу — сине-лиловый, с белым налётом. Почему-то шёпотом она спросила у врача:

— Почему он синий?

— Ничего, сейчас раскричится — ответила, улыбаясь, акушерка и шлёпнула новорожденного.

Младенец закричал, словно возмущаясь, что нарушили его покой, сжимая крохотные кулачки. Теперь она видела красное личико и большой рот.

У неё покатались по щекам слёзы. Пуповину отсекли, перевязали, ребёнка вытерли и, уже успокоенного, поднесли ещё раз к самому лицу Евы. Она провела безымянным пальцем по его щёчке, словно рисуя навсегда его силуэт, и тихо сказала с нежностью: – Ну, здравствуй...

Его глаза были зажмурены, на голове пробивался лёгкий рыжий пушок. Ей показалось, что у него застыла слезинка. Но её убеждали, что новорожденные никогда не плачут со слезами. Ведь слёзные желёзки начинают функционировать намного позже. Она не поверила. Через некоторое время, когда ребёнок открыл глаза, Ева увидела, что они у него пронзительно-синие, как у Андрея.

За время беременности волосы у Евы отрасли, но они уже не были огненными, а постепенно становились тёмно-рыжими, словно с лёгким оттенком ржавчины. Медленно, день за днём, особенно за период кормления, они превращались в каштановые. Врачи объясняли это гормональной перестройкой. Именно гормональной перестройкой они объясняли и оставшиеся пигментные, словно солнечные ожоги, пятна на лице.

Выписавшись из больницы, Ева, развернув новорожденного, стала в него пристально вглядываться, словно тщательно изучая. Вдруг она подумала о том, что это их ребёнок и вот он лежит, этот маленький Андрей и целиком теперь в её власти. Ей безотчётно захотелось вернуть ту боль, что испытывала она, будто вернулся некто, кто вышел тогда из души, осторожно закрыв, захлопнув дверцу. Она захотела вернуть боль этому ребёнку, его ребёнку и вдруг, неожиданно для себя, слегка шлёпнула его.

Младенец не заплакал, не пошевелился, а только замер. Тогда она, сама не понимая, что происходит с ней, ещё раз, уже сильнее, шлёпнула его. Ей хотелось услышать его крик. Но он, семидневный, лежавший ничком, не умеющий поворачиваться, вдруг выпростал маленькую ручку, словно пытаясь закрыться от удара...

Ева, резко помотав головой, вышла из помрачения рассудка, как из ада, длившегося несколько секунд, но показавшегося вечностью. Её рука застыла в воздухе, из глаз брызнули слёзы.

Она прижала это крохотное создание к груди, любя его бесконечно, больше всего на свете...

Слёзы лились по лицу.

Через три года она вышла замуж за Виктора, который развёлся к тому времени со своей женой. Вскоре у них родилась дочь.

Ева работала экологом и вела активную деятельность по охране редких видов обитателей подводного мира.

Она располнела, много курила, и стихи писала всё реже. Как-то Виктор

предложил ей попробовать написать прозу — рассказ или повесть. Ева согласилась и решительно вывела название — «Превратности Судьбы», где описала события того, далёкого лета. Но потом решила, что никому не покажет, и спрятала подальше от глаз...

Постепенно шло время, дети выросли. Семья готовилась ко дню рождения сына, которому исполнялось двадцать пять лет. Всей семьёй решили отпраздновать это событие, и Ева с Виктором купили билеты на концерт Генделя. Сын очень любил этого композитора. Он долго рылся в шкафу, ища запонки, и случайно нашёл тетрадь с повестью Евы.

В этот день Гендель праздновал свой очередной уже триста двадцать пятый год со дня рождения в отсутствии почтенной семьи. Все сидели и читали вслух повесть Евы и на концерт не пошли. После этого сын захотел поехать к отцу в Москву. Ева не возражала.

Андрей был владельцем крупного издательского дома и был достаточно известным человеком. О существовании сына он не подозревал.

Матвей не стал отправлять рукопись матери по электронной почте, а решил поехать в Москву, чтобы посмотреть на своего отца.

Сын вошёл в приёмную и хотел оставить рукопись на столе у секретаря, но в этот момент дверь открылась, и они с отцом встретились взглядами. Андрей вздрогнул. Он видел уже эти глаза, точнее, взгляд. Так на него смотрела только одна женщина на свете, но только цвет глаз другой.

— Нет, это просто совпадение, — решил он. Но волосы... Странно.

Он хотел спросить что-то у молодого человека, но что, он не знал.

Матвей выбежал уже в открытую дверь. Секретарь протянула папку.

— Это Вам, просили передать.

Андрей вернулся в кабинет и сел читать. По мере того, как он переворачивал страницу за страницей, он узнавал себя и свою Еву. Дочитав до последней страницы, он захлопнул папку, снял очки и долго сидел, закрыв лицо руками. Он всё вспомнил, что было, до мельчайших деталей. Потом, опять взял папку в руки, возвращаясь к первой странице рукописи, перечитывая вновь, долго и внимательно. Зачеркнув название «Превратности Судьбы», он вывел медленно красным «Литориновое море», понимая, что это море и эта повесть — лучшее, что было в его жизни.

На следующий день он взял билет на поезд-экспресс Москва-Петербург и сел в вагон у окна.

Ему вновь захотелось пройти босиком по дну Литоринового моря, оставляя, словно печатая, на мокром песке свои следы, блуждая в Курорте на пляже Морском, блуждая в Солнечном на пляже Ласковом.

За окном сгущались сумерки.

Поезд мчался с огромной скоростью, но его лицо, отражённое в стекле, оставалось неподвижным. Он внимательно вглядывался в своё отражение. Было странно смотреть в свои собственные глаза какого-то не своего, чужого лица. Взгляд был внимательным и серьёзным, так когда-то на него смотрела Ева, водя по его профилю, отпечатывая в воздухе, в пространстве — времени его образ.

Он ехал на большой скорости назад, в поисках утраченного образа...

Ева перебирала в книжном шкафу книги, вытирая пыль. Взяла в руки Ахматову и открыла текст, её любимый.

Под крышей замёрзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю
Читаю Послания Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звёзды синеют и иней пушит
И каждая встреча чудесней
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.

Она ехала в поезде из Петербурга в Москву.

За окном мелькали заснеженные леса, равнины, реки, скованные льдом, дачные домики. Поезд уносил её всё дальше от Петербурга. Она смотрела на своё отражение в стекле и думала о том, что после того, как Андрей уехал, в её жизни образовалась та пустота, которая бывает в Космосе, когда умирает звезда. Мысль об этих чёрных дырах, никем и ничем не восполняемых, удивила её так, что больше не хотелось ни о чём думать.

Да, был сын, которого она любила больше всего, да была дочь — её друг, да был муж, но не Андрей...

Пурга всё носилась за окном, посыпая, заматывая снегом, припорошивая воспоминания, притупляя боль, примиряя.

Он целовал её в уста,
И были они слаще мёда всех в мире сот.
Он ласкал её кожу,
И была она белее самого белого снега,
И белее самой северной ночи...

И море, и этот день, и эта ночь,
И это незаходящее солнце
Принадлежали им, а они друг другу.
Она, смеясь, говорила,
Что красотой своей и умом своим,
Он превзошёл Соломона,
Что силой своей он превзошёл его...
И она, его тихая голубица – его нежная Ева,
Будет его любить за двоих...»

«Положи меня, как печать на сердце твоё,
Как перстень на руку твою,
Ибо крепка, как смерть любовь...
Большие воды не могут потушить любви,
И реки не зальют её...»

ПРИЗНАНИЕ

Ты всегда любил меня, еще до моего рождения. Ты терпеливо ждал моего появления, а когда я родилась, ты такой элегантный, в длинном сером плаще и серой велюровой шляпе, с букетом осенних хризантем, стоял у дверей дома моих родителей, так и не решаясь войти вовнутрь, оставив, на пороге цветы с запиской: «Моей дорогой девочке».

Родители не удивились этому подарку, решив, что это от кого-то из друзей.

Ты всегда был рядом, но никогда не подходил близко. Ты только любовался мною со стороны, даря мне цветы каждый год, в день моего рождения. И день этот и весь месяц сентябрь были твоими любимыми. Цветы каждый год бывали разными, – то это были мои любимые хризантемы, то гладиолусы, то розы. Ты знал, как мне угодить, безошибочно выбирая сорт и цвет. И, чем старше я становилась, тем больше казалось мне, что цветы эти помимо своего естественного аромата, имеют какой-то еще особый, тонкий и таинственный запах...

После того, как посыльный приносил эти удивительные цветы и записку всегда с одной фразой «моей дорогой девочке», я уносила их в свою комнату, вдыхала их нежный запах, перечитывала помногу раз короткую записку с буквами, написанными очень тонко и на старинный манер, чуть размыто, словно она где-то успела намокнуть, или лежала так давно, прежде, чем была отправлена, или кто-то над ней проливал слезы.

От этих чувств неясных, смутных, мне становилось грустно, и никто не мог понять, почему я всегда в день своего рождения вдруг становилась печальной или задумчивой. Я все больше и больше думала о тебе.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, то, получив в очередной раз цветы и развернув записку, я прочла: «моей любимой девушке». В этот день я не вышла к гостям, а закрывшись от всех на ключ, проплакала весь день, положив красную розу к себе на грудь. За окном лил дождь, казалось, он плакал вместе со мной. Роза так благоухала...

Это была Любовь.

Мне так хотелось увидеть твое лицо. Мне так хотелось заглянуть в твои глаза. Мне казалось тогда, что я уже знаю, что они серого цвета. Мне хотелось, чтобы ты меня поцеловал. Я знала, что ты часто за мной наблюдаешь, но не понимала, зачем ты играешь так со мной. Я гадала, кто же ты, понимая, что ты где-то рядом. Я с утра до вечера рисовала твой портрет.

Ты снился мне... Каждый раз ускользающий, убегающий и во сне я никак не могла увидеть твое лицо.

Иногда мне казалось, что я узнаю тебя из тысячи, из миллиона мужчин, иногда я готова была каждого из тысячи, из миллиона принять за тебя! Я ждала тебя каждый день, я трепетала от неумолимого приближения встречи. Я хотела этого и так боялась. Я уже не боялась, что разочарую тебя, или ты разочаруешь меня. Я боялась, что не вынесу встречи, а сердце мое улетит как воздушный шар и мне никогда уже будет его не догнать.

... Настал день моего совершеннолетия.

Рано утром, когда я спала, у дверей дома, на крыльце, была положена таинственная большая коробка. Я тихо вышла и внесла ее в дом. Я узнала родной запах... и открыла ее.

В ней лежало платье, словно из утренних капель росы и кольцо с жемчугом. Впрочем, в твоём вкусе и фантазии я никогда не сомневалась. На дне коробки — записка с фразой: «Жди. Сегодня я приду за тобой».

Я спустилась вниз, в столовую, беззаботно напевая песню, вернее, напуская на себя беззаботный вид. Мне не хотелось, чтобы кто-то заметил мое волнение. Поздравления родных и друзей немного отвлекли меня. Мои родители, конечно, все знали, но вида не подавали, желая меня разыграть. Теперь я понимаю, что они с тобой были всегда заодно. Они хорошо были знакомы с тобой, ты был вхож в их дом и был желанным гостем во многих домах их друзей. Они относились к тебе весьма благосклонно. Только я ничего не знала. Я все думала о том, какой сюрприз ты мне готовишь, и как я смогу, наконец, увидеть тебя.

Весь день я ждала, но никто не приходил за мной. Я вышла на крыльцо, надев платье и кольцо. Послышался тихий шорох в кустах роз, мне показалось, что кто-то окликнул меня по имени. Нет, это робкие, мелкие капли дождя только зашелестели по листьям. Мне послышался цокот конских копыт. Нет, это капли дождя только стали крупнее, чаще и громче, или это так оглушительно били в доме часы.

Ты тихо подошел сзади, обнял за плечи, прижавшись ко мне щекой, а потом поднял на руки. Я почувствовала силу твою, и не было желания сопротивляться тебе, и не было сил смотреть на тебя. Ты имел надо мной абсолютную власть...

Ты поднял меня высоко над землей, и на своей щеке я почувствовала твоё дыхание, такое родное, и щека стала влажной от слез или брызг дождевых, а ты засыпал меня поцелуями. Я плохо разглядела тебя тогда, в темноте...

Я, даже, забыла, какой у тебя был автомобиль, — черный или белый. Я не знаю, сколько ехали мы с тобой тогда, я не думала, куда ты везешь меня. Мне хотелось принадлежать тебе. Мне хотелось твоих ласк, твоей любви.

Ты привез меня к своему дому, а потом бережно внес на руках в гостиную. Наконец, я увидела этот дом, окруженный густым, древним садом. В этом саду росли цветы, которые ты мне дарил столько лет, цветы, которые ты даришь и сейчас...

Я увидела, наконец, твоё лицо, я могла назвать тебя по имени, я могла касаться тебя. Наши чувства, желания, мысли были едины, а слова... Порой, они просто не нужны.

Кажется, я оставалась тогда у тебя очень долго. Ты не хотел расставаться со мной, а я могла еще и еще целовать твои руки и смотреть в твои глаза. Мне нравилось наше молчание у вечерней печи. Мне нравилось наше молчание утром в саду, когда ты срезал для меня цветы. Мне нравились эти признания. Я забыла в твоём саду обо всем, кроме Любви. Кажется, я и сейчас не помню ни о чем, кроме Любви.

Мне нравится, что у тебя так много неповторимых, присущих только тебе жестов, мне нравится, что ты искрометен, неистощим на выдумки, изобретательности твоей, как и тонкому уму, нет предела. Мне нравится твоя элегантность, безупречный вкус, манера одеваться, мне нравятся твои бесчисленные таланты, ты так много умеешь и так много еще можешь. Мне нравится, что ты силен, нежен и неумолим в любви. Мне нравится, когда ты бываешь немногословен и замкнут, или робок, или капризен, как ребенок.

Мне нравится, когда ты бываешь тихим и задумчивым, и молча гладишь меня.

Но я знаю только одно — ты всегда мне верен, и в то же время ты свободен, абсолютно свободен, и всегда. Иногда я хочу оставить тебя и побыть одна, потому что боюсь тебе надоест. Я пропадаю и не отвечаю на твои звонки. Тогда ты приходишь к моему дому и стучишь в дверь, стучишь, пока я не открою тебе. Я борюсь с собой, смотря на тебя через стекло. Мне кажется, что целая вечность или пропасть стоят между нами.

Но ты машешь мне рукой, улыбаешься или смотришь то просительно, по-детски, то философски-печально, и я не в силах устоять. Я открываю дверь, ты врываешься в мой дом, сжав в объятьях так, что я захлебываюсь от твоих поцелуев...

Каждый раз после этих встреч мне кажется, что я тебя начинаю любить еще сильнее, но сильнее уже невозможно. Я скучаю по тебе всегда, мне тебя никогда не бывает много. Я скучаю в зимнюю стужу, когда ты уезжаешь в длительные зарубежные поездки, я скучаю по тебе знойным летом, когда ты должен заниматься своим великолепным садом, а я никак не могу тебе помочь.

Впрочем, я жду тебя всегда. Я знаю, что ты можешь ворваться в мою жизнь неожиданно. Вот и сейчас, я сижу за письменным столом, пишу эти строки, зная, что ты скоро придешь и прочтешь это признание. Не приехать ты не можешь. Я чувствую, как ты думаешь обо мне.

На плечах у меня неясный, дымчатый, словно из тумана, полупрозрачный шарф в мелкий белый горошек — следы нежных касаний твоих. На моем пальце — твой подарок — знак того, что связаны с тобой навсегда.

Ты мой повелитель. Но ты успеваешь помогать другим. Все тебя зовут в гости, просят о помощи. Ты могущественен и щедр, и, не раздумывая, стараешься помочь всем, кто просит тебя. Поэтому тебя так все любят. Но я не ревную. Я горжусь тобой. Быть возлюбленной такого мужчины — это счастье. Для одних ты доктор, для других музыкант и художник, для третьих философ и поэт. У тебя много власти и богатства, но ты относишься к этому легко, зная, что это может кому-то помочь.

Ты бываешь сильным и крепким, и тогда я ищу защиты в тебе, как в отце, ты бываешь грустным и тихим, и тогда мне хочется жалеть тебя, как дитя. Ты бываешь то ласков, то дерзок, то нежен и заботлив, то страстен, то сдержан, и тогда я вижу в тебе настоящего мужчину. Мне нравится твоя мудрость. С тобой я могу быть самой собой, как ни с кем больше.

Ты так многогранен и непредсказуем...

Но разве люблю я тебя за что-то? Я просто люблю... Как любят родственную душу. Я и ты, ты и я — зеркало и эхо.

Мне нравится засыпать, как дитя, под звуки твоей флейты. Мне нравится просыпаться в твоих объятиях. Когда ты с нежностью смотришь на меня, в твоих глазах отражается небо, или это я сама становлюсь небом, и, смотря на тебя, вижу свое отражение.

Родители мои, зная с самого начала о твоём длительном и необычном уходе с посылками цветов и записок, желали мне сказочной любви, но они никак не могли предположить, что это будет сказка, не имеющая конца. Могли ли они желать еще чего-то большего для любимой дочери?

Скорей приходи. Я зову тебя по имени. У тебя такое старинное, царское, божественное имя! Мой дорогой ДОЖДЬ!

Твоя любимая женщина

Мария МЕЩЕРСКАЯ

ФИНСКИЙ ЗАЛИВ

Моя пьеса написана ветром
на вспененном взморье
И оставлена музыка
духам осенней листвы —
Я стою на гранитном осколке
и странное, злое
Несоленое море
мои доедает следы...
Распростертая плоскость
с водой перекрученных нервов
Неподвижно-бурлящая,
неколебимая мгла...
Так несложно в тебе
отыскать превращенья вселенной,
Так несложно в тебе
утопить времена...
Это память во мне
вырождается странной игрою...
Это я растворяюсь
в засвеченной финской воде...
Ты один здесь такой.
Ты — мое несоленое море...
Ты мое «никогда»,
ты мое «ни зачем» и «нигде»...

СТИШОК ПРО КОШКУ

Кошкины ножки шарят по полкам
Ищут шуршинки, шорохи ждут,
Кажется кошке — словно из шёлка
Соткана шаль паутины в углу.
Шарит, шуршит, ждёт шевеления...
Слышит как мыши
в шкафу шебуршат.
Щурится кошка,
и в каждом движении

Шепчет её шерстяная душа:
— Счастье кошачье,
печное, неспешное
Солнышко, шорох пустых камышин;
Спрятан за шторами
шаг в неизвестное,
Спрятан за ширмой,
за шумом машин...
Жадная кошка шуршит и шастает
Ночь ворошит, щекоча, шевеля.
Ищет шуршинки
за штуками разными,
Шерстью пушистой вышитая.

ЭМИГРАНТАМ

Пишите письма, господа!
Уходит пароход на запад.
И город старенький заплакал,
Сгорел, не выдержал стыда.
Закатом плавит тротуар
Июльски-знойного проспекта,
И в ярко-розовый муар
Нева усталая одета.
Почти нага, почти совсем
Расправила в полнеба крылья
Туманно-сизая мантилья
Дыма. В сорок атмосфер
Давление в сердце парохода.
Туда, на запад, где свобода!
Туда, где сыр, вино и мода
Погода,
Прочий эфемер...
Пишите письма, господа,
Пишите телеграммы, дамы!
В объятья ревностной нирваны
Причал уходит навсегда...

МОЕМУ ЛЕСУ

Что толку знать, что толку слышать,
 Зачем произносить слова?...
 Там, над водою небо дышит,
 Раскинув руки-острова...
 И птицы молятся закату,
 Встречая вкрадчивый рассвет;
 И кажется, что здесь когда-то
 Былых времен остался след...
 Живые камни, выгнув спины,
 Лежат у сонных берегов;
 Болота, скалы и равнины
 За ширмой дремлющих лесов
 Застыли. Смотрят так приветно,
 Что сердце плавится как лед...
 И так легко и незаметно
 Поёт! Поёт...

МОЙ!

Я по брандмауэрам читать
 историю домов была бы рада!
 Лицо и сердце, голос,
 руки Ленинграда, —
 И вросшие в асфальт
 трамвайных линий нервы...
 Мой Петербург!
 Ты здесь родился первый.
 Ты первый был клеймён
 холодною подковой
 Один такой, на всей земле,
 гранитный, невесомый...
 Ты разный, словно царский рубль,
 с лицом и птичьей харей;
 И по твоим рукам ползут
 железные трамваи...

– ЭТО ЛИ НЕ ЕСТЬ НАСТОЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ?..

Так просто, на самом берегу спокойного моря, когда солнце тонет в предзакатной дымке у самого горизонта, сидеть на тёплом камне. С тобой. Просто слышать, как нотки твоего голоса стыдливо слизывает прибой. Тихий и тёплый, как безоглядно-далёкое где-то...

Но здесь. Сейчас. Сию минуту, смотреть и видеть каждую чёрточку твоего лица. Улыбку. Самое потаённое дно карих глаз. Сейчас и здесь. Моя рука в твоей ладони, тонет маленькая, как лодочка без весла. Нервные пальцы. Берег моря... И ты, наверное, не так совсем глядишь на меня. Как-то по своему. Другое думаешь, улыбаясь мне так искренне.

Люблю...

И всё равно мне, о чём ты сейчас думаешь.

Люблю... Каждую чёрточку этого лица. Твои красивые руки и улыбку. И почти незаметную тень на песке... Ветер, который снова путает твои волосы, серебристую прядь, спрятанную в них. Тонкие ниточки седины...

Твой голос...

Просто люблю.

А сердцу жаль, так безмерно жаль, что скоро всё. Что снова между нами лягут километры и рельсы железной дороги... Что снова ты станешь чужим, далёким и запретным. Так больно...

Но люблю! И всё равно, что будет потом. Пусть чужой. Пусть у нас с тобой никогда не будет общего завтра, нашего с тобой дома, дней и вечеров. Пусть... Но я люблю...

И это ли не есть настоящее счастье?..

ЗАМОК ИЗ ДОЖДЯ

Такого странного лета, давно уже не было в наших северных краях. Жаркое, оно как будто дразнило – Нате-ка, достаньте меня, а я убегу, спрячусь за волны залива, за кроны деревьев, растворюсь в тучке небесной, ищите, и вдруг снова выгляну как ни в чём не бывало.

Порой выходишь из дома и не знаешь, что тебя ждёт через полчаса.

Так было и в этот день. Точнее вечер, когда нагретые за день камни вдоль Финского залива еще излучали тепло.

Парк «Дубки» в этот час был не многолюден. Нестабильность погоды отпугивала людей от долгих прогулок. Редкие и одинокие фигуры бродили по побережью. Как в медленном танце фланировали пары. И в общем то ничего особенного, если бы не налетел ветерок.

На прибрежных камнях сгрудившихся у воды сидела молодая женщина. Взгляд её был рассеян, он скользил по воде и направлялся на горизонт, а там как будто в театре начиналось светопредставление.

Остров Тотлебен был освещён ярким потоком солнечных лучей, с двух сторон от него, как театральный занавес надвигались мутные полосы дождя, они двигались медленно уменьшая светящееся пространство. А над «Дубками» не падало ни одной капли. И тишина вдруг охватившая всё побережье была огромной и пустой как вакуум. Полный штиль. Волны замерли будто кто то играл с ними в детскую игру «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура на месте замри».

Женщина заворожённо смотрела на эту чудесную картину. Наконец, занавес дождя сомкнулся и вакуум исчез. Послышались звуки, шорохи, шаги...

С центральной аллеи лёгкой походкой вышел мужчина средних лет. Он, ловко перепрыгивая с камня на камень, подобрался к самой воде... и раскинув руки замер как будто в полёте резко закинув голову.

Они оказались так близко, и странно было лишь то, что оба не замечали друг друга. И правда. Ведь каждый из них пришёл сюда за одиночеством.

Так продолжалось несколько минут. Потом мужчина, так же легко спрыгнул на песок и медленно пошёл обратно в аллею.

А она сидела бы ещё, но вдруг редкие крупные как «слёзы принцессы» капли стали медленно падать и звонко рекошетить, отскакивая от круглых спин валунов и разбрызгивая вокруг себя крошечные фейерверки. Пришлось встать и покопавшись в сумочке достать самый необходимый летом предмет — зонт.

Ей очень не хотелось уходить. Ведь только здесь она чувствовала себя комфортно. Здесь — где небо, вода и НИКОГО постороннего.

Дождик согнал её с насиженных камней и медленно, как лодка под парусом она поплыла в аллею парка, где старые дубы, как старые солдаты стояли слегка приспустив ветви и потеряв свои некогда военные выправки.

Дождь начинал усиливаться. Она шла неторопясь и впереди, чуть правее дороги увидела уже знакомую фигуру. Мужчина оказавшись безоружным перед нахлынувшей стихией недолго думая спустился на обочину и спрятался под дубовой кроной, но это его уже явно не спасало. Дождь стремительно набирал обороты и скоро превратился в сплошную водяную стену.

Она могла бы пройти мимо. Могла бы... но. Только из человеколюбия, увидев как легко превратить этого бедолагу в промокшее до нитки существо, она остановилась и сказала — Идите под зонт. И не дожидаясь ответа сама быстро спустилась с обочины.

Они стояли под дубом, под зонтиком и она чувствовала будто разряды молнии пробегают от плеч до самых ступней.

— Холодно?

— Да нет, что Вы — ответил мужчина.

Она посмотрела его на мокрую насквозь рубашку и не поверила.

— Наверно меня уже бесполезно было спасать.

— Спасать никогда не бесполезно — ответила она.

Выходить из под дубовой кроны было безрассудством, ведь даже зонт не уберёт бы этих двоих от неожиданного водяного потопа.

Они оказались заложниками дождя. Вокруг них полупрозрачным шумящим водопадом был воздвигнут замок у которого не было ни выхода ни входа.

Молчание затянулось, надо было сделать первый шаг. И мужчина сделал его.

– Владимир – сказал он, – меня зовут Владимир.

– Наташа – ответила она тихо и удивилась сама той простоте с которой прозвучало это банальное вступление.

– Скажите, Наташа, Вы местная или приехали сюда погулять.

– И то и другое – она поправила волосы с лица и подняла глаза, что бы рассмотреть собеседника как следует.

Невысокий, стройный, довольно привлекательный, он чем-то неувлимо отличался от многих подобных ему типажей. Может быть в лице его она не увидела самолюбования. Оно было слишком спокойно, без желания понравиться или произвести впечатление.

Тем лучше, подумала она. Я ведь не собираюсь знакомиться с этим мужчиной всерьёз.

И после этой незатейливой мысли сразу стало легко и просто.

– Я родилась здесь, – сказала она – провела детство, а потом уехала с мужем. Он у меня военный. Сейчас живём в Петербурге, а здесь у меня родители. Я у них в гостях... и дома одновременно. А в парк я люблю ходить одна. Здесь всё такое родное. Каждое дерево встречает тебя как давнюю подругу. Но вот сегодня недосчиталась нескольких дубков, как будто потеряла старых друзей.

– Мне тоже это знакомо – вдруг неожиданно ответил Владимир –

Я тоже провёл здесь детство, правда мои родители снимали дачу, но это было много лет подряд и я так привык к этим местам, что кажется роднее нет ничего на свете. Сейчас живу как будто в другом мире, а сюда приедешь, что бы забыть о всех проблемах, побродишь по аллеям, глотнёшь воздуха пропитанного запахом водорослей и ни какой валерианки не надо. Не надо даже выпивать, что бы отключиться, всё проходит само. Природа лучший доктор.

– Вы интересный – ответила Наташа.

– Я архитектор, природа – учитель в моей профессии. Всё в ней так гармонично, так соразмерно, что выдумать нечто более совершенное невозможно. Вот и любишься каждым движением ветки или формой валуна, а в голове оседает что-то неуловимое. И оно всплывёт, обязательно всплывёт когданибудь, в процессе творчества.

– А Вы чем занимаетесь?

– Я жена военного и этим всё сказано, свою профессию я растеряла в гарнизонах, там приходилось быть всем, кем только нужно.

– Жены военных, наверно, самые жертвенные женщины на свете.

Наташа только улыбнулась в ответ. Она мысленно перенеслась к себе в городскую квартиру и увидела мужа. Он спал, бутылка недопитой водки стояла у дивана и кот играл упавшей на пол крышкой.

Так будет все три дня пока она в отъезде. Муж будет просыпаться, хлебать из бутылки, выходить на кухню, искать заначку. Только бы кота покормил.

– А знаете, Вы напомнили мне одну знакомую.

Наташа удивлённо подняла бровь.

– Нет не теперь, а в детстве. У вас никогда не было платья цвета набегающей волны?

– Как это? – удивилась Наташа.

– Это такой неуловимо голубой подернутый дымком или туманом.

– О, наверно, это перванш. – Она вспомнила старое слово, часто употребляемое её бабушкой-портнихой.

– Да, вероятно. Именно в таком платье однажды бегала по берегу девочка, когда мы с родителями пришли гулять на залив. Мне было лет семь, а ей поменьше. Девочка бегала, потом устала и свернулась калачиком под деревом совсем как котёнок. Я ещё тогда позавидовал, что её отпускают гулять одну. Я смотрел на неё и думал, что вот сейчас, я охраняю её сон, как стражник охраняет сон принцессы, а она этого даже не знает. А потом её окликнули она проснулась и убежала. Простое воспоминание, но мне тогда показалось, что убегает моя судьба, а сейчас кажется, что через много лет она вдруг вернулась.

– Но у меня не было такого платья – хотела сказать Наташа – потом задумалась и ответила – Возможно.

Её саму удивило то, как она ответила. Её вспомнились детские игры на берегу, собирание ракушек, песчаные дворцы, мало ли мальчиков проходило мимо неё, нет она не помнила ни одного из них, но то что её могли запомнить это казалось невероятным. И даже если это была не она. Не всё ли теперь равно.

– Сегодня я проснулся с мыслью, что обязательно должен приехать сюда – продолжал он. И знаете, что удивительно, мне несколько раз мешали сегодня сделать это. Сначала работа – внеплановый график, потом позвонили друзья, хотели увидится, но я перенёс все встречи, потому, что понимал – мне надо в «Дубки». Я так торопился, что зонтик оставил на работе, и спохватился уже в эллектричке.

А здесь достаточно было выйти к заливу раскинуть руки...и полететь

– Так вот что это было, я так и подумала. Вы умеете летать.

– Иногда, когда очень, очень хорошо на душе.

– Или очень, очень грустно – добавила Наташа.

Владимир на мгновение отвернулся, глаза его могли бы сказать, что это правда.

Вчера вечером он разговаривал с женой. Она сказала, что вновь уезжает за границу. Там у неё интерес. Там есть чем ей заняться, а здесь одна рутина. Она не домработница. Да ей сделали интересное предложение. Она его конечно любит, но ...

Он много лет жарил себе яичницу по утрам, и делал бутерброды на работу и ждал, ждал, ждал...

А сегодня почувствовал себя свободным, от ожиданий и обещаний. Нет он ещё не разводится он просто больше не тот.

— Наташа, — сегодня день, нет вечер самый удивительный за последние несколько лет. — Я так бежал сюда, оставил зонтик, промок, и всё это для того, что бы встретить Вас. Скажите, Вы пришли на берег в надежде на одиночество?

— Да у меня было такое платье — неожиданно ответила Наташа — Я вспомнила. Что, одиночество? Оно со мной всегда.

Дождь начинал утихать и и можно было выбраться из своего убежища.

Мокрая трава сразу захладила ноги, но это ощущение, было похоже на ощущение детства, когда каждое касание природы воспринимаешь как благо.

Они выбирались на дорогу. Он крепко держал её за руку, а она смеясь скользила по травяному склону пока не выбралась окончательно.

Их снова объединил зонтик. Дорога была пустынна и в этом безлюдном пространстве они оказались одни, как будто в другом мире. Этот мир был только для них.

Они шли по широкой аллее, потом свернули на тропку ведущую снова к берегу.

Залив открылся широкой спокойной полосой не было даже намёка на недавнюю непогоду.

Всё было так же, как и в душе. Ещё час назад волнение нарастало, как нарастало скопление туч сомкнувшихся, наконец, над заливом, а сейчас было не просто ощущение покоя, это было ощущение тишины, просветления и счастья. Одиночество двух половинок превратилось в единое и уже не одинокое существо. Потому, что рядом им казалось одинаково комфортно и говорить и молчать. А говорить было о чём. Вспоминалось детство в котором они оставили свои лучшие воспоминания. Говорилось о сегодняшних днях, замечалось что-то удивительное чего в природе всегда так много, и что часто каждый видит по своему.

Незаметно они подошли к выходу из парка.

Белые ночи были уже на спаде и тень двигалась за ними по пятам

выводя на свет к огням и звукам. Город вытягивал их в свой суетный мир.

Оба они понимали, что вот-вот закончится эта прогулка. А что дальше?

Каждый из них нёс груз своей, пусть не сложившейся жизни. У каждого были свои нерешённые проблемы. Но вместе, сейчас, на один вечер, о них можно было забыть.

Так, медленно, понимая, что приближаются к моменту прощания они дошли до вокзала.

Ожидание электрички было мучительно для обоих.

— Я позвоню? — спросил он робко.

Она молча кивнула.

Людей на платформе было мало, но в маленьком городке не утаишься от любопытного взгляда. Только там в парке можно было держать друг друга за руку и ничего не бояться.

Но разве только страх становится причиной не изменить свою жизнь?

В ослепляющих лучах электрички он быстро прикоснулся губами к её щеке и сразу же отпуская руку шагнул в дверь вагона.

Марина ПИМЕНОВА

МАРИНА

Убегая от зыбкого края,
От песчаного края земли,
Я скольжу, словно пена морская,
Кружева разбросав на мели.

Мне стихия воды — не рутина,
Не темно каменистое дно,
Потому что — «морская» Марина
И судьбу изменить не дано.

Я волною прильну и отхлыну,
Только ветер укажет мне путь,
В нераскрывшихся ракушках кину
Жемчуга на прибрежную грудь.

Ты сними с них тягучую тину,
И прислушайся к тайне из вне,
Ты услышишь, как песню —
«Марину»,
В запечатанной их глубине.

* * *

На берег Финского залива
Волна стремится шаловливо.
Она, как малое дитя,
Хватает будто бы игрушки:
Обломки, камешки, ракушки
И возвращается шутя.

Она то хлещет, то не чаёт
Души, укачивая чаек,
То, поднимая птичий гам
Всё, что на дне своём хранила
Вдруг соберёт в разводах ила
И бросит к чьим-нибудь ногам.

МОМЕНТО...

Проснуться и прозреть!
Расставить по местам
Разбросанных стихов оборванные
строки,

И окна распахнуть
Назойливым ветрам,
Оставившим свои гнездовья
на Востоке.

Оттуда все пути —
Пронзительности нить,
Где низок горизонт и высока осока.
Из родников испить,
И вдруг... заговорить!
На древнем языке забытого пророка.

* * *

Поэт — он не при чём,
но он публичен.
Он чаще обличён,
чем обналичен.
И Ангел, что поставлен
за плечом,
Чтоб уберечь,
не слишком увлечён.
На прерванный полёт,
в обличье птичьим,
Он лишь вздохнёт,
что обречён величием,
Он всё зачтёт —
и вычтет что почём.

Сергей ФЕТИСОВ

ОБ ЭТОМ ЗНАЛА ТОЛЬКО ОСЕНЬ

Антон радостный бежал по длинному коридору офиса. Ещё бы! Только что Юля согласилась стать его женой. Она сказала ему это сейчас, по телефону.

Жизнь и карьера складывались отлично. Всего лишь год как он на чужбине, а уже директор рекламного отдела в крупной фирме. Самая красивая девушка, которую он когда-либо видел, станет его женой. Неужели ему это не снится?

Выбежав из-за угла коридора, Антон не заметил сотрудницу фирмы несущую большую кипу бумаг и со всего маха налетел на испуганную женщину. Бумаги разлетелись, как белые снежинки.

– Молодой человек, куда вы так несётесь? Здесь же люди!

– Ой, ради бога, извините, пожалуйста. Я случайно. Сотни извинений. Я помогу вам всё собрать.

Он помог сотруднице собрать бумаги и тут же продолжил путь к своей Юльке. Вот сейчас она удивится его появлению, ведь они договорились встретиться вечером, после работы и пойти в ресторан, отметить такое важное событие в их жизни.

– Антоша! Ты?

– Да, любимая! Я не могу больше сидеть на месте. От такой новости я могу сойти с ума. Семь месяцев ты со мной и только сейчас поняла, как я тебя люблю.

– Моя мама и так говорит, что мы с тобой торопимся.

– Ну, послушать твою маму, так мы ещё три года будем ходить в друзьях, узнавать друг друга. А я не могу без тебя, Юлька, понимаешь? Ночи мне кажутся вечностью.

Он подошёл и взял её за талию. Она застенчиво отстранилась, взглядом показав на коллегу, работавшую рядом за компьютером.

– Не здесь, а то так и до шефа дойдёт. Вечером.

– Пошли в комнату отдыха, попьём чаю, обсудим предстоящие покупки. А?

— Нет, Антоша. Ещё рано. До обеда ещё два с половиной часа. Нас не поймут.

— Поймут. Я сегодня всем расскажу о нашем решении. Пойдём... Сегодня можно.

Они вышли из кабинета и направились в комнату отдыха, в которой к счастью никого не было.

— Закрой глаза, — попросил Антон.

— Зачем?

— Закрой, пожалуйста, мне надо.

Юля закрыла глаза. Он взял её руку и одел на палец золотое кольцо с небольшим бриллианчиком по центру.

— Это в честь сегодняшнего дня. В честь твоего согласия.

— Оно же очень дорогое, — смущённо обрадовалась Юля.

— Моя жена должна носить дорогие вещи. Если бы мы с тобой не перебрались сюда и остались жить в России то тогда, конечно, я бы не смог сделать тебе такой подарок. А здесь я «на коне».

Юля была счастлива. Она поцеловала Антона в щёку и прижалась к нему. Он обнял её и поцеловал в губы. Им обоим показалось, что, так целуясь, они простояли целую вечность.

— Ну, тогда и я обрадую, — таинственно прошептала Юля.

— ?!

— Ты готов быть примером для своего сынишки? А?

— Юлька... Ты честно? Ты честно? Да?

— Да. Точно. Только поставь меня на пол. Люди могут войти в любой момент.

— Юлька! Солнышко моё! Так посиди, пожалуйста, здесь, я сейчас, — сказал Антон и быстро вышел из комнаты. Через пять минут он появился с коробкой пирожных.

— Это надо отметить.

— Послушай, сейчас неудобно...

— Это ты послушай. С директором рекламного отдела ты можешь пить чай, когда захочешь. Садись!

Чайник вскипел моментально. Они пили чай, разговаривали, смеялись. У обоих было сказочное настроение. Они перебивали друг друга, каждый представлял, как они теперь будут жить вместе, как родится их малыш — самый замечательный и счастливый! Они строили планы и их было много...

Будущее смотрело на них ласково, ранним утренним солнцем и чистым, без единой тучки, небом. Антон взял за руку Юлю и подвёл её к окну.

— Любимая, я хочу, чтобы и наша жизнь была такая же яркая, как

это солнце, а наши отношения всегда были чистыми, как сегодняшнее небо. Ты согласна?

— Да, любимый.

Антон нежно обнял Юлю и они поцеловались.

Так, обнявшись, они стояли у окна на восемьдесят седьмом этаже, на котором находился их офис. Две башни торгового центра, иглами уходили в небо. До всемирной известной трагедии, случившейся в Нью-Йорке одиннадцатого сентября две тысячи первого года, в которой погибло более трёх тысяч человек, среди которых были и наши соотечественники, оставалось ровно три минуты.

Но Антон и Юля об этом ничего не знали.

Об этом знала только осень...

Кира МАРЧ

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО
(Страницы воспоминаний)

*О светлой памяти прошу,
Уже не веря в чудо.*

Сегодня 25 августа 1937 года. Я пишу тебе, моя родная, хотя не уверен, что ты получишь мое письмо. Милая, дорогая моя девочка!

За окнами — август! Как много воспоминаний связано у меня с этим чудесным временем года. Помнишь, впервые я увидел тебя в августе тридцать второго, когда ты робкая, застенчивая девочка, явилась к нам на завод в машинописное бюро? Ты была в строгом черном платье с белым кружевным воротничком, с гладко зачесанными и собранными в тугой узел черными густыми волосами.

Волосы твои, видимо, протестовали против такой строгости и мелкими кудряшками выбивались из-под шпилек на затылке и висках.

Вид у тебя был чрезвычайно серьезный. И это все в первый же день нашего знакомства просто обворожило меня. Несколько дней спустя, отдавая очередную бумагу тебе в работу, я вдруг решил: «И что же вы делаете сегодня вечером?» В твоих глазах ничего не осталось от доброжелательности, с которой ты протянула руку за документами. Металлический блеск в глазах и тихий ответ: «Я почему-то думала, что вы оригинальнее остальных. Сегодня вечером я приглашена на бал к князю Юсупову», — насмешливо закончила ты и углубилась в изучение документов, давая понять, что разговаривать со мной больше не желаешь. После этого я не спал всю ночь. Твои красивые надменные глаза смотрели на меня откуда-то сверху и не давали мне покоя, а голос, волшебный тихий голос давал надежду: «Я почему-то думала, что вы оригинальнее».

Она думала обо мне! Она обратила на меня внимание! Я могу рассчитывать на взаимность, — стучало у меня в мозгу

Утром, невыспавшийся, бледный, купив на последние деньги три роскошные розы, я с замиранием сердца переступил порог твоего кабинета. В комнате, помимо тебя, было еще несколько человек. Все они смотрели на меня изумленными глазами, даже на машинках стучать перестали. Я подошел к тебе, тихо прошептал: «Это вам», — и поспешно почти побежал к выходу, сбив попавшуюся под ноги корзину с мусором. Все рассмеялись, а я не помню, как оказался на своем рабочем месте. Потом ты позвонила и очень кратко поблагодарила меня за цветы, ничем не выдав своего отношения к моему поступку.

А дальше мне понадобилась вся моя изобретательность, воображение и фантазия, чтобы пробудить в тебе интерес к моей скромной особе. Мне помогло все, что до этого времени представлялось не очень-то важным: знание истории нашего города, любовь к литературе, поэзии, некоторые познания в области искусства, живописи, кинематографии.

На заводе меня знали больше как серьезного молодого специалиста. Я был начальником отдела, постоянным посетителем заводской технической библиотеки, где в подлиннике читал зарубежную прессу, специальную техническую литературу. Неплохо играя в шахматы, был победителем многочисленных заводских турниров, занимался спортом, играя в волейбольной команде, постоянно что-то изобретал как член общества изобретателей и рационализаторов.

Завод был моим вторым домом, и я был тут, что называется, «своим парнем». Помнишь, как радовались все, узнав о нашем решении пожениться?

Я даже не думал, что так популярен, столько было поздравлений, напутствий, И свадьба наша была в августе, через два года после нашей встречи.

Судьба сделала мне щедрый подарок. Ты оказалась прекрасной хозяйкой, доброй, умной женой, ласковой, нежной женщиной. Здесь, в тюрьме, у меня было время подумать, почему ты так выгодно отличалась от своих сверстниц? Мать и отец — глухие с детства. В семье был принят язык жестов, мимика, а ведь они говорят о человеке больше, чем слова. Отсюда и твоя явная, не по годам, мудрость, немногословие, умение чувствовать, обостренное внимание к звуку. Я многое понял и ценю и люблю тебя еще больше, еще нежнее. Ты родила мне сына, и это великое счастье!

Я получил все, о чем только может мечтать мужчина! Наш Аличка родился в конце июля 1935 года, а 9 августа ты выписалась из родильного

дома, помнишь? Совсем скоро, 29 августа, будет три года нашей семейной жизни.

Милая моя! Спасибо тебе за каждое мгновение, подаренное мне! К сожалению, с августом у меня связаны и другие впечатления. 2 августа этого несчастного 1937 года отделом НКВД арестованы мой отец и два брата.

Отец – пенсионер, в прошлом рабочий, братья – молодые талантливые инженеры. Конечно, это ужасное недоразумение. Возможно, их уже выпустили.

Здесь никакой связи с вами у меня, к сожалению, нет. Меня арестовали 10 августа, всё перевернув в квартире кверху дном. Что искали? Не могу себе представить до сих пор.

Стоишь в глазах ты, – как мадонна, с громадными печальными глазами и плачущим, перепуганным Аль кой на руках. И вид у тебя, как на иконах, какой-то отстраненный, вроде как обыск этот и разгром в нашей маленькой уютной комнате, затеянный среди ночи военными людьми, тебя совершенно не касается. И смотришь ты на меня, как будто пытаешься передать мне свою силу и отвагу; свою любовь и веру в то, что ничего плохого с нами произойти просто не может, ничего не случится!

Может быть, поэтому я особенно и не страшился ареста – разберутся, выпустят, мало ли что?.. И вот уже позади кошмарные ночи без сна и постоянные допросы, допросы, допросы.

Сначала все это казалось мне нереальным, я даже пробовал шутить. Представляешь, я – иностранный шпион! Организатор преступной группы, распространитель антисоветской пропаганды?!

Потом меня начало это раздражать, я стал возмущаться, называть вещи своими именами. От меня требовали фамилии сообщников, членов «моей» группы. Какие фамилии? Какая группа?! Этот кошмар длился почти неделю. Мне выбили зубы, и, видимо, от сотрясения мозга просто раскалывается голова. Сегодня предъявили обвинение. Мне инкриминируют статью 58 во всем ее разнообразии. Я никого не назвал, милая! Но подумал, что, может, вот так, под пыткой, кто-то назвал меня? И моих братьев и отца?! Я. выдержал и горжусь этим! Но эти сволочи свое дело знают. Вчера следователь сказал мне, что если я не подпишу протокол допроса с признанием своей вины, то они возьмут сюда тебя с Аличкой. Еще он сказал мне, что ты приходишь каждый день, но от тебя не принимают ни посылок, ни писем, тебе сообщили о моей высылке из города, но ты почему-то все ходишь и ходишь и, встречаясь с ним, пристально смотришь, как будто знаешь, что именно он «работает со мной». Он сказал, что от меня зависит ваша с Аличкой судьба. Если я не подпишу, мне

все равно это не поможет, а вот тебя сошлют с Аличкой в лагерь, причем отдельно, сына — в специальный детский дом. Я ему верю! Здесь я узнал многое. Таких, как я, здесь большинство.

И понятно, что нас отсюда не выпустят: слишком «информированы». Надеялся на суд. Но следователь объяснил мне, что я осужден решением Особой тройки УНКВД, которая принимает решения заочно, не приглашая осужденных.

Я все думал, ну должна же быть у них какая-то зацепка. За что? Недавно понял. Здесь очень много поляков. Мои родители родом из Польши. Видимо, есть какая-то установка на истребление поляков?! Возможно, Сталин готовит какую-то акцию против Польши? И еще, милая, повредило моей репутации моё полиглотство. По мнению следователя, я шпион уникальный, с универсальными способностями... Я подписал протокол и уже ознакомился с постановлением Особой тройки УШСВД. Мне рассказали, что приговоры приводят в исполнение прямо здесь, в тюрьме. Следователь объяснил мне, что этим занимаются уголовники. В обмен на 15-20 жизней «врагов народа» им гарантируется свобода, но это не так. Потом трупы куда-то вывозят, и уголовники под конвоем роют общественную могилу, не подозревая, что последним этапом этой операции будут и их похороны, здесь же. Конвоиры последнюю операцию выполняют охотно, ведь убивают действительно мерзавцев и палачей к тому же. Вот так все здесь продумано и отработано. Прямо «Молох» какой-то. «Здесь, — сказал следователь с явным удовлетворением, — убийцы не работают!» А чудовищные по своей абсурдности приговоры он убийством не считает. Что сказать тебе на прощание, родная? Я ни о чем не жалею. Счастлив, что прожил небольшую, но интересную жизнь, успел полюбить и был любим, оставляю сына, который поможет тебе пережить выпавшее на твою долю горе.

Я знаю, родная, что ты всегда будешь верить в мою невиновность, и в твоём лице я буду иметь светлую память, а через тебя — и в моём сыне. Верю в это, иначе не любил бы тебя. Прощай, любимая. «Да святится имя твоё!»

25.08.1937 г,

P.S.

Из архива УНКВД. Только в один день 25 августа 1937 года постановлением Особой тройки по Ленинградской области, по статье 58-1 «а» УК РСФСР (измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или пе-

релет за границу..) приговорены к высшей мере наказания – расстрелу – 89 человек.

Из них:

мужчин – 87

женщин – 2

поляков – 59

др. национальностей, – 30

Служащих – 55, рабочих – 34, членов ВКП(б) – 25.

В их числе: автор письма Иосиф Доминикович Марач 29 лет, два его брата и отец.

Приговор приведен в исполнение 29 августа 1937 года, место захоронения – Левашовская пустошь. Реабилитированы посмертно 18.12.1957 г. определением Военного трибунала Ленинградского военного округа в связи с отсутствием состава преступления.

Жена Иосифа Доминиковича Марача Лира Павловна Беднярская, которой адресовано письмо, с двухлетним сыном Александром и матерью мужа Александрой Иосифовной Марач были высланы из Ленинграда в августе 1937 года (в 24 часа) в Казахстан – Кустанай. В результате перенесенных потрясений и лишений Лира Павловна, прибрела множество серьезных заболеваний. Вернувшись в Ленинград, работала на объединении «Электросила» бухгалтером, растила сына, замуж больше не вышла, умерла в возрасте 49 лет.

Александра Иосифовна Марач, в одночасье лишившаяся мужа и трех сыновей, вернувшись из ссылки, жила у своей дочери (чудом уцелевшей в лихое время). Благодаря заботам дочери Софьи Доминиковны Марач, она прожила довольно долгую жизнь, посвятив ее заботам о внуках и памяти об утраченной семье.

Сын автора письма Александр Иосифович Марач работал на ЛПЭО «Электросила» более 45 лет. Прошел путь от рабочего-станочника до руководителя центра организационного развития и управления производством. Имеет государственные награды и медали ВДНХ (Выставки достижений народного хозяйства), в том числе и как автор-разработчик первого в стране межотраслевого государственного объединения (МГО).

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

*«Человек есть тайна. Я занимаюсь
этой тайной, ибо хочу стать человеком»*

Ф.М.Достоевский

Я часто думаю, что, несмотря на очень сложное время, в котором мы сейчас живем, вам повезло, мои хорошие. Я родилась 20 ноября 1938 года, а через два с половиной года началась война. Детства своего я практически не помню. Со слов мамы и брата, которому в начале войны было почти девять лет, я была черноглазой толстушкой и блокадный голод восприняла весьма болезненно. Быстро и жадно съедала свою маленькую пайку хлеба и пальчиками тщательно ощупывала стол в надежде найти еще хоть крошечку. Мама и брат, которые медленно смаковали с водой свои кусочки, раздражались, но отщипывали мне немножко и вынуждены были из-за этого ускорять свою трапезу. Брат рассказывал, что, когда он водил меня в детский сад, который был на территории Ботанического сада, за нами однажды увязалась странная женщина с изможденным лицом и жадно горящими глазами. Брат испугался, он был наслышан о людоедстве, побежал, таща меня за руку и ругаясь на мою неуклюжесть и беспечное любопытство: я постоянно оглядывалась...

А потом мой папа, который с первых же дней войны ушел на фронт, был ранен и попал в госпиталь в Ленинграде. Мама взяла меня с собой, когда пошла его навещать. Там было много мужчин; как сквозь сон, я помню, что все они были в белых одеждах: белые рубашки и белые штаны – и эта одинаковость обескуражила, маму. Она шла и растерянно озиралась по сторонам, пока я не закричала во весь голос: «Папа! Папа!»

Я узнала его в этой большой белой массе одинаково одетых людей. Отец был поражен этим, и с тех пор моя фотография занимала достойное место в грудном кармане его гимнастерки и сопровождала его всю войну.

Мама рассказывала, что в начале войны, во время бомбежек, мы спустились в подвал дома – в бомбоубежище – и сидели там до отбоя воздушной тревоги. Много домов в Ленинграде было разрушено прямым попаданием бомб, и бомбоубежище было как бы вторым домом. Жили мы тогда на

Петроградской стороне, на площади Льва Толстого. В нашей квартире жила еще еврейская семья, которая в сравнении с нами голодала меньше, так как кто-то из членов семьи работал где-то близко к продуктам, а, может, еще по какой-то причине... Мама сначала вязала дома вещи для фронта и сдавала их на территории Петропавловки был пункт приема вещей для фронта. Там не платили, и мама носила разные вещи

довоенного времени на рынок, выменивая их на хлеб. А потом, когда выменивать было уже нечего, мама устроилась на химфарм фабрику, на Гислеровском, и нам стало легче, потому что рабочая карточка была лучше иждивенческой...

А голод все усиливался. Ленинград держался, но люди умирали на ходу, и все чаще можно было видеть саночки с трупами. Со слов брата знаю, что были матери, которые сознательно сокращали число своих детей, кого-то обделяя пайком, чтобы спасти более сильного или более любимого. А иногда, не справившись с голодом, получая хлеб на себя и детей, не доносили его до дома, тем самым обрекая детей на голодную смерть...

Мы перестали спускаться в бомбоубежище, мама решила покориться судьбе... Однажды бомба взорвалась во дворе нашего дома. Я сидела на кухне и что-то рисовала. Взрывной волной выбило стекла не только в окне, но и в дверях со стеклянными вставками. Мама прибежала из комнаты в ужасе и с изумлением обнаружила, что, несмотря на битые стекла, которые были везде вокруг меня, на мне — ни единой царапины.

Прибежали соседи из бомбоубежища, пришла врач, жившая на нашей лестнице. И все они осматривали и трясли меня и поражались моей неязвимости. С тех пор никто из квартиры больше не спускался в бомбоубежище.

Во время бомбежки соседи приходили в нашу комнату, усаживали меня в центре и ждали конца бомбежки. За мою «миссию» мне иногда перепадал сухарик от соседей, который мы делили с братом. Вскоре эта семья уехала, а перед отъездом они дали моему брату мешок с сухарями со словами: «Живите, дети!»

Уже взрослой я как-то зашла в музей истории Ленинграда и застыла перед стендом с кусочком черного блокадного хлеба. Самая маленькая пайка блокадного хлеба была выдана ленинградцам 20 ноября 1941 года. В этот день мне исполнилось три года. Моя мама не могла без слез вспоминать блокаду. Она была маленькой хрупкой женщиной. Как она сумела сберечь нас, двоих детей?! Однажды, когда брату исполнилось 50 лет, и мы в январе, в День снятия блокады, как всегда, собрались у мамы, он, взрослый седой мужчина, не выдержал и со слезами сказал маме: «Прости, мама, мне очень мучительно это признание. Я очень боялся, что ты можешь не принести нам хлеба или вообще не вернуться с работы. Я обманул тебя в блокаду, не сказав о мешке с сухарями, который подарили нам соседи». Вполне возможно, что именно эти сухари помогли нам выжить.

В июле 1942 года мама вместе с нами (двумя детьми) вынуждена была эвакуироваться из Ленинграда.

В это время, после суровой, голодной зимы, уже можно было жить, потому что все газоны, все сады Ленинграда были засеяны под огороды; была зелень, была крапива, вообще, кажется, не было растений и деревьев, листья которых непригодны были для еды.

Но мама была предельно истощена, мы тоже. Эвакуировали нас в Сталинградскую область, и кем только ни работала там моя бедная мамочка: и конюхом, пока все лошади не погибли от чесотки, и кладовщиком на нефтебазе, и в местной пекарне. Брат работал наравне с мамой, а я была предоставлена сама себе.

Помню, в избе, где мы жили, на плите стоял громадный, вмазанный в плиту котёл. Я забиралась туда, брала с собой кошку и грелась. От холода страдала ужасно, была рассеянной и очень странной девочкой. В шесть лет мама определила меня в школу, но из этого ничего путного не вышло, мне было неинтересно в школе. В детском саду ко мне относились внимательно, понимая мои странности, мою задумчивость, рассеянность, молчаливость. В школе я не вписывалась в общую атмосферу шума, гама, повышенной активности. Сразу после окончания войны папа приехал за нами прямо с фронта, и мы в товарном вагоне, с козой и кроликами, в полушубках и залатанных валенках, вернулись в наш любимый израненный город.

На месяц нас приютила мамина родная сестра тетя Груня. Она жила на Тележной, около Боткинской больницы. Тетя Груня была героической женщиной. Красивая, статная, черноволосая, с голубыми глазами и изящными, тонкими чертами лица. Мама рассказывала, что прабабка ее была замечательно красива, а Белоруссия тогда была «под Польшей». Так вот, отец моей мамы и тети Груни был незаконнорожденный от польского пана, красотой был в мать, а статью в отца-пана, который тоже был хорош, хоть и подлец.

Тетя Груня до войны влюбилась «без памяти» в красивого рослого парня, с фронта он не вернулся. От него осталось четверо детей – три дочери и один сын. Жила она в Ленинграде и, чтобы хоть как-то прокормить семью, работала проводником на железной дороге, в поездах дальнего следования. Узнав, что в Белоруссии, там, где родилась она и моя мать, случилась беда в семье их брата Ефима, тетя Груня (с правом на бесплатный билет) помчалась туда.

А случилось следующее. Ефим был командиром партизанского отряда. Когда немцы заняли деревню, кто-то из своих донёс на семью Ефима. Немцы ворвались в дом. Жена Ефима была больна, а сын, увидев немцев, спрятался в стог сена. Немцы привязали ее к кровати, сожгли дом и мать на глазах перепуганного десятилетнего мальчугана. Вскоре погиб и Ефим. Тетя Груня приехала, отыскала ребенка и забрала с собой.

Вырастила пятерых детей! Имела она ордена и медали, но никаких материальных благ. Доживала свои дни с дочерью далеко на Гражданке, в однокомнатной малюсенькой квартире, которую милостиво обменял им исполком. За две комнатки на Тележной, в самом центре города, но в коммуналке. Меня поражало мужество этой женщины и ее судьба!

Замуж она больше не вышла. Всю жизнь работала, растила детей, внуков, правнуков. Была непритязательна. Работа на железной дороге сделала ее несколько грубоватой, мужеподобной. Когда я стояла у картины И. Глазунова «За Ваше здоровье» — там изображен мужичок в старом штопаном ватнике с медалями, рядом с ним на пеньке, на газетке — огурчик, в руке у мужчины — стаканчик с водкой, и такое доброе, приятное и довольное лицо... вроде как он вполне счастлив этой жизнью и больше ничего ему не нужно,.....я мысленно видела свою тетю, с ее натруженными руками, грузной фигурой, милой доброй улыбкой и непременно со стопочкой водки. Никто из нас никогда не осуждал это ее пристрастие, она пила немного, но с каким-то особым удовольствием, как бы смакуя.

Приехав из эвакуации, у тети Груни мы очень быстро съели привезенную живность: ртов было много. И опять стало тяжело и голодно. Я постоянно мечтала, как о чуде, о белой булочке. И однажды солнечным ярким днем один военный, как волшебник, угадавший мое желание, вдруг окликнул меня. Я остановилась. Представьте себе тоненькую девочку с большими черными глазами, с коротко остриженными волосами, в застиранном, заштопанном платье, в туфлях с загнутыми носами (мне всегда брали обувь на два размера больше). Я смотрю на него и вижу только ее: белую, румяную булочку... Я совсем не помню ни возраста, ни лица этого человека, но булочку, подаренную мне, не забуду до конца своих дней.

Игрушек у меня не было. Меня опять определили в школу. Хорошо помню, как родители купили мне первую куклу. Она была большая и красивая, и мама, конечно, надеялась, что эта кукла будет украшением нашей убогой комнатухи.

От тети Груни мы переехали на улицу Решетникова, на первый этаж, в трехкомнатную квартиру. Наша комната была двенадцатиметровой, и было еще две семьи в квартире. В те годы никто не обращал внимания ни на какие заслуги. Папа — фронтовик — имел много наград, но льгот не было никаких, а наша комната на площади Льва Толстого была занята другими людьми. И таких, как мы, было большинство. Надо было все начинать сначала. Итак, о кукле... У куклы были роскошные белые волосы из пакли. А когда мы вернулись в Ленинград, нас, всех приезжих, пропустили через санобработку, которая проводилась тогда в больнице им. Боткина. Люди в белых халатах осмотрели нас с ног до головы

на вшивость, всю нашу одежду пропустили через дезкамеры (обработка горячим воздухом), а нас — через баню со специальным жидким дезинфицирующим мылом. На меня все это произвело очень сильное впечатление. Я как-то очень заужала людей в белых халатах и их борьбу за чистоту населения. Поэтому, получив куклу, я приняла решение и с нею проделать все то, что проделали со мной в больнице. К моему ужасу, когда я намочила ее волосы, они остались у меня в руках, а лысая голова куклы как-то сразу поблекла, потускнела. Вот, наверное, и все о детстве. Потому что в апреле 1947 года, когда мне было девять лет, родился мой младший братик, и мне суждено было стать его второй мамой. Мама и отец работали не покладая рук, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Ведь надо же было прокормить пятерых — троих детей и себя. Бабушек у нас не было, они давно умерли, поэтому мы, дети, должны были разделить заботы своих родителей. Старший брат возил младшего к маме на фабрику на кормление, затем уже распорядилась я: пеленки, распашонки и все прочее — до возвращения с работы мамы, а кроме того — школа. Училась я как попало, мама никогда не ходила ко мне в школу, потому что, несмотря ни на что, отстающей двоечницей я не была никогда. Я поражала педагогов своей задумчивостью. После окончания третьего класса, при переводе в четвертый, классный руководитель, в будущем — заслуженный учитель РСФСР Екатерина Матвеевна Калинина, так напишет в моей характеристике: «Девочка постоянно о чем-то думает и при вызове к доске говорит медленно, как будто подбирая слова, и, в большинстве своем, говорит правильно». Научившись читать, с книгой я не расставалась. Тихонько пробравшись ночью на кухню, я читала. И так до тех пор, пока меня не застала на кухне соседка и не устроила скандал родителям по поводу оплаты электричества. Как тут не вспомнить Горького? Кстати, тогда он был любимым моим писателем. Его яркая, полная приключений жизнь давала мне основания надеяться, что и я смогу многого добиться в жизни. Мне нравились гордые, непокорные героини его рассказов. Лойко Забар, Радда, Нунча, Челкаш, старуха Изергиль... Мне до сих пор кажется, что самое большое влияние на мою жизнь оказал именно Горький.

Правда, был популярен и Николай Островский, но у него я училась не фанатизму, который не очень-то понимала, но мужеству — это точно! В третьем или четвертом классе мы учили стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий». И вот меня вызывают к доске. И, без запинки, задумчиво и задушевно прочтя это стихотворение, я спрашиваю учительницу: «А еще можно?» И без остановки, до самого звонка, я читаю Лермонтова:

У врат обители святой
Стоял — просящий подаюня
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Отвергнуты навек тобою...

А дальше: «Люблю тебя, булатный мой кинжал...», «Мы пьем из чаши бытия...» и много еще.

Помню изумленный взгляд учительницы. Она поражена не моей памятью, а моим «репертуаром».

Отнятое войной детство и появление маленького братика лишило меня, прежде всего, внимания и ласки родителей. Воспитывали меня очень строго, часто наказывали, спрашивая за все, как со взрослого человека, а моя медлительность и задумчивость чаще расценивались как тупость, лень и упрямство.

Уже в детстве я пишу втайне от всех дневник, которому доверяю все свои чувства и переживания. Была у меня еще одна отдушина — патефон. Несмотря на нашу трудную, бедную жизнь, мои родители умудрялись приобретать пластинки, и в нашей маленькой комнатухе нередко звучала музыка, бывали гости. Я бесконечно благодарна маме за ее искусство жить без стонов, зависти и причитаний. Мама умела одной пачкойпельменей накормить всю семью. В большой кастрюле готовился суп с картофелем и морковью; за 5-10 минут до окончания варки туда засыпалась пачкапельменей — и готово! Мы всегда были готовы приютить и накормить очередного гостя, К нам приезжали какие-то дальние родственники и случайные знакомые со всех уголков нашей, тогда еще большой и дружкой страны. Из деревни, как правило, привозили лук и сало. Сало тушилось до шкварок, и этим заливалась большая кастрюля отварного картофеля — мясо было не по карману. К картошке подавалась кислая капуста или соленые кильки. Мама еще умудрялась к большим праздникам посылать в деревню посылки с сушками, баранками и конфетами-подушечками к чаю. Посылалась и наша старая одежда — заштопанная, но чистая, хорошо отглаженная. В деревне тоже было несладко.

Так вот, патефон был моей гордостью. Я ставила его на подоконник,

открывала окна — и наша улица оглашалась музыкой, которую я не забуду никогда. В те времена очень популярна и любима была оперетта. Я кружилась по комнате со шваброй и тряпкой и весело напевала:

Чертову дюжину детишек
Растила дома матушка моя.
Ровно шесть девчонок,
Ровно шесть мальчишек,
И один чертенок - это я!..

Затем:

Сады цветут зеленые,
А в них идут влюбленные.
Идут, глядят на белый свет,
А нам до них и дела нет...

Или убивалась в истоме с Изабеллой Юрьевой:

У этого парнишки на пиджаке медаль.
От этого парнишки пришла моя печаль...

Тут были и Утесов с «Лунной рапсодией», и «Вальс цветов», и «Брызги шампанского»... Ах, какие это были мелодии!

А потом ворвался в нашу жизнь «Мишка2. И понеслось из каждой квартиры:

Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
Полная задора и огня.
Самая нелепая ошибка —
То, что ты уходишь от меня...

Я выросла, медлительность уступала место стремительности. Я научилась танцевать, кататься на коньках, лыжах.

Мы переехали на Московский проспект и теперь жили опять же в коммунальной четырехкомнатной квартире, но наша комната была самой большой — 21 квадратный метр. Нас было пятеро, и у нас почти всегда кто-нибудь еще обитал, так что половина домочадцев спала на полу. Однажды в электричке я познакомилась с женщиной-казашкой, она посетовала, что ей негде переночевать, и я привезла её к нам домой. Мама, конечно, была удивлена и даже испугана, но женщину мы все-таки приютили...

Здесь, на Московском проспекте, прошла моя юность. В парке Победы каждый день летом были танцы, и я мчалась туда каждый вечер, позабыв обо всем на свете. Вход в парк и на танцплощадку был свободный и никаких денег не требовалось. Я надевала платье из маркизета, сшитое моей мамочкой, на лестнице затягивала на пришитые мной тайно крючки широкий пояс на талии и во всем великолепии мчалась к музыке: «Пусть белеют левкой в голубом хрустале...»

Танцевала я самозабвенно и бальные, и классические танцы. И мне было все равно, с кем танцевать, только бы танцевать. Зимой я также любила каток, потому что там тоже звучала музыка:

Вился первый вечерний снежок,
Я робел, заходя за тобой.
И искрился огнями каток
И сияющий лед голубой.
... Но туда, где искрятся огни,
Ты с другим убегала вперед.
Догони, догони.
Только сердце ревниво замрет...

Предварительно проползав на четвереньках весь большой каток в ЦПКиО (там меня никто не мог увидеть из знакомых), в парке Победы, на «своем катке», я чувствовала себя великолепно, как будто бы родилась на коньках!

Из тихого «гадкого утенка» я превратилась в хорошенькую девушку с длинной густой косой, большеглазую, слегка курносую, с «осиной» талией и высокой грудью (как у Гурченко в «Карнавальная ночь»). Родители мои потеряли покой, боясь, как бы я не наделала глупостей.

Окончив 8 классов и успешно завалив экзамены в ближайший от дома техникум авиаприборостроения, я вспомнила о людях в белых халатах и, решив, что именно это мне и нужно, поступила в медицинское училище. Училась здесь я легко, не было предмета, который был бы для меня трудным, хотя не все предметы были любимы. Например, я не любила биологию. В это время у меня было много поклонников, и некоторое головокружение от этих успехов, естественно, отвлекало меня от серьезного отношения к занятиям.

Я была старостой группы. Наверное, моя начитанность сделала меня очень общительной, веселой, коммуникабельной девушкой. У меня было единственное черное платье с белой окантовкой по воротнику, в котором я ходила и на занятия, и на вечера, проводимые в училище. Девочки считали, что мое платье счастливое, потому что я никогда не стояла у

стенки, меня все время приглашали танцевать, и я танцевала без усталости. Никому не приходило в голову, что это платье у меня — единственное... А зимнее пальто и осеннее у нас с мамой было на двоих: когда я надевала зимнее, она шла на работу в осеннем, и наоборот. Вспоминая эти годы, я вижу свою мамочку: сероглазую, маленького роста, худенькую, одного размера со мной, подростком 15 лет.

Родители как-то выиграли по облигации не помню сколько, но очень большие по тем временам деньги. Как много у них было в это время разнообразных нужд (в одежде, обуви, белье, мебели и т.д.), а купили они на эти деньги первый телевизор (1-й выпуск) — КВН с малюсеньким экраном и громоздкой линзой, заполняемой дистиллированной водой.

И вот каждый вечер все соседи у нас, и мы, не отрываясь, смотрим в это первое, новое окошко в мир!

А ведь отец мой и мама имели начальное образование, несколько классов сельской школы... А сколько мудрости, духовности и человечности было в них, и как благодарна я им за подаренное мне умение любить и ценить жизнь!

Для чего я решила написать для вас мою исповедь? Заранее знаю, что мои советы вряд ли используются вами, у вас свой путь в жизни. Он освещен вашим временем, вашей судьбой. Просто я очень хочу, чтобы в минуты отчаяния вы вспоминали и о жизни нашего поколения, и чтобы вам при этом, становилось легче. Есть одно изречение: «Поднимаясь в гору, имей мужество пройти по обрывистой тропе. Идя по снегу, имей мужество пройти по скользкому мосту» (из «Афоризмов старого Китая»).

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАРЛСОНА

Курортный город жил своей обычной жизнью... Резвые пенсионеры пели в хоре, читали свои стихи в поэтическом объединении, объединении краеведов при местной библиотеке. Регулярные выставки народных художников, флористов, мастеров фотографии, кинолекторий забытых музыкальных лет...

Все это добавляло очарования природному ландшафту и мирно жителей города с громадными новостройками, многоэтажками из стекла и бетона, с коттеджами, закрытыми от посторонних глаз высоченными заборами, и постепенно исчезающей прелестью прошлого дачного курорта. Но однажды на просмотре очередной ленты забытого кино перед изум-

ленной седовласой и степенной публикой вдруг появился весьма упитанный, слегка причесанный, но полный неизъяснимого очарования и веселья посетитель. Громко приветствуя всех, он внёс некоторое оживление в женское общество и пробудил явный интерес к своей персоне.

Для просмотра в этот вечер публике был показан замечательный фильм с участием актрисы и девицы Дины Дурбин «Сестра его дворецкого». Все замерли. Фильм начался. И вот в сцене, где героини фильма собрались в ресторане, вокруг торта, наш незнакомец вдруг радостно, по детски закричал, что он тоже очень любит сладкое, особенно варенье... Рядом сидящая с ним дама возмущенно прошептала ему, что он ведет себя неприлично, всем мешает. Незнакомец притих и до конца фильма сидел молча. Потом вскочил и радостно прокричал о том, как ему все здесь понравилось. Какие здесь все милые, красивые дамы! И решительно заявил, что хочет со всеми дружить. Раньше, заявил он, я дружил с детьми, и им всегда было весело... Но теперь состарился и дети перестали, его замечать. Но он мог бы веселить всех собравшихся здесь... И даже пожить на чьей-нибудь крыше.

И тут одна дама воскликнула:

— Надо же! Ведь это сам Карлсон, который живет на крыше!

Вторая дама, менее романтичная, сказала:

— Теперь понятно, почему он такой невоспитанный. Правильно, дети сейчас другие и ваши примитивные шутки их не веселят... Но это не значит, что они нам придутся по душе, ведь мы - не дети. Мы — умудренные жизненным опытом люди, а Ваша бесцеремонность, кроме раздражения, ничего у нас вызвать не может.

Возникла пауза.

— Как, — грустно сказал Карлсон, — вы не хотите даже ответить улыбкой на улыбку? Вы не хотите подружиться со мной?..

Но тут из задних рядов зала выскочила маленькая седовласая женщина и звонко, почти по-детски прокричала:

— Не уходи, Карлсон, пожалуйста. Я еще помню, как в детстве ты помогал мне. Я хотела убежать из дома, но ты не позволил. Ты помогал мне жить весело и чувствовать себя счастливой и ничего и никого не бояться. Карлсон, хочешь жить у меня на крыше и вместе со мной радоваться восходу и закату солнца, читать книжки и смеяться над каждым пустяком? Ведь так жить легче, правда?..

Но тут зашумели все остальные дамы и даже та, которая делала ему замечание...

— Ну, знаете ли милая, так нельзя. Вы будете с Карлсоном радоваться жизни и веселиться... А мы!?

— Господин Карлсон, — закричали наперебой все дамы, не уходите, будьте с нами, мы хотим с Вами дружить!

— Да! — вздохнула строгая дама. — Ведь, если вспомнить, всем нам он помогал жить. Сейчас дети другие. У них свое время, своя жизнь...А компьютер и телевизор нередко мешают их общению с нами. Простите меня, Карлсон, и оставайтесь с нами. Но не обижайтесь, если мы будем иногда учить Вас хорошим манерам. Мы же и вареньем будем Вас кормить... Верно же, дамы?

И все благодарно зашумели, как пчелки в улье. Говорят, что эта история невыдуманная. Что Карлсон действительно живет где-то на крыше в этом городке и по-прежнему учит и взрослых, и детей радоваться жизни.

ПАМЯТИ ВАДИМА СОЛОВЬЕВА, журналиста, Главного редактора газеты «В КУРОРТНОМ ГОРОДЕ С.»

Он возглавлял курортную газету
И книги издавал о Сестрорецке,
Как космонавт осваивал планету,
Писал, как Чехов
о местечке «Энске».

Почти придумав чеховское имя,
(Кто ж знал, что «ЭС»
не только Сестрорецк)
Что здесь в курорте Соловьев,
как бы незримо
Прославит край,
как Чехов город «Энск».

Что будет он глаголом жечь сердца
Пером избличая лживость,
хитрость, грязь,
Что много лет он в качестве истца
Как Дон Кихот пройдёт,
сражений не боясь.

И пусть в его газете было мало
Приятных поэтических статей

Но обществу газета помогала
Изобличать пронырливых людей.

И главное! В людей вселяла веру
Что справедливость в этом мире есть!
Что и терпение имеет меру
Коль нарушаются права,
закон и честь!

Отметила пятнадцать лет газета
Я не была на этом юбилее
Но с Соловьевым я —
с одной планеты
И о потере очень сожалею.

Ушёл из жизни яркий журналист
Как Данко нёс своё он сердце людям
Он перед совестью своей
всегда был чист
И память светлую о нём
мы не забудем!

Валерия МОРОЗОВА

* * *

* * *

Шорох пугает
пару левреток,
голых и робких.
Память слагает
многие лета
в шляпной коробке.

Вехи, этапы,
письма из папок...
Скок — с табуреток
ломкие лапы;
памяти папы —
держим левреток.

Время разнимет
прутья корзины
с треском сухого.
Многие зимы
невыразимы
белым стихом.

* * *

Курить не смей,
но смеяться-каркать;
по тайне метят
дикарь, дикарка.
Ночь — подкожно.
...дочь сквозь космы
смотрит так сложно,
будто из космоса.

Июлем кипучим
объединены,
все дюны — сыпучи,
все дачи — сданы.

К полуночи сами,
под крыльями тьмы,
под соснами снами
меняемся мы.

Мы по малолетству
сбываем сполна
теорию детства
за практику сна.

Мы спим и не слышим:
к коленям, к вискам
стекаются свьше
потоки песка.

Безумные, рыщут
и ищут тела
сосны корневища —
что лапы орла.

Артерий покорней,
сколь ствол ни высок,
артерии-корни
питают песок.

...Мы спим и не верим
в песочное время.

БЕРЕГА

* * *

Пройдут, как тела ощутимые,
все яхты и все корабли.
Останется неуловимое
неясно маячить вдали.

Не парус, не пар, не отсвеченный
от облака солнечный блик —
там прежде никем не замеченный
изменчивый контур земли!

И, с мыса на мол перебежчица,
я стану смещать полюса,
покуда он будет мерещиться
и мучить, как все чудеса.

Охваченная снами синими,
продолжу желать эту жизнь,
пока некий берег-без-имени
нечётко. И недостижим.

В глазах наработанный навык;
по книжным развалам плыву,
где книг угловатые главы
порой врассыпную живут.

Я в букинистический шорох
шепчу этим птицам: вы где,
страничные крылья которых
легко поднимают людей?

Все стопки подвергнуты сдвигу.
Над ними я маг и вещун:
Ищите поющую книгу!
Я тоже такую ищу.

Держу, как птенца, только что же
у книги молчит переплёт?
В руках, на мои непохожих,
быть может, она запоёт...

ВЕЧЕР

* * *

Кипит
ужин. И лампы включены.
Шипит
диск, до конца прокрученный.

На дверь —
тень головы ноющей.
На две
порции тушим овощи.

Терпи,
эта мигрень настойчива.
Скрипит
пол от шагов и прочего.

Блокнот.
Чай. Шелуха от семечек.
...Окно —
чёрный квадрат Малевича.

Лицо не прячьте в воротник
и в разворот газет;
есть Книги Лиц. Для этих Книг
стандартов строгих нет.

За Книгой можно не следить;
бросая в сто костров —
её не сжечь, не сократить,
не позабыть в метро.

Есть Книги Лиц — и их двойник:
за мелкой рябью глав
я различаю Лица Книг —
а раньше не могла!

В библиотечной маете
слежу через столы:
на Книги Лиц ложится тень,
а Лики Книг — светлы.

* * *

Годы копят в комоды
всё, что мимо течёт;
бытие происходит —
и встаёт на учёт.

Память пальцем педанта
тычет — только следы —
что вещать фолиантам
и тетрадам твердить.

Тело занято чем-то,
но вибрирует нить:
сохранить документы!
дневники сохранить!

Всё запомню, до мига.
Не уйду належке.
Я — без малого — книга
на своём языке.

* * *

Февраль метёт из-за угла
в болезненные сны.
По обе стороны стекла —
миры из белизны.

А хоть бы йодом, например,
поверх душевных ран
ре-аниме, ре-аниме
рисуйте, доктора!

Малюйте мимику на мне,
изгибы рук и ног.
Я стану с вами наравне,
психо-пато-лог!

Под прессом мраморной совы —
мой сонм шизофрений.
...я предпочла бы падать ввысь.
Но я упала вниз.

ФИЛОСОФИЯ-ЛАЙТ N...

Собор начинается
с мокрых ступеней,
со смутного чувства стилета в спине,
когда, не склоняя под верой колени,
я шла как всегда,
получалось — по ней.

Смотри! Я пришла без ножей
и без ружей,
есть я у себя; если можешь —
смотри:
я бью эту жертву о камень снаружи,
боясь этой хлынувшей
крови внутри.

Час грянет —
лететь крестовинам под ноги,
а золоту —
течь с позолоченных лбов, —
и все оттого, что доходит до многих
без мягкого знака —
что бог ЕСТЬ любовь.

ОХОТНИЧЬЕ N...

В горестях зимних заря розовой,
ей между ёлок — особый отсек.
Если я знаю, что волк — это зверь,
это не значит, что я — человек.

Беды слагают в валы каждый снег,
волк между ног серый хвост уронил.
Я не хочу так же выть о весне,
даже уметь умирать, как они.

В центре недельных
залесных седьмин,
нас, забивающихся за печь,
зверь в торжестве нарекает людьми,
прежде, чем шкурой на белое лечь.

СОСЕДКА

Информация — вне квартиры,
информация мчится мимо.
Старость соседки и старость мира —
не подобны и не сравнимы.

С палочкой до магазина.
Купит костей на студень.
Простое — невыразимо.
Несбыточного — не будет.

Снег под ногой гнусавит.
Звук — это тоже время.
Соседка палочкой точки ставит,
мир низводя к системе.

ПОЖАР

Собака металась,
впиваясь глазами в мои,
впиваясь зубами в матрас —
во спасенье двоих.

Из нашей берлоги,
где дым, просочившись, завис,
нам слышались крики и ноги,
бегущие вниз.

Я сделала всё, что могла —
ну а что я могла?
Я встала, открыла все окна
и снова легла.

Огонь разживался.
В передней у двери пластом
Собака кричала сначала,
молчала потом.

Я слышала ужас сирен,
их панический вой

с проулка внизу;
а казалось, что над головой.

Я сделала всё, что могла.
Только что я могла?
Я встала. Дошла до Собаки.
И рядом легла.

* * *

И ливень лил; не целясь, бил
по каждой точке на земле.
три астры каплями белил
дрожали в вазе, обомлев.

Вода накапливалась впрок
в саду по ёмкостям любым.
заглохли склоки трёх сорок,
и в мире только ливень был.

Ни клумб, ни лунок межевых —
лишь ливень. Каплями дробя,
он что-то прятал от живых,
а может, даже от себя.

* * *

Что-то не так.
Что-то не так!
Воздух в тревоге
Вороньих атак.

Это не так, что, мол, было — и нет,
Что-то случается в этот момент!

Соприкасаются с лязгом секир
Внешние силы — и внутренний мир.

Крикнула с крыши: что-то не так!
Город? Откликнулся парой зевак...

ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ СЕРГЕЯ МОСИНА

Есть истории, скрытые от нашего внимания, а между тем, благодаря своей необычности, они несколько по иному позволяют посмотреть на минувшие события и на людей давнего времени. Немногие, например, знают о настоящей любовной драме Сергея Ивановича Мосина, нашего великого оружейника. Весьма подробно история любви Сергея Мосина и Варвары Арсеньевой — невестки тульского помещика, бывшей замужем за его отпрыском Николаем Владимировичем, описана в книге Гавриила Чуднова «Конструктор С.И. Мосин», мне же историю поведала мой соавтор и верный спутник по издательской деятельности Яна Храпцова.

Ко времени знакомства с будущим оружейником Варвара Николаевна (между прочим, племянница писателя Ивана Тургенева) было обременена двумя детьми, именно обременена — муж, повеса и ловелас, большую часть времени проводил в Москве и Петербурге, оставляя надолго свою супругу, чем выражал полное равнодушие к ее судьбе. Варвара вела тихий, домашний образ жизни, ничто не предвещало бурных потрясений. И тут приехал в поместье, где служил Иван Игнатьевич, отец Мосина, его сын. Отец был уже слаб, Сергей Иванович просто приехал проведать его, помочь, а здесь... Шел 1875 год.

Здесь-то и влюбился двадцатилетний штабс-капитан артиллерийских войск в замужнюю Варвару Николаевну. Да так, что все на свете и позабыл. С грустью в сердце приезжал он в поместье каждое лето, безнадежно любя Варю, но та не отвечала на знаки внимания. Ну, никак — таковы нравы! А Варенька, его любимая недоступная Варенька, родила уж и третьего сына.

Однажды случилось то, что и должно было случиться: небеса сжалились над несчастным влюбленным — Варвара ответила взаимностью. Смущаясь и краснея, задыхаясь от ужаса и счастья, он выпалил: «Я вас люблю!».

«Варвара Николаевна запылала маковым цветом и, шепнув едва слышно слова прощания, почти побежала по аллее» — автор.

...Пути Господни неисповедимы, может быть, именно в этот момент впервые и пришла штабс-капитану в голову шальная идея придумать

трехлинейную винтовку – уж очень быстро Варвара бежала... Нужна скорострельная!..

Между тем, как это часто бывает, доброжелатели стуканули мужу на супругу, и между ним и Мосиным состоялся мужской разговор. Муженек нелицеприятно отозвался о женушке и Сергей Иванович вызвал его на дуэль. Муж вызов принял, но зачем-то накатав телегу заводскому (дело было в Туле) начальству и влюбленного штаб-капитана отправили на трое суток под домашний арест.

...Случившееся было еще одним толчком для скорейшего создания винтовки нового образца...

Сергей Иванович Мосин был человеком хоть и молодым, но весьма и весьма упорным – он таки нашел способ еще раз поссориться с Арсеньевым, на этот раз в Дворянском собрании в присутствии множества свидетелей. И получил еще по одной жалобе негодующего супруга пару недель домашнего ареста.

...Представляете, с каким упорством и удесятеренной активностью Мосин, будучи взаперти, продолжал тачать винтовку-трехлинейку в своей талантливой голове!..

Прошло еще четыре года любовных мытарств, и штабс-капитан предъявил-таки жалобщику супругу просьбу о расторжении им брака с Варварой Николаевной.

– 50 тысяч рублей и забирай!

Супруг оказался не только жалобщиком, но, по всем признакам, еще и сутенером!

Эх, нравы! А как на наше-то время похоже! Тик-так.

Обескураженный бешеной суммой выкупа конструктор опечалился, скрежетал зубами, и на долгих восемь лет погрузился точать великую винтовку, которая в 1891 году, наконец-то!, и принесла ему искомую прибыль.

Мосин всучил в зубы супругу-сутенеру испрашиваемые им деньги, забрал Варвару Николаевну и привез ее в Сестрорецк вместе с тремя детьми, где познал славу и семейное счастье, через шестнадцать лет после знакомства!

В 1894 году уже в звании полковника Сергей Иванович Мосин был назначен исполняющим делами начальника Сестрорецкого оружейного завода, а в январе 1902 года простудился и умер. Рядом с домом, где он

жил, поставлен памятник славному оружейнику, на его открытие приезжал великий Калашников, я в тот день сумел сделать его фотографию.

Про трехлинейку образца 1891 года, конечно, шутка, но соединились ли бы два любящих сердца навеки, если бы не изобретение трехлинейкой винтовки? И был бы счастлив тогда достопочтенный Сергей Иванович?

Еще тот вопрос.

ТАЙНА ИВАНА ШИШКИНА

Есть такой в Сестрорецке учитель – Александр Ильин. Он любит писать заметки в газеты, но только если найдет какой-нибудь факт необычный, исторический. Иногда в поисках догадок и предположений он доходит до ситуаций откровенно абсурдных, но чаще все же привносит в культурную лакуну города неожиданный, но вкусный кусочек.

Среди прочих достоинств родной истории, таких как потаенная бочка Ефима Никонова, мы как-то забываем, что и игровое кино родилось в России именно на озере Разлив.

... первое рукотворное на всем земном шаре ...подводный деревянный крестьянский крейсер ...шалаш и пенек-кабинет на берегу озера ...и первое игровое кино...

Вряд ли об этом факте вспомнили, если бы не столетие российского кинематографа в 2008 году.

Экранизация казацкой песни «Из-за острова на стрежень» режиссера Александра Ромашкова происходила именно на водах нашего озера, которое в тот исторический день преобразилось в широкую реку Волгу, а берега, густо заросшие могучими соснами, определяют более точное место действия: это линия где-то между Разливом и Тарховкой. Фильм назвали «Понизовская вольница», он хранится в Госфильмофонде на Сиреневом бульваре в Москве.

Описание фильма (фильмы):

«Он состоял из шести немых картин, снятых в жанре де-арт: ряженая массовка, клееные бороды, прелестная чернобровая княжна в ниспадающих шелковых одеждах, богатырь-атаман с золотыми перстнями на правой руке и булавой в левой, лихая братва. Для усиления устрашающего эффекта, бороды и прически были распущены и частично опалены. Съемки проходили с одной точки».

Роль Стеньки Разина исполнил артист Евгений Петров-Крачевский,

массовку заполнили артисты Петербургского народного дома (это нынешний Мюзик-холл). Премьера фильма прошла 20 октября 1908 года в кинотеатре «Колизей». Десять минут, двести метров киноплёнки.

Вот такие исторические заметки украсят любое издание!

И тут же, опять Ильин. Он рассказывает, почему Иван Шишкин писал картины в Дубках («Дубки под Сестрорецком», «Дубовая роща» и т.д.). В 1856 году студент первого курса Академии художеств Ваня Шишкин проходил летнюю практику в Лисьем Носу. Ему 24 года и, дело молодое, — в Сестрорецке познакомился с рыжеволосой бестией, влюбился без памяти и много времени проводил с ней в парке Дубки, гуляя по серебряному побережью и солнечным аллеям. И вернулся на учебу Шишкин позже других — в октябре.

Но вышла молодая кокетка замуж за оружейника, Иван уехал в Швейцарию, и лишь лет двадцать спустя побывал в Сестрорецке вновь, и снова бродил он по аллеям прекрасного тенистого парка, вспоминал свою зеленоглазую красавицу. «Дубовая роща» написана в 1887 году.

Имя красавицы неизвестно, но то, что Шишкин писал дубковскую рощу благодаря ней, даже через тридцать лет после романа влюбленных, не следует сомневаться.

СУДЬБА «МУЗЕЯ» ЗОЩЕНКО

Самый замечательный рассказ (или, скорее, эссе) о Зощенке я прочитал у своего друга — всеволожского поэта Николая Тамби (Берлева). Он как-то попросился приехать в Сестрорецк с одной единственной целью: чтобы я показал ему могилу Михаила Зощенко. Я попросил об ответной услуге — написать для «Здравницы» свои впечатления.

Конечно, я рассказал, как оскверняют память о большом прозаике местные недоумки. Как они украли «на цветмет» со стены библиотеки Зощенко барельеф с его изображением, как чуть ли не в первую ночь после установки скромного памятника на могиле писателя срезали голову, полагая, что она сделана из бронзы. Но тогда где-то демонстрировался и макет домика Зощенко с улицы Полевой, уже к тому времени сгоревший...

(Что касается сегодняшнего памятника на могиле — он появился осенью 1994 года, в день закрытия Петербургского фестиваля сатиры и юмора «Золотой Остап». Тогда было два события: на Фонтанке праздновал свой первый день рождения чугунный Чижик-Пыжик, злоклучения

которого после регулярных похищений становились достоянием всей общественности, а второе, куда более значимое: открытие памятника на сестрорецком кладбище. Приехали Михаил Жванецкий, Эльдар Рязанов и главный сатирик города Анатолий Собчак).

Коля написал великолепное эссе, всего на одну газетную полосу, но было не оторваться! Искрометный юмор, помноженный на искреннюю грусть, все было в статье о том, как хранят (или не хранят) память о большом писателе в Сестрорецке.

Я принес десятистраничную рукопись, напечатанную на машинке, редактору Морику. Она ему очень понравилась, но сразу он ее не напечатал, зачем-то откладывая на потом. А потом она пропала.

— Не восстановить, — сокрушался потом огорченный Николай. — Некоторые вещи пишутся на одном дыхании, не восстанавливаются. И рукописи горят.

После смерти Николая в доме его жены Тани спрашивал, сохранились ли какие наброски. Увы. Сохранилось кое-что из воспоминаний о Николае Рубцове, с ним Тамби общался много.

Я к тому, что есть невозвратимые, невозвратные вещи.

На выставке, посвященной 275-летию Инструментального завода, я познакомился с Ниной Пантелеймоновной Марецкой. Замечательная, сразу же расположившая к себе женщина, она долго водила меня по заводскому музею, от экспоната к экспонату. Пока не остановилась и не показала мне пиджак Зоценко. Его долго хранил бывший директор завода Михаил Иванович Васильев, он Зоценко хорошо знал, бывал у него дома на Полевой.

И мы разговорились о писателе. Нина Пантелеймоновна настолько увлекла меня своим рассказом, что не хотелось останавливаться, потом я сделал большое с ней интервью. Она знала жену Михаила Михайловича Веру Владимировну, навещала вдову писателя, изучала его творчество и судьбу. Творчество Зоценко очень интересовало и сестрорецкого писателя Сергея Николаевича Казимировского. Я вспоминаю потому, что они рассказывали о своей мечте сделать из дома Зоценко на улице Полевой, 14-а музей писателя, культурный центр. И после того как дом сгорел

(несчастье произошло 14 сентября 1991 года), вопрос о музее встал еще острее. Единственным законным наследником дома был внук писателя Михаил Валерьевич Зоценко.

Чтобы привлечь внимание к теме, я даже сфотографировался с зажженной сигаретой на останках дома, ее напечатали некоторые петербургские газеты. Версия пожара даже не обсуждалась: известно, что в заброшенном доме, в котором внук писателя бывал редко, все время терлись подростки и ночевали бомжи. Приезжая на дачу, Михаил Валерьевич

евич находил одну и ту же картину: выбитые стекла, груды окурков и пустых бутылок. Дом окончательно осиротел и запустел после смерти жены писателя в 1981 году. Да и о пожаре он узнал несколько дней спустя, его еле нашли.

Тогда очень громко стали раздаваться голоса писательской и иной общестственности: восстановить дом, сделать в нем музей. Витала идея и о создании квартиры-музея на канале Грибоедова в Ленинграде, в доме №9, квартира 119. Готовность выкупить дом под музей у законного наследника выражал и сестрорецкий исполком – редкий случай. Давали тысячу рублей. На эту тему я и позвонил Михаилу Валерьевичу. Он сказал, что готов продать дом под музей, при условии, что будет его хранителем до конца дней своих.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Внук писателя упрекнул меня, что именно из-за моих статей в «Здравнице» и поднялся такой шум. На самом деле, Литфонд предложил под музей зощенковскую квартиру на Грибоедова. Этому предшествовала долгая борьба, дабы после смерти Веры Владимировны квартира никуда не уплыла, ведь она числилась литфондовской и на нее уже претендовали писатели со сморзовыми ордерами на руках. Вмешались Георгий Марков и Михаил Дудин. Тогда Литфонд выставил условие: квартиру на Грибоедова оставим под музей сделаем мемориальной, если Михаил Валерьевич продаст дом и землю вокруг под писательские коттеджи. На том и сошлись. Только вот денег у Литфонда не оказалось, и тогда внук писателя продал дом некому НПО «Айсберг», опять же, при условии, которое и вынуждена была принять администрация района – дать НПО возможность построить рядом культурно-оздоровительный комплекс для сотрудников. Все дело закончилось тем, что через пять лет дом и территорию выкупил некто С.Н., человек весьма авторитетный в определенных кругах.

– Кто-то интересуется домом? – спросил я С.Н., сидя с ним за чашкой кофе.

– Уже нет. А так лет десять назад позвонили, ворота открываю - пионеры стоят, с вожатой, галдят. Мы хотим табличку повесить, говорят, на память. Больше не ходят.

– От дома-то что осталось?

– Двенадцать больших камней фундамента и больше ничего.

– Вы хоть не отказывайте, кто придет, спросит. Все-таки место историческое.

– Конечно. Я там и живу.

На очень привлекательной и постоянно действующей выставке о Михаиле Зощенко в библиотеке его имени (весь коллектив Людмилы Минаевой, который и собрал выставку уникальных экспонатов, заслуживает

самых добрых слов!) сегодня и пиджак писателя, и чудом сохранившийся железный номер сгоревшей дачи. У библиотеки великолепный памятник писателю, хорошо изваяние и на могиле, за ней ухаживают.

А эссе Коли Тамби так и звучит в памяти, как предупреждающий колокольный звон. Друг мой Коля Тамби умер, умер и внук писателя Михаил Валерьевич.

Казалось бы, несчастья закончились.

Ан нет... Много лет спустя, к хранильнице очень многих личных вещей Зоценко писательнице Зое Томашевской, человеку очень старому (а муж, литератор Борис Томашевский, к тому времени умер), приехали люди из Смольного, и положили перед старушкой три миллиона рублей за раритеты. Обрадовалась старушка — великие деньги!

Правда, вот на такое благородное дело Комитету по культуре выделили чуточку больше средств — двадцать два миллиона.

Николай РУДЫКО

БАЛЛАДА

Где пустые аллеи ночные
Продувают морские ветра
И дубы шелестят вековые
Говорят, бродит призрак Петра.

Он по парку задумчиво бродит,
Ищет милый Дубковский дворец
Но в заброшенных кущах находит
Лишь развалин убогий венец.

И над грудой камней забытых
Он печально и долго стоит,
Вспоминая о днях здесь прожитых
И кому-то рукою грозит.

А потом он к заливу шагает
И бесшумно плывет над волной
К Петрограду, где в небе сияет
Петропавловский шпиль под луной.

ЯНВАРСКИЙ ДЕНЬ

День солнечный морозный,
а в комнате тепло.
В узорах южных листьев
оконное стекло.
Поля, леса, дороги —
все снегом замело,
И синий дым струится
над низеньким селом.

На солнце снег искрится,
до слез глаза слепит,
Под пышной снежной шубой
земля до лета спит.

Пруды, озера, реки
покрыты хрусталем,
Там детвора резвится
морозным ясным днем.

Вот ворон сел на ветку,
и вздрогнула сосна,
И покатила сверху
алмазная волна.

Раскрашена береза
семейством снегирей.
Что может быть прекрасней
морозных январей!

БЛАГОДАРЕНИЕ БОГУ

Благодарю Тебя, Господь,
Что дал на свет мне появиться.
Благодарю Тебя, Господь,
За счастье жить, любить, трудиться!
Благодарю за небеса,
Что надо мной в сиянье дивном.
Благодарю за чудеса,
Что Ты нам даришь непрерывно.
Благодарю Тебя за то,
Что Ты молитвы наши слышишь.
За все, что в небе, на земле
Летает, плавает и дышит.
Благодарю Тебя, Господь,
За лес, луга, моря и реки.
Да будет все, что Ты создал,
Сохранено людьми навеки.
Благодарю, что Ты за нас
Пошел на крест, на боль и муки.
И что благословили нас
Твои израненные руки.

Лидия СЕЛЯГИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я открываю сундучок своих воспоминаний, то из него, расталкивая друг друга, выпрыгивают, как маленькие гномики, мои маленькие рассказы, выстраиваются в очередь и умоляют меня побыстрее записать их.

На дне души у каждого, дружок,
Беда лежит, что тронуть невозможно.
В душе у нас есть тайный сундучок —
Туда мы горечь прячем осторожно.
Ах, потерять бы ключ от сундучка...
Но так бывает лишь у дурачка.

В этой жизни надо уметь принять не только победу, но и поражение. И осознав его, жить дальше, не боясь завтрашнего дня. Мир не так уж страшен, если сам ты не потеряешь свет в своей душе, если не будешь осуждать обидчика, а постараться понять причину, которая вызвала его действия.

ДЕТСТВО

Откуда взялась и как выжила Ирешка

Ну, взялась понятно откуда — откуда все дети берутся.

Тут всё дело в том, где и когда это было. А было это в Ленинграде, в одной из комнат большой коммунальной квартиры №35 дома №29 на 6-й линии Васильевского острова в августе 1941 года. Война шла уже третий месяц, до полного замыкания блокадного кольца вокруг Ленинграда оставались считанные дни.

На руках у матери, кроме Иришки, то есть меня, была ещё одна дочка трёх лет. Отец был на фронте. И не было бы этой книги, потому что не выжить было бы самой Иришке, её маме и сестрёнке, если бы...

ЭВАКУАЦИЯ

27 июля 1942 года из блокадного Ленинграда эвакуировалась Иринкина мать. Почерневшая и высохшая, похожая на старушку в свои двадцать пять лет, она держала на коленях малышку. К ней прижималась ещё одна девочка трёх лет.

Матросы помогали эвакуируемым выходить на берег. Молодой морячок, аккуратно поддерживая её, приговаривал:

– Ну, держись, бабушка. Давай потихоньку. Еще немножко осталось, потерпи.

А у неё отказали ноги. Паренёк махнул рукой, зовя на помощь. Матросы вынесли их на руках. А когда из документов они узнали, что ей всего двадцать пять лет, были поражены:

– Господи, в чём только душа держится! А ещё швейную машинку с собой везёт! – сказал один из них.

– Значит, духом сильная, детей растить собирается. Вот война пройдёт – она ещё красавицей станет. Хоть бы скорее весь этот ужас закончился! Ведь сколько народу померло! – ответил другой.

БОГ ДАЛ – БОГ ВЗЯЛ

Стоял необычно холодный, дождливый июнь. Рваные облака блуждали по небу, как будто потерялись и сбились с пути. А у ограды из частного буйно и отчаянно цвела черёмуха.

Нас, четверых детей, родители вывезли в пригород, где на недавно полученном земельном участке была построена времянка-сарайчик, разделённый пополам. В одной половине была корова Рыжонка и чуть правее – родительская кровать, сооружённая из чурбанов, деревянного настила и сенового матраца. А в другой половине – мы, дети. Наши матрасики были на полу, и мы тяжело заболели. Не было сил ходить, а видели всё, как сквозь туман.

Лёжа на матрацах, сквозь высокое окно можно было видеть небо. И только по нему, то хмурому, то ясному, да по качающимся ветвям высоких деревьев можно было определить погоду. Вот уже несколько дней

нам было плохо, а на небе то собирались чёрные тучи и проливались косым дождём на землю, то мчались разорванные облака, подгоняемые ветром. От этого в нашем домике было сумрачно и грустно.

В этот день нам уже ни о чём не хотелось говорить, а брату было совсем плохо. Наша мать была уверена, что при таких обстоятельствах нельзя давать пищу, а голодная диета должна победить болезнь. Но силы наши были уже на исходе.

Вдруг за дверью мы услышали громкие женские голоса. Один из них — мамин, кричащий:

— Нет, не пуцу! Бог дал — Бог взял.

Другой — красивый, грудной, спокойный и настойчивый — как бы объяснял:

— Послушай, мы — соседи — уже несколько дней не видели твоих детей. Где они? — И дверь немного подалась, но потом с силой захлопнулась.

— Нет! Не пуцу! Бог дал — Бог взял! — громко, со слезами в голосе, твердит мать.

— Послушай! Ты без конца стираешь постельное и детское нижнее бельё. В день по несколько раз, — и после паузы продолжает: — Что ты скрываешь?! А если у них дизентерия?

— Не пуцу! — кричит мать. Соседка не отступает:

— Да пойми ты, получается, что Бог прислал меня спасти их! Впусти меня! — твёрдо убеждал женский голос.

Мать, наконец, сдалась, и дверь резко открылась. На пороге появилась незнакомая женщина. Она подошла к нам ближе. Ширококостное лицо, небольшие чёрные искрящиеся глаза, чёрные прямые волосы на прямой пробор, уложенные сзади в косу. Среднего роста, широкоплечая. У неё была хорошая добрая улыбка, от которой стало тепло и спокойно.

За ней вошла наша мать. Она остановилась около двери, опустив голову, как будто что-то рассматривала на полу. Женщина, увидев нас, беспомощно лежащих на своих матрасиках, попыталась подбодрить:

— Ничего, ничего, скоро всё обойдётся. А ты, — обратилась она к матери, — быстро бери хороший нож и беги к черёмухе. Нарезь коры. Сейчас мы быстро заварим её, и я сама первый раз дам им по столовой ложке отвара, а после этого кушать можно почти всё, конечно, ни жареного, ни жирного, ни острого, только кушать сначала надо по чуть-чуть. И ты сама будешь их поить. Не убивайся — Бог милостив. Он пожалел и тебя, и ребятишек.

Отвар приготовили на примусе. Женщина терпеливо переливала его из миски в миску, пока не остудила настолько, чтоб не обжечь нас.

Ох, какой он был горький, этот отвар! Но мы, дети, уже ощутившие приближение своей гибели и поверившие в возможное спасение, покорно

глotalи только что приготовленное лекарство. Эту ночь мы уже спали. А на следующий день нам стало значительно лучше. Растерявшаяся было мать, тоже поверила в наше выздоровление и очень добросовестно выполняла советы нашей спасительницы. Почти одновременно, к нашему удивлению и радости, выздоравливала погода. Небо освободилось от тёмных нависших дождевых облаков, и ласковый нежный ветер принёс нам на своих крыльях тепло и благодать.

В это лето мы часто собирались у черёмухи и играли в свои незатейливые игры. Это дерево стало для нас священным. Ягоды черёмухи мы собирали и сушили на зиму или жевали их свежими, набивая оскомину. Сок красил нам рот, зубы и губы.

— А ты знаешь, — сидя под деревом, сказала мне однажды старшая сестрёнка, — почему тогда была такая погода? Я думаю, что небу было жалко нас до слёз, и оно кричало ветром и плакало дождём.

ПОДПАСКИ

Ещё только забрезжил рассвет. Около четырёх утра. Мать аккуратно будит Ирину, потихоньку трясая её за плечо:

— Ира, вставай! Сегодня твоя очередь в подпасах.

Ирина понимает, что это необходимо, и поэтому, преодолевая откуда-то взявшуюся головную боль, потихоньку потягивается и поднимается. В конце лета ей будет уже двенадцать.

На столе её ждёт свежее сырое яичко от курочки Хныкалки, щепотка соли, ломоть хлеба и большая мерная кружка парного молока. Рано утром всё это кажется очень вкусным. Сквозь распахнутое окно слышно робкое пробуждение птиц. Сначала они тихонько как бы спрашивают друг друга:

— Ты спишь? Ты спишь? — и ещё тихий сонный ответ:

— Уже нет, уже нет.

Всё чаще и чаще вопросы и ответы. И, наконец, всё сливается в единый многоголосый хор. Вот уж воистину заслушаться можно! Какие красивые переливы, а сколько в них радости! Наконец слышен пастуший рожок — это пастух дядя Петя играет побудку и подгоняет нескольких коров, а чтоб они не разбрелись кто куда, время от времени со всей силы бьёт о дорогу длинным хлыстом, выкрикивая:

— Ге-еть! — и коровы послушно равняются и шагают вперёд.

Замыкает стадо верная собака Жучка. Время от времени она подаёт свой весёлый голос. Хозяйки уже подоили своих бурёнок и напоили пойлом.

Иринкина мать тоже выгоняет Рыжонку. Хозяйки останутся дома, чтобы накормить остальной домашний скот, разбудить ребят, накормить их и распределить работу на огороде. А сами ещё поедут в райцентр, чтобы продать на рынке молоко, заказать фураж или уже выкупить его частично. А мужчины все на покосе. Хозяйки приготовят обеды, упакуют еду и направят детей, что постарше, на покос, чтобы накормить мужей и взрослых сыновей.

Дядя Петя, одетый в длинный прорезиненный плащ с капюшоном, в высоких сапогах, даёт Иринке небольшой кнут и для интереса разрешает разок сыграть побудку в рожок. В конце посёлка к ним присоединяется ещё один мальчик-подпасок — Володя.

— Ну вот, теперь всё в порядке, — говорит дядя Петя, когда стадо выходит за посёлок, — я с Жучкой буду во-о-он там, а вы здесь оставайтесь. Дальше этой просеки не пускайте их, да считать не забывайте. Трава здесь хорошая, клевера много. Пусть пощиплют, пока жара не навалилась. Если что, кричите или свистите, ведь свистки-то у вас есть. Да вроде как всё хорошо должно быть. Вон небо-то какое чистое! Да не забудьте: хозяйки придут в поле доить коров в двенадцать часов и в пять вечера. К этим часам мы будем подгонять бурёнок немножко ближе к посёлку. Ну, давайте, помощнички, привыкайте к трудовой жизни. Что поделаешь, жизнь у нас такая серьёзная.

Закинув кнут через плечо, и насвистывая весёлую песенку, он пошагал к намеченному вдалеке пригорку. Коровы с удовольствием принялись щипать сочную траву.

— Надо же, как интересно они устроены, всё щиплют и щиплют, куда только помещается? — удивлялась Иринка.

— А потом, когда лягут в тенёк, то будут жевать и жевать, — продолжал Володя.

— А мне старшая сестрёнка говорила, что у коров внутри в конце пищевода как будто книжка какая-то есть. Они сначала свежую траву в себя вкладывают и вкладывают, потому что некогда жевать. А вот когда отдышать будут, то начнут отрыгивать эту траву и жевать как жвачку, пока не превратят её в кашицу. Потом в их желудке открывается новая «страничка», и туда они проглатывают эту кашицу.

— Мне тоже старшие рассказывали об этом, — отвечал Володя, сидя на старом пенёке. Иринка устроилась рядом на таком же пенёчке.

— Смотри, Володя, ещё пенёк и ещё. Сколько деревьев здесь было! Наверное, люди использовали их на дрова. Смотри, а здесь сапёры что-то выкапывали.

— И здесь, — Володя показал на один холмик земли и выкопанную рядом яму.

— Ты смотри, не хватай в лесу неизвестные железяки, а то, как даст, так и от нас с тобой ничего не останется! — покровительственно говорила Иринка, оглядываясь вокруг.

— Да ты что, я не маленький, поди слышу, как земля дрожит, когда сапёры свои находки взрывают за посёлком у нашей речки Сестры.

— Вова, а ты кем хочешь стать, когда вырастешь? — спросила Иринка, сорвав льянку и рассматривая её жёлтые соцветия, похожие на собачью пасть.

— Не знаю. Мне нравится, когда на земле красиво. Нравится всё, что растёт и живёт на земле. Красивыми растениями можно украсить землю, порадовать людей. А рядом с ними всегда всякие жучки, бабочки, пчёлы. Даже за мухами — и то интересно наблюдать. А однажды я в банке тараканов держал, это когда их решили потравить. Потом я их выпустил, они послушались меня и куда-то убежали. А ты сама чем хочешь заняться? Тебе что больше нравится?

— А мне... Мне почему-то очень важно, чтобы люди жили дружно, — задумчиво говорила Иринка.

— Хотя сам знаешь, что нам в нашей обычной жизни все надо уметь: и в огороде, и дома, и как первую помощь оказать, и сшить кому-то что-то, и сварить, и вырастить не только урожай, но и потом детей. Вон сколько учиться надо.

— Да, ты права. Кем бы мы ни стали, уметь надо так много, что как бы успеть всему научиться, — рассуждал Володя, мастера дудку из дудника.

— Смотри, жара-то какая. Хорошо, что у коров хвост длинный, вон они как слепней с себя сгоняют, — заметила Иринка.

По условному знаку пастуха ребята согнали коров в тенёк. Спрятанные в тени от надоедливых злых слепней, они легли отдыхать и принялись тщательно пережёвывать траву, которую успели пощипать за это утро. Ребята тоже подбросили под себя свои плащики и наблюдали за проплывающими облаками.

Здесь вырисовывались целые картины, и дети бесхитростно делились друг с другом увиденным.

— Вов, а ты боишься бодучих коров?

— Не знаю, я как-то об этом не думал. А ты?

— А я боюсь иногда, но терплю, — созналась Иринка.

— Да не бойся ты! Они же любят хлебушек с солью, вот и держи его при себе. А просто так никто тебя не обидит, — рассуждал Володя.

— Ой, Вов, послушай, что я вспомнила. Ведь нашу Рыжонку отец со своим братом дядей Васей вели пешком из Калининской области. Такая даль, а?

– Ничего себе! – удивился Володя.

– Вот и я думаю: ведь смогли, привели. А у нас недавно здесь, в Белом острове, корова погибла.

– А почему?

– Вов, ты же знаешь, начали строить деревянный мост через речку, но пока ещё не построили. И пришлось хозяину купленную корову через железнодорожный мост вести, а ты же знаешь, какой здесь сброс по камням делает река, да в любой момент может пройти грузовой состав. Шуму столько, что страх берет. Потащил хозяин её за поводок да ударил, чтоб слушалась, а у неё ноги обмякли, и она скончалась на месте от разрыва сердца.

– Господи, страх-то какой! Так что, Ира, ты их не бойся, их самих пожалеть можно, – серьёзно проговорил Володя, поднимаясь с травы.

День шёл к закату. Дядя Петя протрубил сбор, и ребята стали помогать ему, направлять коров на дорогу. На обочинах просёлочной дороги против домиков хозяйки встречали своих кормилиц и ласково звали их по именам, угощали хлебушком с солью.

Солнышко закатилось на отдых. В посёлке ещё недолго был слышен звон подоюников да хлопанье дверей – это хозяйки несли коровам пойло и доили их. Постепенно посёлок затих до следующего раннего рассвета.

ЭКЗАМЕН

*Послевоенным помню город мой,
Когда, с оконца скovyрнув замазку,
Грызя её, мы попадали в сказку
Послеблокадной и скупой порой.
А взяв из печки чёрный уголёк,
Мы грызли, как любимый сахарок...
Послеблокадный милый город мой
И, детство, пережитое с тобой...*

Дверь в комнату соседки приоткрыта. Из коридора коммунальной квартиры видно, что на столе – вазочка, наполненная кусочками рафинированного сахара. Солнце заливает всю комнату из большого итальянского окна, маленькими искорками переливаются спрессованные снежные кристаллы!

Иринке всего восемь лет. Она знала, что если бы соседка не спала, то обязательно угостила бы её одним кусочком. Но та крепко уснула после сдачи смены в магазине.

Иришка на цыпочках вошла в комнату, села на стул около стола и стала рассматривать искрящиеся на солнце кусочки рафинада. Она уже представляла, как кусочек сахара будет таять у неё во рту, как тают настоящие снежинки в тепле. Она уже ощущала эту сладость, но боялась протянуть руку. Вдруг соседка проснётся и застанет её в этот момент! Она знает, что тётя Вера не откажет ей, но... это, если попросить.

«Ой, ведь я ворую!» — пронеслось в её голове.

И она вспомнила, как взрослые иногда тихо говорили о том, что наверху есть кто-то, кто следит за нами: он всё видит, а иногда предупреждает людей о чём-то плохом. «А вдруг этот кто-то толкнёт тётю Веру в бок в тот момент, когда я буду брать кусочек, и она откроет глаза и всё увидит?» — размышляла Иринка. Ей стало страшно, и она, крадучись, как и вошла, выскользнула из комнаты.

Сквозь приоткрытую дверь большой тёплый луч солнца, как бы следя за Иринкой, осветил и часть коридора. Она вошла в свою комнату, где её младшие братишка и сестрёнка играли на большом ватном одеяле, расстеленном на полу. «Как хорошо, что я не взяла этот кусочек, ведь они тоже любят сахар, а он так редко бывает у нас», — рассуждала Иришка, включаясь в игру с ребятами.

Вдруг дверь в комнату открылась, и вошла тётя Вера. Одну руку она держала за спиной.

— Что же вы тут одни делаете? Смотрите-ка, что здесь у меня? Сахарок! — и она, присев к ребятам, поставила перед ними блюдечко с кусочками сахара.

— Я угощаю вас, по три кусочка каждому. Давайте я вам кипяточку налью, если захотите — попьете.

Обрадованные дети потянулись за кристалльными кусочками, а Иринкино лицо залила краска стыда.

— Ирочка, а ты что? — тётя Вера погладила Ирину по голове.

— Давай угощайся, — тепло и доверительно, почти шёпотом, сказала тётя Вера. — Я знаю, что тебе хочется. Это твои любимые кусочки, которые сами во рту тают, — на Иринкины глаза невольно навернулись слёзы.

— Успокойся, — продолжала уговаривать тётя Вера, — Я ведь нечаянно проснулась и видела, что ты удержалась от соблазна. Молодец, умница, я и так тебе доверяла, — и она привлекла Ирину к себе. Заглянув в глаза девочки, она сказала:

— Давай договоримся: если тебе что-нибудь очень захочется, скажи мне, ладно? — Иринка согласно кивнула головой, но продолжала плакать.

— Да не плачь ты, успокойся.

Худенькие плечи девочки продолжали вздрагивать. Тётя Вера присела к плачущей малышке, заглянула ей в глаза и тихонько сказала:

— Ну послушай. Считай, что у тебя сегодня был экзамен, и ты сдала его на пять. Поняла?

— Угу, — кивнула головой Иринка.

— Тётя Вера, — спросила она еле слышно. — А это вас толкнул тот, кто на небе живёт, да? Это он вас предупредил? — Тётя Вера тепло улыбнулась и сказала:

— Конечно, это тот, кто живёт на небе. И нам всегда будет лучше, если мы будем об этом помнить.

Иринка облегчённо вздохнула и потянулась за своими кусочками сахара. Благодарно посмотрела на соседку и тихо сказала:

— Спасибо,

— Ну ладно, не скучайте. Ваша мама уже сейчас вернётся, а я пошла к себе, — сказала тётя Вера, закрыв за собой дверь комнаты. Так в Иришкиной жизни состоялся первый экзамен.

ДЕРЖИСЬ, КОНСТАНТИН СИМОНОВ!

— Ирина, ты куда?

— Да вот, мусору немного скопилось. Вынесу.

— Иди, иди.

Иринка прошмыгнула за дверь. Через три минуты она вернулась — двадцатилетняя, с большими чёрными косами, смуглая, залитая румянцем от быстрой ходьбы, с большими карими глазами. Но в глазах — какая-то тревога.

— Ирина, что ты сегодня невесёлая?

— Что ты, бабушка, всё хорошо.

— Ну-ну, — проворчал дед. Войдя в свою комнату, она зашелестела бумагой. — Чай, куда собралась? — спросил дед.

— Да, бабушка, ещё немного мусору вынесу — и всё, — каким-то странным голосом ответила внучка.

— Да что ты? Какой же это мусор? Ты же все бумаги из своего письменного стола выбросила. А из книжного шкафа сколько тетрадей выкинула! И это мусор?

— Да, бабушка, и там, — почти шёпотом ответила Ирина и исчезла за дверью.

— Тьфу ты, пропасть, — проворчал дед. — Вот поколение пошло.

Пишут, пишут, ночи не спят, тетради покупают, карандаши. Да Бог с ними, с карандашами... Ведь ночами писала, сам видел. Сколько раз

к двери подкрадывался. И вот тебе на... мусор. — Дед вошел в Ирину комнату. — А вот ещё на столе бумажку забыла. Ба! Да это письмо. Ага! Вот я его и почитаю... Так...

«Дорогая товарищ Виноградова!

Прочитал ваше письмо и стихи. Поскольку вы мне уже послали их, хочу сказать вам правду. Многие люди в молодости, а многие и до старости, удовлетворяя свою душевную потребность, пишут стихи, при этом только у одного из сотни, а может быть, и тысячи есть поэтический дар, и он впоследствии делается поэтом. У других этого дара нет, и поэтами они не становятся...»

— Да, вот тебе и на! Эх ведь как, и не пожалел нашу Иринушку. Прямо сыпет, а...

«...Очень советую вам ни в коем случае не смотреть на свои стихи как на своё будущее. Очевидно, оно у вас совсем в другом, и способности ваши, очевидно, лежат не в области поэзии. 15.06.1960. Константин СИМОНОВ».

— Ага! Теперь понимаю, какой мусор она выносила... Да что же она этой ночью-то делать будет? Уж посмотрю, будет свет гореть или нет.

Дед аккуратно положил письмо на место. В квартиру вошла Ирина.

— Деду, давай ужинать.

— А что, чай, уже время?

Поужинали молча.

— Дедушка, я, пожалуй, спать пойду.

— Иди, иди, внучка, я ещё посижу. Что-то кости ломает, к погоде, что ли? Ну да иди, иди, внучка.

— Спокойной ночи, дедушка.

— Спокойной ночи, внученька, — ответил дед, с интересом наблюдая через рифлёное стекло двери за происходящим в комнате

внучки. Ирина постояла немного у стола. Резко повернулась, подошла к выключателю, и в комнате наступили сумерки. — Сдалась!

А?! Сдалась, раскисла, спать потянуло, — проворчал дед, уходя в свою комнату.

Но ему не спалось. Он представлял себе состояние внучки, и ему было жаль её. Он не мог до конца поверить в то, что письмо Симонова остановит девушку. Деда душил старческий кашель, он поднялся, кряхтя, и пошёл на кухню покурить самосад. В комнате внучки горел свет.

— Ба! Не сдалась. Сидит, пишет. А время-то, время-то пять часов утра. Ну держись, Константин Симонов! Посмотрим, чья возьмёт...

ОГУРЧИКИ

Тётя Ксения – небольшого роста, худенькая, уже немолодая, но ещё энергичная женщина с большой косой, уложенной на голове, взглянула в окно. Взгляд упал на новенькую красавицу теплицу.

– Слава Богу, наконец-то удалось договориться с соседом. Конечно, не бесплатно, но он соорудил такую замечательную теплицу! Она и высока, и широка, и землю в ней подудобрили. А огурцы, почувствовав комфорт, так и прут.

Тётя Ксения взяла ведёрко под огурчики, чтобы подсобрать готовенькие да часть из них сделать свежеспольными, а остатки продать, чтоб внучке на сладкое хватило.

Она подвязала фартук на случай, если огурчики в ведёрко не поместятся. Ещё раз взглянула в окно: не начался ли дождь?

Чёрная грозовая туча постепенно закрывала небо. «Ещё успею», – подумала тётя Ксения, издали любовно взглянув на теплицу сквозь тюлевую занавеску. И замерла.

Дверь теплицы открылась, и оттуда вышел молодой мужчина лет тридцати с полным тазом любовно выращенных ею огурчиков.

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Чур меня! И тазик-то мой у окна взял, – бормотала тётя Ксения, не веря своим глазам,

опускаясь на табуретку у кухонного окна, пощипывая себя за икры ног, чтобы знать, не мерещится ли?

Нет, не мерещится. Знать, и мужик-то взаправдашний. В её голове проносились шальные мысли: «Господи, что делать? Что делать? Да и Черныш-то, как на грех, к своей любимой суке умчался».

А наглый молодой и сильный мужик, ухмыляясь своим мыслям, приближался к окну... Она замерла.

– Хозяюшка! Взгляни! Хозяюшка! – вкрадчивым, даже тёплым голосом позвал её нахал.

«Господи, если не отзовусь, ведь и в дом заберётся», – подумала тетя Ксения и в приоткрытую форточку крикнула:

– Что? Что тебе надо?

– Хозяюшка, – любезно обратился бесстыжий, – купи огурчики, сам растил, а то не на что до города добраться.

Тетя Ксения чуть не задохнулась от такого перевоплощения.

– Ты что, не видишь, что у меня теплица с огурцами? Почто мне твои?

– Мать, не сердись. Пока они ещё подрастут! Купи один раз, а то не на что мне до города-то доехать.

Тётя Ксения понимала, что надо скорей расстаться с этим факиром.

- Так. Вот что. Сколько тебе за это надо? Говори.
- Тридцать. Тридцать рублей, мать. Ведь только с грядки.
- Подожди, посмотрю, есть ли у меня столько.

Она вытащила из кармана фартука носовой платочек, связанный узелком, развязала его на кухонном столе, посчитала, набрала нужную сумму. Оставалось ещё пять рублей. Молодой человек терпеливо ждал. Видя, что хозяйка с отсчитанными деньгами подходит к окну, сказал:

– Ты, мать, на крыльцо бы вышла. Ведь удобнее будет.

– Нет уж, мил человек. Тебе надо деньги? Я тебе их через форточку подам, а огурцы здесь, около окна, оставь. Сейчас зятя мои подъедут, они и внесут их в дом. А тебе советую больше в этот дом огурцов не носить. Зятя-то мои с сегодняшнего дня в отпуске, а выпимши-то они худые бывают. Иди-ка ты отсюда поскорей, а то не ровен час, встретитесь.

– Спасибо, мать, спасибо, – ловя кулёчек с деньгами, приговаривал мужчина, – Святая твоя душа, мать. Здоровья тебе. Спасибо. И мигом исчез с лёгкостью акробата, перепрыгнув через высокий забор.

Тётя Ксения ещё долго сидела около окна, ошеломлённая произошедшим. И вдруг она поймала себя на мысли, что она не разозлилась, а поразились находчивости этого молодого человека.

Началась гроза. Тётя Ксения вышла из дома, взяла свой тазик с купленными у себя огурчиками. А они излучали такую смешинку, что, глядя на них, тётя Ксения совсем заблудилась в своих чувствах.

«Надо же, как попалась на старости лет, – рассуждала она сама с собой, – так поражена виртуозной наглостью, что даже разозлиться не могу... А ловко я его с зятьями-то, а?»

Свежепросольные огурчики оказались очень удачными. Приехавшие в выходной день родственники похрустывали ими вприкуску с отварной свежей картошечкой, усыпанной измельчённым укропом, да запивали домашним кваском, нахваливая поварское искусство тёти Ксении.

А она улыбалась в ответ на похвалу какой-то загадочной улыбкой, и глаза её излучали добрый, игривый свет.

ОТКУДА ПИТОН?

Одна из моих дочерей предложила мне и моему младшему сыну съездить в Зоопарк. Я надела свою только что сшитую юбку и уже была счастлива. Для меня это была большая победа над собой.

Около входа в Зоопарк наше внимание привлекли два плотных молодых человека: один – с питоном на шее, а другой – с фотоаппаратом.

Живой рекламой они предлагали сфотографироваться с питоном.

Вдруг дочь предложила:

– По гороскопу ты – змея, со змей и сфотографируйся, легче станет. Сначала я отшутилась. Но, бродя с ребятами по зоопарку, время от времени мысленно возвращалась к этой идее. И уже на выходе из зоопарка я шутливо предложила дочери с сыном обмотаться питончиком и сделать снимок с названием «Дружная семейка».

Ребята отскочили от меня:

– Ты что!

Тогда я, вспомнив свою неугомонную юность, с игривостью в голосе и загадочностью в глазах обратилась к хозяину питона:

– Слушай, мужик, давай меняться!

– Как это? Чем? - в недоумении спросил мужчина.

– Да я тебе – костыли, а ты мне – питона на шею, на чуть-чуть. А? – доверительно, вполголоса, проговорила я.

– Да ведь не выдержишь, рухнешь, – улыбаясь, ответили оба мужчины в один голос.

– А вы меня к дереву прислоните, и всё получится.

– Здорово! Давайте попробуем, – сказал один из них.

И, взяв у меня костыли, предложил мне встать около дерева, а другой повесил мне на шею питона весом килограммов на семь-восемь. Вручил мне в руки шею и хвост змея и предупредил, чтобы я плотно сжимала их руками.

«Боже мой, часто ли попадают питоны в наши руки?» – подумала я и с нежностью стала поглаживать нового приятеля с двух сторон.

Питон, почувствовав мою нежность и отчаянье, принял это как знак признания в любви и стал плотно обнимать мою шею. Похоже, что из таких объятий я бы никогда не смогла освободиться самостоятельно. Но хозяин, увидев опьянённого страстью питона, бросился к нему и прижал концы его тела. Питон обмяк, и радость общения прекратилась.

– Я же предупреждал, предупреждал, – взволнованно повторял хозяин.

– Да что вы, успокойтесь, этой женщине именно сейчас этого и не хватало, – ответила я.

– Вот теперь в моей жизни всё встанет на своё место. Давайте щёлкайте своим фотоаппаратом, пока ваш питон не понял, что видимся мы с ним в последний раз.

Снимок получился замечательным. Сделан он был второго августа, и по просьбе дочери перед моим днём рождения по почте пришла фотография.

Так я встретила свое пятидесятилетие и поняла, чем я буду заниматься в этой жизни.

Получив свободное время от каждодневной трудовой деятельности, я подняла на поверхность сложенные по дороге моей жизни стихи и песни, рассказы и другие повествования, и увереннее стала держать перо моя рука.

С ИЗЮМИНКОЙ

Сегодня с утра до вечера моталась по городу. Устала. Около шести часов вечера зашла в кафе. Посетителей и буфетчицы не было видно.

Я осмотрела помещение. Из расположенных высоко, но широких окон лился яркий свет и дурманящий воздух весны. Вдоль двух стен - полочки для еды без мест для сиденья. Около низкого столика, видимо, предусмотренного для детей, закреплено широкое зеркало. Именно здесь я и решила выпить чашечку кофе с пирожком.

Девчушка-продавец, маленькая, худенькая, с короткой стрижкой светлых волос, ещё почти ребенок, вынырнула из-под прилавка и удивилась моему явлению:

— Как это вы так? Неслышно.

— В детстве научилась, — отшутилась я и направилась к столику с зеркалом. Подняла глаза и не узнала себя. — Боже! А я думала, что я — красавица. Вся моська съёжилась. Как же давно я не видела себя в таком роскошном зеркале! — невольно произнесла я вслух.

Девушка рассмеялась:

— А Вы с юмором.

— Это правда, — ответила я. — А ведь это оттого, что «писака».

— Вот это да! — воскликнула девушка. Перед моим уходом продавец спросила:

— Ну и как? Нашли капусту в пирожке?

— В самом центре, в сердце его. А вот если бы эту капустку на мясорубку, то точно бы распушилась она по всей внутренности пирожка, — шутливо отвечала я.

— Я так и передам пекарю, — ответила девушка с улыбкой.

Мы дружески попрощались.

Я шагала к метро и размышляла о несбыточном: как хорошо, как легко нам, когда мы доброжелательны друг к другу, и в нашем уважительном отношении спрятана самая замечательная изюминка — изюминка человеколюбия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Бог знает, что делает
У каждого — своё предназначенье.
И мир нам переделать не дано.
Но мы идём на встречное течение...
И крутится жестокое кино.*

Ощущение растворённое в этом мире, необузданной, неукротимой, безграничной свободы, состояние человека, парящего в облаках над Вселенной — вот что чувствует в первый раз влюблённый человек. Весь воздух наполнен музыкой благодати, и если это — одновременно и взаимно вспыхнувшая искра, то память об этом трогательном состоянии помогает нам, очень помогает жить в будущем.

Как бы ни менялась психология человека и вся цивилизация в целом, что бы ни говорили о молодёжи, я знаю, что любого человека на Земле коснулось это чувство, чувство первозданности, чувство парящего в облаках над Вселенной, истинно верящего в искренность, не воспринимающего ложь, не замечающего предательства.

Господи, как незащищен в этот момент любой из нас! И как велик грех того, кто, видя это чувство у идущего ему навстречу, посмеётся над ним! Как велик грех того, кто, заметив одновременно вспыхнувшую искру двоих, сделает всё так, чтобы разъединить людей, так до конца жизни своей и не получивших ответ на вопрос: почему? Почему так случилось?

Но в юности мы ещё так горячи, что не воспринимаем фразу верующего человека: «Бог знает, что делает». Мы полны эмоций, и наше недопонимание и неполучение любого ответа, положительного или отрицательного, рождает в нас комплекс неуверенности, неполноценности или наполняет нас обидой. Всё это являет на свет чувство растерянности, зависти и даже злобы. И как долог и болезнен путь к пониманию истины, к мудрому выводу: «Бог знает, что делает».

Поэтому чем ближе молодое поколение к своим дедам, к их почему-то уже холодному рассудку, тем понятнее, объективнее, осознаннее и менее ранимо или трагично будет оно встречать земные потери. Но, похоже, что молодость никогда не захочет заменить свой горячий пыл на холодный разум, именуемый мудростью.

И потому у каждого на Земле — свой путь, путь проб и ошибок. А ведь ещё так важно, чтобы каждый из нас, кроме жажды удержать обоюдно загоревшуюся искру счастья, имел бы свои тыл для самореализации, открыл бы в себе то, для чего пришёл на Землю. И если бы нам уда-

лось открыть в себе потребность заниматься тем, от чего бы душа наша пела и не ощущала себя обречённой, тогда труд наш не стал бы являться непомерным грузом, а наоборот, окрылил бы нас своими новыми открытиями, и потери личного характера не были бы для нас так тяжелы.

Как важно найти для себя место на этой земле и, трудясь, ощутить себя парящим в облаках над Вселенной и, упиваясь делом своим, не замечать, как листки, слетающие с календаря, приведут нас к возрасту мудрого, холодного разума. И, оглядываясь на своё прошлое, как бы фантастически-трагично не сложился наш путь, чтобы от бед, встретившихся на пути нашем, не потерять оставшийся разум и чтобы продолжить путь или начать его сначала, мы согласимся с мудрой мыслью, осознавая её истинно глубокое значение: «Бог знает, что делает».

Это повествование может явиться прологом к любой истории о потере звучания музыки и неожиданном отсутствии вольного ветра в душе.

Семён БОГУСЛАВСКИЙ

ПОЭТ

К вам сегодня приехал совсем не
А такой же, как Вы – из крови и
И, возможно, настал в моей жизни
С той надеждой, что мысли мои
В этой жизни земной есть
Когда хочется жить, потому что
Мы живём средь людей,
Если мы не целуем
Жизнь земная нам в радость
Но порою ничтожные
Так мешают испить эту чашу до дна
И продлить эту радость
Я желаю Вам, люди, счастливого дня.
И пусть будет спокойным
Я надеюсь, что кто-нибудь
Потому что живу и люблю, как Поэт.

Я ХОЧУ (МОИМ СЫНОВЬЯМ)

Я хочу быть маленьким мальчиком,
Прижиматься к маме щекой.
Дуть на светлые одуванчики,
Бегать по полу босиком.
Я хочу быть маленьким мальчиком,
Чтобы сладости получать.
Чтобы были тонкими пальчики
И чтоб не было страха упасть.
Я хочу быть маленьким мальчиком,
Чтоб в войнушку – только игра,
Чтобы пестики, да и танчики
Спать ложились со мной до утра.
Автомат под подушку запрячу я,
Детский ножик я свой наточу...
Не хочу становиться старше я, –
Я мальчишкой быть хочу.
Бегать в школу с тетрадками, книж-
ками,
В школе знания получать.
Мяч гонять с друзьями вприпрыжку,
На компьютере поиграть.
Чтобы время тянулось медленней,
Чтобы мама была молода,
И чтоб даже через столетие
Папа мой не старел никогда.

ДУША ПОЭТА

Да, я понял: тебе я не пара,
Я пришёл из другой страны,
И душа моя, как гитара,
Чьи мелодии не нужны.

Да, я понял: тебе я не пара -
Ты жила здесь и до меня,
И в кошмаре своём, в угаре
Моего ты не знала огня.

Наша встреча – загадка столетий, –
Как случилось, что я и ты,
Как два сердца, как дождь и ветер
Были вместе в плену мечты.

Как случилось, что губ овалы
Слились вместе в единый круг...
Это судеб наших обвалы,
Это сердца внезапный испуг.

А глаза твои днём и ночью
Синевой отливая зовут,
И душа разрывается в клочья
От того, что она не тут.

И поток раскалённой лавы,
Вместо крови холодной у нас,
Растекается по каналам
Наших душ и полночных глаз.

Это страсть или это пропасть,
Сквозь которую мы летим.
На земле затерялись тропы
От того, что мы сбились с пути.

Только вижу внутренним зреньем –
Ты опять на земле живёшь,
Убежав из любовного плена
Под земной и ветер и дождь.

Разорвала ты связь столетий,
Не поверила ты в мечту,

И упали руки, как плети,
И скатились зрачки в пустоту.

Я один в космической пыли
Со звезды на звезду лечу.
Страсть моя и мысль не остыли
И за них я сам заплачу.

Заплачу неземным страданьем
И мученьем сгоревших грёз,
Только в завтрашнем ожиданье
Ты моих не увидишь слёз.

От того, что душа поэта
Далека от земной суеты,
И мала для него планета,
Для любви его и мечты!..

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Мне в голову лезут нездешние мысли
И сердце сжимает нездешняя грусть,
А надо мною, как гроздь повисли
Слова, не слетевшие с розовых уст.

Я эти слова собираю в букеты,
Чтобы вдохнуть неземной аромат.
Сегодня начнётся девятое лето
С тех пор, как не вижу
любимой я взгляд.

И пусть это утро наполнено дымом
И запахом прелых горящих костров,
А для меня – это сердце любимой
Меня уносящее в грёзы из снов.

И в этих мечтах и ломких, и хрупких
Пусть только на миг
среди ночи и дня...

Я жив, пока помню любимые руки,
Я жив, пока ты вспоминаешь меня...

ЗИМНЯЯ ПРЕЛЮДИЯ

Вновь прилетели
белые метели.
Дома устлали
белою эмалью.
Долины покрыли
белыми крыльями.
Глаза твои нежные
опять заснеженные.
Холодно стало.
Ловлю я устами
Твоё дыхание.
Милая,
дальняя...

ДЕРЕВО

Живу я в шумном городе,
Где души тяжелы.
Во мне играет молодость,
В которой мысли злы.

Всё думаю я думаю:
Зачем я так живу?
Зачем имею душу,
Подобную волхву?

Дарами неземными
Я путь земной покрыл.
С людьми, — а как в пустыне,
Всесильный, — а без сил.

Иду по тротуару,
По небу я лечу,
Не молодой, не старый, —
Такой, как сам хочу.

На вдохе и на выдохе
Живу который год,
И гроб ещё не выструган,
Но дерево растёт.

ПИТЕРСКОМУ ТРАМВАЮ

Коль попасть ты хочешь в рай
Иль совсем наоборот,
Сядь ты в питерский трамвай, —
За углом тебя он ждёт.

Прозвонит опять звонок —
Вы выходите иль нет ?
А трамвай насквозь промок,
Под дождём он столько лет.

Был он конкой, тягачом,
Был спасителем ночным,
Нищим был и богачом,
Был серьёзным и смешным.

Вот он прибыл на кольцо
Где-то за сараем.
Если б был я мудрецом, —
Стал бы я трамваем.

СНЕГОПАД

О, этот чудный снегопад!
Кружат, кружат снежинки...
Я ими весь насквозь пропах
В моей короткой жизни.

Зачем всё прячутся в дома,
Толпятся под навесом,
А я от снега без ума...
Пусть говорят — повеса.

А я с снежинками пляшу,
Мне весело и чудно,
Пускай для вас я буду шут
Или поэт безумный,

Но всё же сколько красоты
В полёте белоснежном, —
Я в нём ловлю твои черты,
Твою вдыхаю нежность.

ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА

Лебязья канавка, вытянув шею,
Прижалась пугливо к своим берегам.
Здесь только бывшее, прошедшее веет,
Меня возвращая
к счастливейшим снам.

Здесь мост, что гранитом накрылся,
как пледом,
Он выгнулся молча и смотрит в Неву.
Своё вспоминая прошедшее лето
Он видит вверху одну синеву.

И ночь, как виденье,
спускается кротко
На сумрак гранита, на свет фонарей.
Здесь время течёт
по старинным законам,
По датам ушедших,
изменчивых дней.

О, милая с детства, Лебязья канавка!
Ты вспомнить могла бы
столько имён.

Прошедшее помнит,
не в силах оплакивать
Любимцев своих, окунувшихся в сон.

А я в тебе вижу гордую птицу,
Что крыльями машет, с собою зовёт
И песнь лебединая в сердце стучится,
И вместе с тобою
стремлюсь я в полёт.

Но всё это кажется, чудится, мнится,
Ведь ночь так тиха,
так торжествен покой.
Лебязья канавка! Уснувшею птицей
Теперь тебя вижу во тьме я ночной.

И пусть я не прошлый,
но буду я плакать
О милом, далёком,

прошедшем, былом...
О, если б я мог
превратиться в канавку
И тихо укрыться
лебязьим крылом!..

ЛЮБЛЮ

В церквушке старой и разграбленной,
Где дышит плесенью погост,
Стою под сводами центральными
И вижу танец вещей звёзд.

Со стен картинно-обвалившихся
Ещё глядят из тишины
Глаза архангелов, святителей,
Извечной кротостью полны.

Они глядят с тоской и трепетом
На вопрошающий мой взор,
И чудится, что шепчут лепеты,
О том, что живы до сих пор.

Им снятся сны давно умершие,
Их мир прекрасен, но далёк,
А у меня в душе всё лешие,
Всё черти, ведьмы. Жуткий рок!

Но я смотрю на лики старые,
На глубину истёртых глаз,
И слёзы, горько-запоздалые
Устало пьёт ночная мгла.

Пред наготой святой немея,
Руками голову обвив,
Я чувствую, как вмиг светлею
Пред обнажённостью любви.

И, уходя из церкви старой,
Где только звёзды свет свой льют,
У стен и горьких и корявых
Я прошептал одно: «Люблю!»

Элеонора НИКОНОВА

ВЕСЕННИЕ СНЫ.

Легкие шаги у весны,
Словно разноцветные сны.
Сны моей прекрасной мечты,
Где всегда со мной рядом ты!

Сны, где мы встречаем апрель,
Солнышко нам дарит тепло,
Где играет счастья свирель,
На душе легко и светло.

* * *

Звезды падают с неба
На траву, как роса.
«Стать звездой и тебе бы» -
Щепчут мне небеса.

В ослепительном блеске
Неземной красоты,
Стать для многих чудесным
Идеалом мечты.

Ни тревог, ни печали,
Ни любовных оков.
Тебя небо качает
В колыбели веков.

Но, когда, как бродяга,
В мерцающей мгле,
Вдруг, почувствуешь тягу
К родимой земле,

Сквозь века и мгновенья,
Умирая — любя,
В краткий миг вдохновенья
Ты познаешь себя!

ДАВАЙ-КА ПОМЕЧТАЕМ.

Давай-ка помечтаем,
Как будем дальше жить.
О доме и собачке,
Чтоб домик сторожить.

О яблоне в саде,
Цветущем по весне,
О диком винограде,
Ползущем по стене.

И о бассейне в доме,
С прозрачною водой,
О розах на балконе,
Тропинках с чередой.

О маленькой читальне,
С собраньем редких книг
И об уютной спальне,
Где счастье — каждый миг.

Где я скажу однажды,
Без введомых причин:
« Ты для меня не «каждый»,
Ты лучший из мужчин!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Сумерки сгущаются. Тишина.
В небе появляются звезды и луна.
Замурлыкал песенку серый кот.
Этот день закончился. Ночь идет.

Уложу я доченьку на кровать,
Будет моя Варенька отдыхать.
Я спою ей песенку перед сном,
Как сияют звездочки за окном.

РУССКАЯ ЗИМА.

Звезды падают в ладони
И в таинственной ночи
Мчатся огненные кони
В ярком пламени свечи

Кружит вьюга за окошком
По затейливым следам.
Лапой нос прикрыла кошка.
Это видно, к холодам.

За заслоном русской печки
Догорают угольки.
На заснеженном крылечке,
Слышны тихие шаги.

И, смахнув остатки снега,
Со своих седых волос
Входит дед. К нему с разбега,
Подлетает верный пес.

Он волчком кружится рядом.
Смотрит преданно в глаза.
Будто хочет своим взглядом,
Что-то он сказать.

Дед ему потреплет холку
Сильною рукой.
Промолчит. К чему без толку
Нарушать покой?

Звезды падают в ладони
И в таинственной ночи
Мчатся огненные кони
В ярком пламени свечи

* * *

Не прячь свою улыбку
Ведь мы с тобой друзья!
За глупую ошибку
Ругала я себя.

Немножко резковата
В сужденьях я была.
Конечно, виновата,
Но это не со зла.

Не прячь своей улыбки
Что кроется в глазах.
Из-за одной ошибки
Я целый день в слезах.

Чтоб сердце с новой силой
Стрелой летело ввысь.
Пожалуйста, мой милый
Мне нежно улыбнись.

* * *

А в её глазах плачут небеса,
Белые плывут, тая облака.
По щеке скользят, катится слеза,
А в её глазах прячется тоска.

А в его глазах изумруды звезд
Разбросала ночь черной бахромой
Все, что было с ней — это не в серъез
Твердо верит он, уходя зимой.

БЛОНДИНКА-ПЕДАГОГ.

Колючие льдинки
На сапогах.
Шагает блондинка
На каблуках.

Хлещет в лицо ей крупный град.
Но она не свернет назад.
Прямо шагает, ведь она
Сильною женщиной рождена!

Знает в районе каждый щенок —
Эта блондинка — ПЕДАГОГ!

Михаил БАЛАШОВ

МАНИЯ

- Иван Максимович?
- Да.
- Здравствуйте. Моя фамилия Ядовитый.
- Хм... очень приятно, здравствуйте.
- Я бы хотел с Вами встретиться.
- По какому вопросу?
- Вопрос довольно деликатный. По телефону не объяснишь.
- Ну, попытайтесь. Я ведь Вас не знаю, а времени свободного немного.
- Дело для меня настолько важное, что я заранее готов на все Ваши условия. Вы назначаете место и время. Мы встречаемся. Я определяюсь с темой, объясняю суть, подробности. Вы в любой момент останавливаете меня, – и мы расстаёмся. Потери минимальные.
- Простите, как Вас зовут?
- Я-до-вито.
- Хм... хорошо, господин Ядовитый. Здесь, у меня, Вас устроит?.. Если разговор меня не заинтересует, в Вашем распоряжении две минуты. Пять... Вы где сейчас?
- М-момент... Полюстрово.
- Хм, пусть так. Где я нахожусь, объяснить?
- Хорошо бы.
- Тогда, Коломна, раз уж Вас на старину потянуло. Вы на машине?
- Э-э, на авто, простите?
- Можно сказать, да.
- Проспект Маклина найдёте?
- М-момент... да. Через тридцать минут Вас устроит?

– Ну, положим, за тридцать минут, э-э... Ладно. Вывеску увидите легко.

– Маленький нюанс, Иван Максимович. Вопрос, можно сказать, интимный, поэтому свидетели не желательны.

– Хм, без проблем. Только... здесь особый режим. Некоторые предметы Вам придётся оставить в охране. На вахте Вам объяснят...

Через тридцать минут заворковал Ингин голосок:

– Иван Максимович. Господин... Ядовитый.

– Да, спасибо.

Дверь открылась одновременно с этим «спасибо». Голос вошедшего не отличался от телефонного:

– Здравствуйте ещё раз.

– Прошу. Садитесь... Чай, кофе... коньяк?

– Благодарю Вас, нет.

– Итак?

– Проблема не совсем обычная, поэтому я позволю себе предисловие.

– Слушаю Вас. – Как я уже сказал по телефону, разговор пойдёт о моих детях. Я был женат... не... однократно... я всю жизнь мечтал иметь детей. «Мечтал» во всех смыслах этого слова. Если бы я отвлёкся на диссертацию, она называлась бы «Наследственные системы человека».

– Вас интересует проблема продолжения рода, м-м, профессионально?

– И профессионально тоже... Моя первая жена была нормальной, здоровой женщиной. То же и вторая. Они не могли иметь детей ОТ МЕНЯ. Я работал в этой области несколько лет... обследования, исследования, анализы, пробы, пробы, пробы. У меня есть лаборатория. Я могу себе многое позволить. И я окунулся в эту тему целиком. Вы понимаете?

– Весь. Я ни о чём не думал постороннем. «Одна, но пламенная, если хотите, страсть»... Наследственная система человека – это весьма консервативная, необычайно устойчивая конструкция. Существуют уникальнейшие системы защиты всей конструкции от сбоев, перед которыми снимет шляпу самый изощрённый burglar или хакер, если угодно...

У меня нет детей потому, что моя наследственная система дала сбой... или она вообще, изначально другой конструкции, чем обычные. «Обычные» в кавычках, если хотите. Я занимался этим с таким усердием, потратил на это столько сил, времени, денег, что не мог не прийти к каким-то результатам. Наследственных систем я нашёл четыре...

– Мне это интересно, но больше десяти минут я Вам не дам. Прошу Вас в пять оставшихся закончить с предисловием и заинтересовать меня сутью.

– Три первые в неодинаковой пропорции распределены среди людей,

четвёртая — у меня. Три первые совместимы неограниченно, четвёртая совместима только с четвёртой. Причём, теоретически получается, что женская составляющая, то есть базовая этой четвёртой, в определённых обстоятельствах может быть сопоставимой с первыми тремя мужскими тоже. Мужская четвёртая в отсутствие четвёртой женской — бесплодна. Теоретически же (я мысленно и на компьютере сопоставлял эти конструкции и в принципе и статистически, перебирая немислимые, прошу прощения за тавтологию, сочетания, и ломая голову в представлениях), так вот, теоретически получается, что четвёртая наследственная система должна встречаться не чаще, чем у одного человека на миллион. А практически будет, скорее всего, на порядок реже. Ещё до систематического изучения этого вопроса я искал свою половину беспорядочно. Через некоторое время я поймал себя на том, что заранее чувствую, что определённые женщины мне помочь не сумеют. Так была предвосхищена первая, самая распространённая группа. Потом, тоже на тонком, экстрасенсорном уровне, вторая. Потом обе эти конструкции в графическом почти виде уже хранились в памяти моего Пентиума. Потом отсеялась третья группа. Я почти перестал общаться с женщинами. Все женщины вокруг были бесплодны. Четвёртой, моей группы не было. Других не было тоже. Я уехал из Италии.

— Из Италии?

— Да, мне там было нечего делать. Я за километр и дальше «видел» конструкцию НСЧ (HRS — human reproductive system, если угодно). Видел, как хороший парапсихолог видит ауру. Там были «бесплодны» все. То есть моего anthropic interaction type не было.

— Стоп, стоп. Так Вы, хм, итальянец?

— Да, а почему, собственно...

— Ваш русский безупречен... а фамилия?

— Имя?.. когда я покупал паспорт, уже в России, оно не имело значения. Сказал: «Я — De Vitto», так и записали. Язык освоил за месяц. Это не проблема...

Да... во Франции бесплодны все. Но там я был недолго... когда появился у вас, я людей читал как звёзды... и Вашу жену «засёк» чуть ли не в Германии.

— Кого засёк?

— Я собственно потому и здесь, Иван Максимович. Уже два месяца...

— Похоже, она одна в Европе.

— Подожди. Стой. Нет. Ну-ка, давай. Говори -те.

— Когда я её увидел глазами, понял, что она и кто она, хотел сначала решить этическую сторону дела, но... в общем, лучше поздно, чем никогда (как говорил один русский старик, похоронив свою старуху).

- Что «поздно»?
- Я всё проверил. Эксперимент тоже был удачным. Всё получилось. И я могу орать как Архимед.
- Архимед?.. Где моя жена? Что с ней?.. Чёрт побери!
- Она... м-момент... она дома. Всё нормально. Она уже неделю беременна.
- Что-о?
- Так, Иван Максимович. Я понимаю, мораль, этика, брачные обязательства.
- Какое место Вы не поняли, что повторить, пояснить?
- Моя жена беременна от Вас? Вы в своём уме?
- Да, в своём. Да, от меня. Я её нашёл. Но она Ваша супруга. Потому я здесь. Прежде, чем что-то решать, я должен поговорить с Вами.
- Что решать? Вы что, сумасшедший?.. Или это я... Вы пришли ко мне сообщить, что моя жена мне изменяет? Тихо, не перебивать. Вы её любовник? Вы... да ты представляешь, чем всё это сейчас кончится?.. Господин Бл...
- Иван Максимович. Мы придём к оптимальному решению только в спокойной обстановке. Я бы не хотел решать эту проблему без Вас. Я уже здесь, Вы уже в курсе ситуации. Логичнее одержать эмоции, определиться с приоритетами и сделать выбор максимально удовлетворительный для обоих.
- Что Вы хотите?
- Вот это другой разговор... Итак, первое. Независимо от основной темы нашей встречи, я готов материально компенсировать моральный ущерб, Вами понесённый, от той первоначальной информации, которая вызвала впрыск такого количества адреналина в Вашу кровь.
- Первоначальной?
- Сколько стоит Ваш адреналин? Мне очень нужно, чтобы Вы взяли себя в руки.
- Первоначально. Да, конечно... Детей у нас нет, но даже если Вы правы, эта беременность... Неделю, Вы говорите? Откуда это Вам известно? Я Вам не верю. Это она Вам сказала?
- Я рад, что Вы стали говорить спокойно. Нет, не она. Скорей всего, она ещё не знает.
- А ведь она, действительно, немного не в себе. Вот тебе и любовь. «Любовь и измена, две вечных подруги»... Значит, смогла.
- Елену Сергеевну не в чем обвинить.
- Не Вам судить.
- Отнюдь. Если угодно, я докажу Вам её невиновность.
- Угодно! У-год-но! Извольте, господин, тьфу, Ядовитый.

— Я Вам очень признателен, Иван Максимович, что Вы предоставили мне теперь возможность проинформировать Вас о случившемся, рассказать о мотивах, обстоятельствах, последствиях и так далее.

Итак. Пункт первый: Елена Сергеевна. Она, действительно, не виновата перед Вами. Я не вполне обычный человек, многое могу. Не всё, но многое. Цель оправдывает средства, если помните. Но по жизни я максимально стараюсь не применять никаких экстраординарных мер без крайней необходимости. Вы понимаете? Крайней. Потому я и рассыпаюсь перед Вами в риторических фигурах, более того, потому я вообще здесь нахожусь. Но в случае с Вашей супругой, я, не мудрствуя лукаво, но, в то же время, по зрелом размышлении, сразу использовал свой арсенал. Как, впрочем, и в изучении русского языка. И не только русского, кстати.

Я её не обольщал. Я её использовал в научных и личных целях, максимально обезопасив чистоту эксперимента. Сейчас можно говорить о победе. Если даже пока ещё не мечты, но уж серьёзного этапа в науке, — безусловно...

Но, это предисловие. Ближе к телу, как говорится в русском фольклоре. Кроме научных целей, как я сказал выше, меня двигали вперёд мотивы вполне приземлённые. Кстати, всё-таки о науке. У Вас дети, как я «вижу», так и «не пошли», в смысле, не получились. М-момент... лет пять, нет чуть ли не семь. Но об этом потом. Иван Максимович, у меня к Вам предложение. Даже несколько. Возможны варианты, как говорят взяточники и квартирные маклеры. Может, Вы сами что предложите?

— У меня голова идёт кругом. Что Вы хотите? Хотя, Господи, это же очевидно. Вы уверены, что она беременна?..

— Да.

— Откуда?

— Я просто «знаю». Не отвлекайтесь. Итак, по порядку приоритетов, предпочтений (точнее). Я забираю Елену Сергеевну сейчас, Вы получаете satisfaction в виде... неважно. Далее, я присутствую в качестве... неважно, до рождения первого ребёнка.

— Что?

— Потом, потом. Далее... Иван Максимович, я обеспечен очень серьёзно. Возможен barter. У меня серьёзные возможности и кроме денег. Я могу сделать так, что она всё забудет, Вы забудете что угодно. I can solve your health problem, for example. You understand it. У Вас же есть проблема со здоровьем? А мне нужна дочь, науке нужна моя работа, в том числе описание всего процесса эксперимента. Я могу «потом» заняться Вашим аппаратом, кстати, у Вас III группа НСЧ — это вселяет надежду: я ведь не просто собирал материал. Есть результаты, идеи, etc...

Хотите, кстати, познакомиться с уровнем моих финансовых счетов? У Вас есть человек, чьёго слова было бы для Вас достаточно, чтобы поверить в мои возможности?

— Президент Швейцарского Банка.

— Я сейчас с ним свяжусь, и он замолвит за меня словечко. Вы его узнаете по голосу?

— Бог ты мой, конечно, нет. Это я от бессилия.

— Я, просто, «мог бы» расположить Вас ко мне, но... хотите... просто, для доверия к моим словам. Уделите мне ещё пять минут, и Вы будете без проблем читать отсюда вон ту вывеску у булочной. Кстати, «жучок» под левой тумбой, который я полчаса назад «отключил» вследствие конфиденциальности нашего разговора, можете... пониже, да, левее... неважно, чей... можете его сломать, выкинуть, что угодно... не отвлекайтесь. Ну что, делаем зрение? А потом Вы вспомните какого-нибудь знакомого банкира крупного или депутата...

А сейчас скажите своей секретарше, чтобы всю связь перевела на себя, и выключите всё, что можно, из электроники; чтобы мне меньше отвлекаться. Сядьте поудобнее. Закройте глаза. Всё хорошо. Не надо напрягаться, расслабьтесь. Вот оно... это сосуды виноваты. Та-ак, помягче. Зрачок... хрусталик... не надо пока, я сам. Вот и яблоко зашевелилось. Не открывайте глаза. Второй помнём, мышцы... чувствуете, как их размять? Да, да. Ну, как Вы утром потягиваетесь. Поняли, вижу, что поняли. А теперь сами. Прекрасно. У человека ресурс огромный, мы ещё не то можем. Вот так. Ещё раз. Горячо, да? Тепло. Посидите минутку...

А теперь слушайте. Бинобль брать в руки приходилось? Ну, сообщите. Сейчас Вы откроете глаза, будет — как под водой или в плохой бинобль. Не пугайтесь. Спокойно пошевелите, да, конечно, настройтесь. Ну, вот. Открывайте глаза. Смотрите сюда. Теперь за окно. Опять на близкое, далеко, сюда, туда... Вот и всё. Привыкайте. Это не предел. Будет ещё лучше. Что улыбаетесь?

— Не верится.

— Через неделю будет норма. Ваше естественное настоящее зрение. Иван Максимович, посидите пару минут, закройте глаза. Наши дела мы закончим позже. Обсудим детали. Можно втроём... Я ухожу. Расслабьтесь. Посчитайте до десяти. Это как несколько часов поспать. Удачи Вам...

— Инга, я освободился. Давайте телефоны на меня. Никто не звонил?

— По текущим вопросам, Иван Максимович, всё в обычном порядке. Ваше вмешательство не требуется. Звонила Елена Сергеевна, перезвонит.

- Спасибо, Инга, мой посетитель оставил координаты какие-нибудь?
- Какой, Иван Максимович? У Вас с утра никого не было.
- Что?
- Вы кого-то ждёте? У меня нет данных.
- Хм, ладно, хорошо...

Иван Максимович набрал номер охраны, повертел в пальцах кнопку «жучок» и медленно нажал клавишу «отбой».

ТЕЛЕПАТИЯ (Фантастический рассказ-быль)

Все знают, что такое боковое зрение. Вот я её этим самым боковым зрением и увидел. Сразу. Как только она вошла в троллейбус. И сразу же почувствовал на себе её взгляд. Что-то знакомое было в нём. И прежде, чем успел повернуться к ней, понял, что это не просто моя фантазия. Я это так явственно ощутил, что даже не удивился, когда почувствовал, что понимаю её мысли. И – что мысли эти обращены ко мне. Я представил её голос, конечно, он был божественно прекрасен.

– Не оборачивайся, – шептал голос, – сосредоточься на мне. Это телепатия. Попробуй передать что-нибудь. Как понял? Приём.

Во мне всё запело. Как, оказывается, это просто. Значит, мелькнуло у меня в голове, мы мыслим на одной волне. Но она-то должна была знать об этом – продолжал я – раз так смело сразу обратилась ко мне. Но обратилась-то мысленно, то есть без всякого риска. А я случайно понял. У меня дух захватило. Фантастика.

Все эти мысли пронеслись у меня в одно мгновение, а уже в следующее я восторженно телепатировал:

– Понял! Прекрасно Вас понял! – Я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть этот чудный Голос, рождающийся как бы во мне самом.

– Я знала, что ты поймёшь меня. Я не ошиблась.

– Откуда Вы? – Я весь трепетал от счастья. – Мне кажется, что я очень хорошо Вас знаю. Где Вы выходите?

– Мы выходим вместе.

– Боже! Какое счастье! Кто же Вы?

– Посмотри на меня, – ласковый голос слегка изменился, – стоишь, как каменный.

Я невольно повернулся и... едва устоял на ногах: рядом стояла моя жена и участливо смотрела мне в лицо:

– Вернулся? Где ты витал? Наша остановка. Возьми-ка сумку.

Смеркалось.

ДОМОВЁНОК

Здесь не подходит пословица «Заставишь дурака Богу молиться – лоб расшибёт». Герой этого рассказа дураком никак не был, да и лба, конечно, не расшибал ни в переносном смысле, ни тем более, в прямом. Для выпуклости картины кое-что сказать о нём надо. Звали его Ипполитыч, был он вторым механиком. На пароходе к описываемым событиям появился недавно, но освоился, заведывание знал. В экипаже мнение о себе сформировал довольно быстро – в море это неудивительно. В меру ленив, независим, надёжен. Это тоже не редкость среди моряков вообще и состава в частности. Росту он был небольшого. Хотя почему «был» – дай ему Бог и сегодня здравствовать. Чёрные волосы чаще всего были всклокочены. Вид его хорошо определялся прозвищем Домовёнок, данным ему капитаном Иваном Филипповичем. Курил много, алкоголь употреблял не зло. Для данного повествования, пожалуй, и хватит характеристик. Вахту Ипполитыч «тащил», естественно «собачью», т.е. с нуля до четырёх. Фамилия, кстати, у него была очень даже механическая – Шатун. Правда, на флоте эта деталь двигателя называется мотылём, тем не менее, фамилия вписывалась в этот колоритный образ вполне уместно. Доверием стармеха пользовался в обоих смыслах. Но до конфликтов не доходило, поскольку оба ценз имели солидный, да и, пожалуй, симпатизировали друг другу. Последнее обстоятельство обуславливалось и подкреплялось не только в ремонтах, но и в нередких нештатных ситуациях. Можно добавить сюда и личные качества, но это уже для тех, кто столкнётся с другими рассказами о Сергее Ипполитовиче Шатуне.

А на пароходе осень. Кончается октябрь 1998 года, кончается суббота, 30-е. В салоне журчит телевизор, на диванчике готовый к вахте Second Engineer. Это по судовой роли, а в просторечии – Второй. Сэкондом называли второго штурмана, но это, как говорится, другая история. В салон заходит Дед. Вот старшего механика как раз Дедом и звали, даже по трансляции, когда нужно было, к примеру, пригласить его на мостик. Чтобы увидеть Ипполитыча, ему пришлось обойти диван спереди. Экономный Второй, конечно, не спал (впереди четыре часа ходовой вахты), но поза была расслабленно-диагональная. Дед взглядом указал на часы:

- Серёга, ты ещё здесь!?
- Я уже здесь. Вот в каюте я был бы «ещё».
- А вахту тоже здесь будешь принимать?
- Так Вы же тут, – дипломатичный Шатун частенько переходил на «вы».

– Ой, доиграешься ты у меня. Давай, живо в машину. Не забудь часы перевести на зимнее время. Помнишь, как переставлять?

- На час назад.
- Во сколько?
- В три.
- Ступай, в журнале запиши. Да в мастерской марафет наведи.
- Иду. Палыч, кассета интересная – оставить?
- Иди уже, первый час.

– Всё, я в машине. – Старший механик посмотрел, что повариха оставила ночной вахте, выключил телевизор, ушёл к себе. За вахту в машине он был спокоен, но из педагогических соображений старался особой воли не давать. Поэтому и в мастерской велел порядок навести, зная, что море спокойное, курс постоянный, проблем не ожидается. Он представил, как Второй спустился в машинное отделение, прослушал с подножки каждый цилиндр, посмотрел температуру, как подтекают дейдвуды, что со вспомогателями, обошёл ГРЩ, потом почти явственно, как тот уселся в кресло, задрал ноги на конторку и... заснул. Последнее Дед представил без осуждения и без зависти, он-то знал, как легко засыпается, когда всё идёт в штатном режиме...

Утром в салоне он с удивлением увидел третьего механика. Тот виновато засуетился:

– Меня никто не разбудил, – ни слова не говоря, дед кинулся к трапу в МО. За ним торопливо зашлёпал Третий. Живой, но равнодушный шум Главных Двигателей усиливал тревогу. За шесть секунд спуска неприятных картинок пронеслось перед мысленным взором Деда не меньше дюжины. В кресле механика сидел неподвижный Ипполитыч с закрытыми глазами, ноги его лежали на конторке, он спал. Повернувшись на посторонний звук, он сдёрнул ноги с конторки, вскочил:

- Чего?
- Что «чего»? Время сколько? – все трое уставились на циферблат.
- Пол третьего, – пауза длилась как в «Ревизоре» Гоголя. Первым пришёл в себя стармех:
 - Ты сколько раз часы переставлял, несчастный!.. (это было единственное слово из нормативной лексики) – затем повернулся к Третьему:
 - Заполняйте журнал, завтракай и гуляй, а ты... – но говорить Второму Дед уже ничего не мог. Он развернулся, чтобы ни тот, ни другой не видели его перекошенного от сдерживаемого смеха лицо, привычно огляделся по сторонам и торопливо двинулся к трапу.

Страничка любительской поэзии
«Пишут ветераны»

Альбина
КУБАРЕВА

* * *

Вот и осень в Сестрорецк
С дождиком приходит.
Устало солнце землю греть,
Из тучки хмуро смотрит.
Но наш курортный городок
Мы любим и в ненастье,
Потому, что он для нас
Как островочек счастья.

Деревянным долго был,
Утопал весь в зелени,
Многим души он лечил
Спокойным ходом времени.
Но городок стал вдруг меняться:
В камень начал одеваться,
Зелень стала понижаться,
А крыши стали повышаться.

И быстро вырос в город он
Большой, кирпично-каменный,
Где стоят дома у нас
Не просто с адресом сейчас
А с именами личными
И очень необычными.

Где такой ты дом найдёшь
С названием «Муравейник»?
Где дом «Бастилия» стоит?
«На курьих ножках» где торчит?
Даже наша детвора знает эти имена,
Знают где стоят дома
От всех домов отличные
Ну очень симпатичные!

* * *

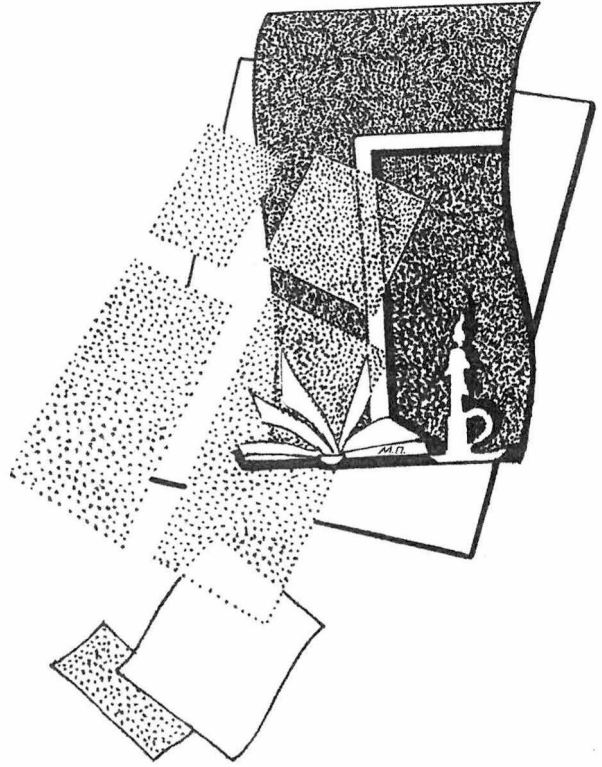
Мой Сестрорецк, моя родная гавань,
Тебе совсем не угрожает старость.
С годами ты растёшь и зеленеешь,
И нам несёшь покой и душу греешь.
Люблю тебя и снежною зимой,
В июльский зной

и в дождик проливной
И если дождик льёт и гром ужасен
Ты всё равно спокоен и прекрасен.
С времён Петровских
нам уверенность несёшь,
Что ты нас успокоишь и спасёшь.
И если годы возраст прибавляют,
То облик твой они лишь украшают!

Виктор
НИКИТИН.

УЛИЦЫ СЕСТРОРЕЦКА

Много мною хожено,
Много мною пройдено
По улицам родного
Сестрорецка моего.
По Воскова ходил, как на завод,
так и к вокзалу,
По Володарского в – «Сезон»,
По Мосина в Разлив до школы,
По Коммунаров и Григорьева,
вплоть до Андреева – в Курорт.
Ходил по Сестрорецкой, Лиственной,
Черничной, Полевой,
Любил гулять по Парковой
и улице Морской.

НАСЛЕДИЕ

Ушедшие имена

Николай ШЛИППЕНБАХ **Почётный гражданин города Сестрорецка**

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ НАШЕЙ РАЙОННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Николай Андреевич Шлиппенбах – был добрым гением нашей районной журналистики.

Много лет возглавлял газету «Сестрорецкий инструментальщик». Блокадник, подлинный петербургский интеллигент, патриарх ленинградской журналистики, он владел редким умением, находить красоту и смысл в привычном. Можно с уверенностью сказать: эти профессиональные качества настоящего журналиста возникли не на пустом месте, они следствие честно и правильно прожитой жизни, умения мужественно преодолевать тяготы и лишения, выпавшие на долю его поколения. Он пользовался большим авторитетом у жителей Сестрорецка как человек твердых нравственных принципов, большой внутренней культуры, высокой духовности.

Его перу было подвластно все. Он писал статьи про рабочих инструментальщиков также легко, как книги про своих родовитых родственников от петровских времен до наших дней. Живой свидетель эпохи, он собрал и опубликовал уникальные воспоминания про своего прадеда, руководителя самой крупной фракции в Первой Государственной Думе Ивана Петрункевича, про второго своего прадеда Михаила Бакунина, про выдающегося ученого академика Вернадского, близкого друга его дедушки, спасшего 14-летнего Николая после блокады. А воспоминания о Сергее Довлатове! А его исторические поэмы! Как же надо владеть слогом, чтобы так легко складывать слова в стихотворные строчки!

Красота, ум, интеллект, талант, нравственная культура и какая-то особенная породистость. Эти качества, собранные в одном человеке, не могут быть просто благоприобретенными. Их пестовали в себе, а потом передавали по наследству большое количество поколений российской интеллигенции, ставивших духовность и культуру превыше всего.

Именно после поражения шведов, его пра-пра-прадед генерал Шлиппенбах стал подданным Петра Великого.

Яркие представители бывших. Что же надо делать, чтобы воспитать таких же нынешних?

*Прессекретарь администрации Курортного района
Лариса ШЕЙМУХАНОВА*

ПОЛТАВА И ПЁТР ПОДАРИЛИ МНЕ РОССИЮ

отрывки из автобиографической повести

В том, что личность пылкого генерала почти за три столетия не поглотила «медленная Лета», мы, несомненно, обязаны Пушкину. Мало ли на Руси было генералов иностранного происхождения. Свидетельством тому – военная галерея Зимнего дворца в Петербурге. На портретах – мужественные защитники отечества. А многие ли из них на слуху в наше время?

Иная судьба постигла генерала Вольмара Антона Шлиппенбаха. И, стало быть – его потомков.

В поэме «Полтава» Александр Сергеевич Пушкин пишет:

Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах
Уходит Розен сквозь теснины,
Сдаётся пылкий Шлиппенбах.

Пушкину я обязан пробудившемуся в зрелом возрасте интересу к историческим личностям из числа моих предков. Все они связаны с Петербургом.

В те времена семьи, как правило, были многодетными. Потому родословное древо разделилось на несколько ветвей. Моя идет от пылкого генерала по мужской линии, и то я знаю о ней в основном из литературных источников. Родных я потерял рано. Фамилия наша в разгар репрессий 30-х годов сгубила моего отца. Да и мне впоследствии она не сулила особых радостей.

Помнится, в школе, еще до войны, не то в четвертом, не то в пятом классе, нам задали выучить наизусть отрывок из «Полтавы». Он начинался со слов: «Горит восток зарею новой...». Когда одного из учеников вызвали к доске прочесть этот отрывок, одноклассники, будто сговорившись, все повернулись в мою сторону. Я спрятался за своего соседа, прижавшись к парте. По детской глупости и наивности мне сдаваться вслед за моим пылким предком явно не хотелось. Но как избавиться от дружных язвительных насмешек? Будь то на перемене, я бы мог пустить в ход кулаки. А в классе...

В ту пору я еще не знал, что Петр Великий не принял шпагу у Шлиппенбаха. Не принял потому, что почитал его как своего учителя в ратном деле.

Генерал Шлиппенбах в 1700 году крепко потрепал русские войска под Нарвой. Урок «нарвской конфузии» послужил началу реорганизации русской армии по европейскому образцу. Петр I понял, что без регулярной армии при главенствующей роли артиллерии могущественную Швецию не одолеть. При Карле XII она была одной из сильнейших держав. По воле Петра даже колокола снимали с церкви и переливали в пушки.

Вскоре, после разгрома шведов под Полтавой, Петр буквально осыпал милостями генерал-майора (по шведской субординации чинов – генерал-фельдвахтмейстер) Шлиппенбаха. Присвоил очередное звание генерал лейтенанта,

назначил членом Военной коллегии Сената. Сохранил за ним, узаконив ранее не существовавший на Руси титул барона, и пожаловал земли в Курляндии по соседству с родовым имением его брата Густава Вильгельма Шлиппенбаха. Все это — в благодарность за «учебу» под Нарвой.

Царские милости были оценены как самим генералом Вольмаром Антоном Шлиппенбахом, так и его потомками. Не потому ли к их именам часто обращались писатели. Вспомним хотя бы роман И. И. Лажечникова «Последний новик». В нем подробно раскрыт характер Вольмара Антона, через письма показаны его взаимоотношения с людьми сперва на шведской, потом на русской службе.

Брат Вольмара Антона, по одним сведениям тоже генерал, по другим — полковник Густав Вильгельм Шлиппенбах, также не обойден литературой, как человек высокого долга и чести. Когда Петр Первый в 1702 году всей мощью новоявленного на севере флота неожиданно для шведов осадил Нотебург (ключ-город Шлиссельбург), комендант крепости Густав Вильгельм Шлиппенбах личной храбростью воодушевлял гарнизон. Крепость долго оборонялась. Но подчеркивалось в публикациях вовсе не это. Главенствовала назидательная для современников тема значимости слова дворянина. При взятии Шлиссельбурга (будем называть его так) Петр I, отдавая должное стойкости защитников крепости, позволил отпустить гарнизон под честное слово коменданта — не принимать личного участия в Северной войне.

Если бы сейчас так значило слово офицера! Вернемся ли мы к тому когда-нибудь!? А тогда данное комендантом слово спасло гарнизон от плена. Спасло многие семьи, проживавшие в городе-крепости. Сам же комендант, дорожа честью дворянина, удалился в свое родовое имение под Митавой.

В начале войны из-за немецкого созвучия фамилии Шлиппенбах нас чуть было, не выслали в 24 часа неизвестно куда. Мама тут же пошла к начальнику, подписавшему повестку, и процитировала Пушкина. Четыре строки из «Полтавы» спасли нас. Мы уже 232 года русские, уточнила мама, вызвав у начальника со шпалами на петлицах улыбку. Ободренная, она показала еще один документ. В нем значилось, что Анна Михайловна Шлиппенбах — урожденная Петрункевич-Бакунина.

Верой и правдой предки мои служили России. А началось все с Полтавской баталии. И крестным отцом той судьбоносной победы был, конечно же, Петр Великий. Судьбоносной для них, а по наследству и для меня тоже.

Полтава и Пётр подарили мне Россию

Я не мыслю себя вне России. Без ее берез, без полей и лесов, без ее северной столицы, в которой протекала моя жизнь. Мне в 90-е годы довелось побывать во многих городах Европы. Все они по-своему хороши и красивы. Но красота их чужая. Сравнение навело на мысль: многое обрели мои предки, чьей родиной стала Россия, с ее неповторимой культурой, искусством, литературой.

СКАЗКА
БЛОКАДНОГО ДЕТСТВА
(стихотворение в прозе)

Далеко, далеко отсюда,
Где зимуют птицы фламинго,
Где никогда не бывает снега,
Где ласково светит солнце,
А по ночам в небе загорается
Южный Крест,
Там, на берегу Зеркального озера
Высится хрустальный замок.
В этом замке живет
маленькая принцесса.
Она так хороша собой,
Что даже красавцы фламинго,
Нежась в водах Зеркального озера,
Подолгу любуются ею,
Наблюдая за веселой игрой
Сквозь прозрачные стены замка.
Замок настолько прозрачен,
Что никогда не бросает тени.
Он никогда не закрывает солнца,
А только окрашивает его лучи
В розовые, зеленые
и фиолетовые тона.
Да, он воздушен, мой замок.
Но я знаю, он не может рухнуть,
Как рушатся вокруг дома
От вражеских бомб и снарядов.
Этот замок воздвигнут моей мечтой,
А мечта нерушима!
Она согревает меня,
Когда нечем топить «буржуйку».
Она помогает не думать о хлебе,
Когда не думать о нем невозможно.
Она спасает меня от обстрела,
Унося из стен осажденного города.
Стоит только пристально посмотреть
На дрожащее пламя коптилки,
Как в темном замерзшем углу
Появляются очертания замка...
Еще лучше смотреть

на игру огня в «буржуйке».
Но после того как умер дедушка,
Мы топили ее всего один раз.
Мама бережет остатки шкафа
На самый, самый черный день.
Неужели дни могут быть еще чернее?
И так в черноту ушло все –
Комната, улица, город...
В окнах – фанера,
и ни единого стеклышка,
Ни единого светлого лучика,
И нет, нет больше моего дедушки!
Однажды, во время обстрела
Взрывной волной вышибло
оконную раму.
Так у нас неожиданно
появились дрова.
Уродливую пасть проема,
До ломоты обжигавшую холодом,
Мы заткнули матрацем,
Заложили тряпьем
И завесили ковровой дорожкой.
А давно ли я на ней
разыгрывал битвы
Оловянных солдатиков!
Это дедушка научил меня
Не просто попадать в них,
как в мишень,
А брать Карфаген,
Или осаждать древнюю Трою.
Теперь, без дедушки,
Даже хрустальный замок
Появляется как-то нехотя.
Чаще коптилка вырывает из мрака
Лишь пустое дедушкино кресло.
Он любил сидеть в нем и читать.
Я расспрашивал его о мифах,
Старинных историях и легендах.
Они то и наполняли жизнь
моего замка.
А медленная завораживающая
музыка,

Льющаяся из репродуктора,
Обостряла воображение.

Вдруг музыка смолкла.
Завыла сирена, застучал метроном.
Ночью страшно на пятом этаже
Опустевшего дома.
Но спускаться впотьмах
По обледенелым
от расплесканных ведер
ступенькам?!

И мы перестали ходить в убежище.
Не раздеваясь, я ныряю в постель
И впиваюсь глазами
в яркое пламя «буржуйки».

И вот, наконец, разлилось
в тревожной ночи

Южное теплое солнце.
Хрустальные стены и башни,
Отражаясь в воде, засверкали
Многочисленными
цветными огоньками.

Из замка
в ослепительном белом наряде
Выходит маленькая принцесса.
Она очень похожа
на знакомую девочку Дидю,

С которой мы играли в крокет
В последнее довоенное лето.

Перед принцессой преклоняет колена
Целая свита блестящих рыцарей.

Кого же из них на турнире
Долже буду повергнуть я?
Но почему так грохочут их латы?

А-а! Мне мешают зенитки.

Я укрываюсь с головой и вижу как,
грациозно изогнув шеи,
Фламинго приближаются
к принцессе,

И слышу как учащенно,
будто в такт метроному,
Бьется мое сердце...

С тех пор прошло много лет.

Время отдаляет от нас
Не только события, но и образы.

Оно стирает детали,
Обнажая костлявый,
перекошенный от голода

Страшный лик блокады.

Он довлеет

над хрупкими

воспоминаниями детства,

Отравляя и искажая их.

Я несколько раз брался за перо
В надежде продолжить свою сказку.

Далеко, далеко на юге,
Где зимуют птицы фламинго,

Где ласково светит солнце,

А по ночам в небе загорается

Южный Крест...

Но что это? Крест наплывает на меня,
Чернеет и заслоняет собой

все пространство!

Огромный черный крест

нависает над городом,

И опять взрывы бомб, вой снарядов,
ужас смерти —

Все, от чего мне едва

удавалось укрыться

За стеной детского воображения,

Начинает преследовать меня

в мирной тишине.

И я не знаю, что случилось

с моей принцессой.

Сказку, и ту изувечила война!

Отрывок из поэмы
«ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ»

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Не гром на поле. Куликовом,
Раздался стук и звон мечей.
О латы павших бьют подковы...
Крик, стоны, ржанье, храп коней..
Зверь, птица — все бегут поспешно.
От страха съежилась трава...

Засадный полк роптал, конечно,
Таясь в кустах за склоном рва.
«Мы здесь сидим, а наших рубят!
Какой от выжиданья прок?
Пора! Иначе поздно будет...»
«Не время, — говорил Боброк. —
Татарам мы ударим в спину,
Кода прорвутся нашим в тыл.»

А на холме с крутой вершины
Мамай за битвою следил.
Теснят к излучине Непрядвы
Его батыры русский полк.
Туда еще один отряд бы,
И грозный полк навеки б смолк!
Жмут русов и на левом фланге.
С холма всё видно. Холм высок...

На левом фланге, как приманка,
Стоял под знаменем Бренок.
Конь белый издали приметен.
Бренок на княжеском коне
Врага ударом смелым встретил.
Он жизнью рисковал вдвойне.

Князь на виду его поставил,
В свои одежды облачив.
Со всех сторон татары давят.
Рубись Бренок,
покуда жив!
Покуда жив ты, рать не дрогнет.
Ты тверд, и тверд у рати дух.

Ты здесь за князя,
помни,
помни!
Не выпускай меча из рук!

Бренок уже отбил немало
С дружиной княжеской атак.
Но вот беда, тут знамя пало —
Дурной на поле боя знак!
Он развернул коня, и знамя
Поднял с земли на всем скаку.
Вдруг стон прошел по полю брани...
Копье пронзило грудь Бренку!..
Стонало поле Куликово.
А тот, кто думали, погиб,
В кольчуге воина простого
Врага без устали разит.
На князя четверо напали.
Но яро отбивался он.
Ему на выручку скакали
Матвей и Вера с двух сторон...

Пыль в небо поднялась клубами
От крови хлюпала земля.
«Что полк засадный сгинул в яме?
Сидеть там более нельзя!»
С тревогой смотрят воеводы:
Редуют русские полки.
Татары в тыл заходят с брода.
Полклевой окружен руки.
«Теперь пора!» — Свой меч булатный
Над головой поднял Боброк.
И в бой рванулся полк засадный,
И сзади на врага налег.

Мамай победу предвкушая,
Уже подсчитывал барыш.
Позолотит в своем Сарае
Он кровлю всех дворцовых крыш.
И быть Руси под вечным игом
Великой Золотой Орды...

Но чья там лошадь взвилась дыбом?
Кто мнет татарские ряды?

Чей меч по вражьим спинам пляшет?
Кто в гуще боя смел и лих?
За Русь, за вдов,
за братьев наших
Боброк дерется за троих!

Матвей теперь по воле князя
На сече бабу опекал.
Ей сбили шлем. Димитрий сразу
Уловку Веры отгадал.

Отрезанным, им было туго.
Враг всё тесней кольцо сжимал.
На князе порвана кольчуга
И щит под копьями трещал.

Два лучника, как ягуары
Вцепились Дмитрию в бока...
Но тут, круша татар, ударил
Кулак засадного полка!
И обстановка изменилась.
Удар, князь видит, свежих сил,
Пока втроем в кольце рубились,
Исход сражения решил.
Рванул Мамай с холма крутого
Его и ветру не настичь!..

Не гром над полем Куликовым,
Победный раздается клич!..

День гас. В слезах росы багровой
Поник над павшими тростник...
И вдруг к себе, на Куликово,
Пугливый прилетел кулик.
Сеча – падению ига предтеча –
Всем пути уготовила к выси.
Путь Дмитрию – к славе вечной,
Матвею – к встрече с Василисой,
А Вере – с дорогой сестрой.
У кметов – свой для выси знак:
Князья их жалуют землей.
Ликует Русь. Повержен враг!
– Прах Олександра Пересвета
В Москве земле предаю я сам. –

Князь молвил. – Иноку и кмету
Я почесть должную воздам.
Пока о нем святая память
В веках грядущих будет жить,
Руси цвести, делами славить
Себя в миру. Сему да быть!

Ольга РАСТВОРОВА

Почётный гражданин города Сестрорецка

ГРАЖДАНИН И ПОЭТ

Ольга Григорьевна Растворова – родилась в Ленинграде в 1933 году в семье ленинградских интеллигентов. Привитый родителями интерес и любовь к своему родному краю, к поэзии, искусству в дальнейшем помогли совсем ещё юной девочке в стихах и рисунках рассказывать о впечатлениях и ощущениях предвоенной поры и блокадного детства. К началу блокады Оле было восемь лет, а через год её увезли на Большую землю. Позже, уже взрослым человеком, Ольга Григорьевна составила мемуарный сборник «Память о блокаде», в который вошли её воспоминания о жизни в военном городе, рисунки, сделанные в то время, собственные детские стихи.

Закончив школу и ЛГУ, став учёным-биологом, кандидатом наук, доцентом, почти полвека преподавая на кафедре почвоведения в родном Санкт-Петербургском университете, Ольга Григорьевна не переставала писать стихи, посвященные Петербургу и его окрестностям, о любви и смысле жизни.

В 1985 году Ольга Григорьевна Растворова переезжает в Сестрорецк, где начинается новый период её жизни. Она становится активным историком-краеведом, поэтом-краеведом. Ольга Григорьевна Растворова пишет первую в истории Сестрорецка монографию, посвященную парку Дубки. При этом соединились самые разные грани её таланта: известного учёного-почвоведа, краеведа-историка и художника.

Именно здесь она находит свой, неповторимый и ни на кого не похожий художественный стиль - живопись на гальке. Обычные камни становились в руках мастера подлинными шедеврами, только она видела невидимые равнодушному взгляду полоски и трещины, которые превращались в её руках в животных и людей, пейзажи и сказочные сюжеты. Работы Ольги Григорьевны выставлялись на многочисленных персональных выставках в музеях Петербурга, Выборга, в библиотеках Сестрорецка, Зеленогорска. Ольга Григорьевна Растворова была лауреатом разных всероссийских и международных художественных конкурсов.

Так получилось, что переезд в Сестрорецк совпал в жизни Ольги Григорьевны с главной встречей её жизни, главным и самым огромным чувством. И, конечно, это нашло отражение в её стихах. Её стихи становились гимном

красоте и гармонии, родному краю. Её стихи о парке Дубки стали, пожалуй, лучшими из всего, что было написано об этих местах. Она написала стихи про озеро Разлив в разные времена года, про знаменитую Шипучку, поистине выдающиеся стихи о деревянной архитектуре эпохи модерна, проникновенные стихи-летописи о прошлом Сестрорецкого Курорта. Ольга Григорьевна Растворова написала даже гимн города Сестрорецка, который время от времени звучит на праздниках в качестве одного из вариантов городского гимна. Ольга Григорьевна Растворова была не просто членом поэтического клуба «Лукоморье», но его душой и совестью.

Среди многочисленных талантов О. Г. Растворовой были и музыкальные способности: она пела в хоре «Надежда», исполнявшем немецкие песни, практически всегда в её собственных переводах.

О. Г. Растворова была почётным членом краеведческого клуба «Сестрорецанин». Она много работала как краевед-историк и журналист. Практически ни один сборник, посвященный Курортному району и Сестрорецку, не обходился без публикации её материалов. Она пропускала через себя, своё ощущение истории публикации и многих краеведов и историков.

Про О. Г. Растворову можно сказать, что человек ушёл на взлёте. У неё осталось много не завершённых замыслов, недописанных книг о парках Петербурга и его окрестностей, была задумана новая книга о Дубках и многое-многое ещё.

С полным правом можно сказать, что О. Г. Растворова была поистине уникальным человеком и для Сестрорецка, и для Петербурга, и для России. Для нас была большая честь работать и общаться с этим необыкновенным человеком.

**Фотограф, краевед
Виктор ФЁДОРОВ**

**КАК НАЧИНАЛСЯ
СЕСТРОРЕЦК**
(*Сентябрь 1714 года*)

В анналах российской истории
Означен такой эпизод:
После Гангутской виктории
Шел к дому петровский флот.

Берег Карельский далёкий
Снова был нашим, как встарь.
Земли вдоль Сиестари-йоки
Оглядывал с палубы царь.

На траверзе Котлина-острова
В глазок подзорной трубы
Увидел он долгий, острый
Мыс, где росли дубы.

«Быть здесь моей усадьбе!
А рядом — завод построю!»
И было это как свадьба
Петра с рекою Сестрою!

Сказал он; «Сестра-сестрица!
Смородинная вода!
Довольно быть шведской границей!
Ты будешь моей всегда.

Ты прежнее финское имя
Теперь забудешь, река.
И струями будешь своими
Работать в моих станках».

И через большую плотину
Пошла река, покорясь,
И сталь Петру воплотила
В сабли, штыки, якоря.

И в то же десятилетье
Возник на Дубовой косе
Наряден, высок и светел
Дворец в молодой красе.

Крышу его венчали
Стройная башня и шпиль, —
Их с кораблей замечали
В море за много миль.

Сияла в домовом храме
Из Троицкой церкви икона —
Чтимый всегда моряками
Образ святого Николы.

И красовался над гаванью
Многооконный фасад.
В раму каналов оправленный,
Цвел регулярный сад:

Газоны, партеры, аллеи,
Увитые зеленью арки.
А в залах, для ассамблеи
Камины пылали жарко.

И в памяти незабытым
Останется тот дворец,
Который построил ван-Звитен,
Скромный голландский творец

...Исчезла эта картина:
У Балтики норов суровый.
Свирепые волны и льдины
Разбили усадьбу петрову —

Но всё еще видимы глазу
Голландского сада каналы.
Терраса, что строил Алмазов,
Три века почти простояла.

Дубов поредевших стража —
В мудрых морщинках кора —
Тому, кто захочет, расскажет
Про славное время Петра.

МОЙ СЕСТРОРЕЦК

Большой водою с двух сторон
Мой светлый город окружён,
И может тот, кто в нём живет,
Глядеться в зеркало двух вод.

Одна вода была всегда,
Другая — рукотворна:
Из топи блат она сюда
От рек Сестры и Черной
Пришла, Петру покорна.

Широким озером легла
За прочною преградой,
Чтобы петровские дела
Вершились здесь, как надо.

Мой город ядра-пушки лил,
Знавал морскую драку,
Дворцом нарядным веселил
Державного гуляку,

Брега крепил, сынов растил,
А кто здесь только ни гостил!
Здесь живы древние дубы —
Свидетели эпохи.
...Но повороты у судьбы
То хороши, то плохи.

У города неровный шаг,
Как и у всей державы.
Но вот на въезде — добрый знак
Былой и новой славы:

Вздымаясь, будто паруса
Невиданного флота,
Встают дома под небеса,
Поднявшись из болота!

Большой водою с двух сторон
Легко и ясно отражен,
Стоит Петром рожденный град —
Большому граду малый брат.

СЕНТЯБРЬСКАЯ МОЛИТВА

Воздух осенний ясен.
Клёнов румянятся кроны.
Господи, как же прекрасен
Мир, Тобой сотворенный!
Он золотой и синий.
Солнце недавно встало.
Плавит нежнейший иней
На потемневших шпалах.
На Сестрорецкой ветке
Вновь отдыхают рельсы...
Так электрички редки —
Просто хоть сядь и грейся.
В час благодарной молитвы
Смолкли звуки земные.
Только синиц деловитых
Слышатся позывные.
Слава Тебе, о Художник,
Так изукрасивший листья!
Боже, позволь, если можно,
Быть мне Твоею кистью.
Чтобы, благоговея,
Долго еще могла я
Рисовать, как умею,
Царство Твое прославляя!
Ещё прошу Тебя очень:
На время, что мне осталось,
Продли золотую осень —
Продли мне бодрую старость!

В КРУГОВОРОТЕ ВЕЩЕСТВА

Все мы — камень, человек из плоти,
Зверь в лесу, осока на болоте,

Даже почва на любой породе-
Звенья мы в одном круговороте

Вещества в космическом быту.
В этом стоит видеть красоту!

**ДОМА –
РОВЕСНИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

*Виктору Федорову,
создателю галереи «портретов»
уходящих домов Сестрорецка*

Свет белой ночи, зыбкий и неверный.
Вот будто улица... фонарь... аптека...
Изысканные здания модерна –
Живой привет Серебряного века.

Вот башенка,
вот свод криволинейный.
Асимметричные проёмы окон.
Как гибкий хлыст,
танцует лист лилейный
В перилах лесенки,
взбегающей на цоколь.
Причудливы, загадочны, как прежде.
Молчат дома.

С достоинством ветшают.
Они ещё стоят на побережье,
Но мало что собою украшают.
Всё меньше их и меньше
с каждым летом.
Утраты провожаем горьким вздохом.
Спасибо, что хотя бы
есть **ПОРТРЕТЫ!**

Они хранят ушедшую эпоху
Причуд, капризов,
милых стилизаций.
... Ах, мне бы в той эпохе оказаться,
На берегу, где волны и песок.
Где с Кузминым и Пястом
бродит Блок!

ЯЗЫК МОЙ

Язык мой, кто ты, что ты для меня?
И что ты значишь
для стихосдоженья?
Нелёгкий способ самовыраженья.
Ты вроде непокорного коня.

Как приручить тебя, как обуздать,
Как превратить мученье в благодать?
Тобою говорю, пою, пишу,
С тобой в едином ритме я дышу –

Мой враг, мой друг,
любовник и палач,
Мой грех и покаянье, смех и плач,
Мой стон и песня, мой недуг и врач,
Залог моих удач — и неудач.

Моё второе Я – вот кто мне ты!
Спаси меня, Господь, от немоты...

ПЛАНЕТА

Давно узнали люди, что планеты
Сияют только отраженным светом.
Планета я. Любовь моя бедна.
Без твоего тепла я холодна.
И даже в те счастливые мгновенья,
Когда я чуть теплей и чуть нежней,
Я радуюсь лишь твоему волненью.
Взволнована лишь радостью твоей.
Ты Солнце – я Луна,
ты свет – я отраженье света.
Ты даришь мне тепло, –
я им согрета.
Планеты только возле звезд горят
И их, как я тебя, благодарят.

БУЕРА В РАЗЛИВЕ

(НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ)

Когда-то мы тут видали
Почти у любого двора:
Укрыты брезентом, дремали
В мечтах о зиме буера.
Им белое снилось раздолье
И гладкий разливский лёд,
Под парусом треугольным
Неудержимый полёт.
Им снился ветер отчаянный,
Трепещущий в небе вымпел,
Родная рука хозяина,
Державшая крепко румпель.
Им снилось: в крутом бейдевинде
Обходят они островки.
Где серые в белом инее
Стеною стоят тростники.
Состарились их владельцы —
Разливские ветераны.
Сыны? Но у тех — «мерседесы»,
А внукам — подай «бураны».
Как редко теперь по Разливу
Бегут паруса косые...
А может, мы были б счастливей
С той парусной, прежней Россией?

* * *

...Пожар войны давно погас.
Давайте, просто молча встанем
И тех, кого уж нет среди нас,
Мы с благодарностью помянем.
А тем, кто здесь, среди живых,
Давайте будем, не жалея,
Дарить тепло сердец своих
Не только в даты юбилеев,
А каждый день и каждый час.
Ведь это чудо, просто чудо,
Что ветераны возле нас.
Так пусть они подольше будут!

ОЖИВШИЕ КАМНИ

Живых камней полно
на наших пляжах,
Но тайна их известна только мне:
В руке согрей
и краской чуть помажь их —
Ну вот, они и ожили вполне.
Жизнь потаённая легко и сразу
Теперь откроется любому глазу:
Нездешних женщин дивная краса,
Пушистой кошки яркие глаза,
И неуюпожесть толстого щенка,
И лик святой, и мудрость старика,
О, Господи! Пока жива, я буду
Благодарить Тебя за это чудо!

РИСУЯ ПОРТРЕТ ЗОЦЕНКО

Как выразительно лицо у Зоценко!
Рисуй, казалось бы,
единым росчерком
Изящный этот облик аскетический.
Иронию улыбки саркастической.
Бровей и век графичные штрихи.
Его лицо прекрасно, как стихи.
Но нет, не хватит у меня отваги
Коснуться кисточкой листа бумаги,
Тревожить дилетантскою рукой
Писателя трагический покой.
Совсем иное дело — камень с пляжа.
Он, камень,
сам руке моей подскажет,
Где ставить острёе карандаша:
Ведь в камне том живет ЕГО душа.
Я вглядываюсь в серые кристаллы,
И вот уже всё различимо стало,
На камне место для всего нашлось:
Вот темное крыло его волос,
Нос, узенькая переносица —
Лицо теперь само из камня просится!
Вот скорбный рот,
а вот весёлый глаз.
И с камня смотрит Зоценко на нас!

СЕСТРОРЕЦКИЙ ЛЕБЕДЬ

А вы помните чудо,
 что было минувшей весной?
 Красноклювый шипун
 прилетел в полынью на заливе.
 Две недели там жил,
 одинокий, почти что ручной,
 Плавал белой ладью
 и шею клонил горделиво.
 Королевскою милостью
 нас он порой одарял,
 Подплывая вплотную
 и пишу беря понемногу.
 Белоснежные крылья свои
 широко растворял
 Или, стоя на льду,
 клювом нерья упругие трогал.
 Раньше жил он, наверно,
 в каком-нибудь парке с прудом.
 Но почудился зов
 пролетающего каравана, —
 Он на крыльях отвыкших
 в дорогу пустился, да рано:
 Только эта вода и нашлась,
 окруженная льдом.
 Потеплело однажды.
 Туман опустился густой,
 И в тумане гагакали
 стаи гусей пролетавших,
 Окликая друг друга,
 спеша, призывая тставших,
 И наш лебедь пропал:
 полынья оказалась пустой!
 Как тревожились мы! Улетел?
 Или, может, погиб?
 Был доверчив он к людям —
 опасно такое доверье!
 Но спокойными были
 следков треугольных круги,
 На снегу не нашли мы
 ни капельки крови, ни перьев.
 Вновь сменилась погода,
 и северный ветер задул.

Молодая весна
 в наступленье урочном запнулась.
 И увидели мы:
 наша белая птица вернулась!
 На краю полыньи,
 как и прежде, стояла на льду.
 А за мысом увидели
 много других лебедей.
 Тоже белых и тоже прекрасных,
 но вида иного:
 Кликунов.
 Желтоклювые
 не принимали чужого,
 Да шипун к ним и сам не хотел
 в одинокой беде.
 Так в глазах и стоит:
 эта синяя яркость воды,
 Белоснежные льды,
 белоснежные гордые пти-
 цы. Для кого-то настали
 счастливых гнездовий труды,
 А кому-то пришлось
 с одиночеством горьким смириться.

ГЛАЗА ВЕСНЫ

Еще вчера весна была незрячей.
 Томились под землей слепые сны.
 Но первые цветы — глаза весны
 Раскрылись вдруг
 на солнышке горячем.
 Как маленькие солнышки желты,
 Они взошли из талой бурой жижи.
 Спасибо вам, отважные цветы,
 За то, что мир я по-другому вижу.
 Пусть где-то снег,
 пусть на заливе лёд
 И бел, и толст, — иные рыбу ловят.
 Но всё же видно: лето к нам идет!
 Волшебница Весна его готовит.

Виктор КУЛАКОВ

«Я ВАМ РАСПАХИВАЮ ДУШУ...»

Судьба поэта Виктора Кулакова связана с Армией, еще мальчишкой, сбежав на фронт, он прослужил более тридцати лет в Вооруженных силах России. «Вся жизнь моя - передний край!» - отмечает поэт. И все-таки в тяжелые трудные дни войны его рука потянулась к перу. Это были патриотические, военные стихи. И только потом зазвучали стихи о любви к женщине, к природе, к родному краю, к любимому Сестрорецку. «Люблю мой город тихий и зеленый.» Он всегда жил и служил Родине, своему народу. Натура деятельная, кипучая, энергичная, он всегда стремился что-то организовывать: литературно-поэтическое объединение «Сестра», работал в обществе «Знание», в ветеранской организации. Но силы были на исходе, и, словно, предчувствуя свой уход, он написал: «Я не боюсь последнего звонка,

Жалею, что последней будет строчка.

Угаснет мысль. Не сможет даже точку

Поставить ослабевшая рука.»

Но жизнь поэта - в его стихах и пока мы помним его стихи, он живет в наших душах, в наших сердцах, в нашей памяти...

*Депутат Муниципального совета г.Сестрорецка
М. М. ДЕРЕВЯНКО*

МОЙ СЕСГРОРЕЦК

Рассветной новью города горжусь
И прошлой оружейной
ратной славой.

Я воздухом твоим не надышусь,
Родным зову по совести и праву.

У пляжей здравниц ластится залив,
Мне охлаждаая икры ног и плечи.
А ленты улиц свесились в Разлив,
Встречая светлоликий летний вечер.

Ласкают зори дивных перемен,
Дубов петровских восковые кроны.
Я не приемлю ничего в замен
Люблю мой город, тихий и зеленый.

Умчал в легенду полдень голубой.
Закатный ветер песни счастья будит.
Одной семьёю и одной судьбой
Живут у нас улыбчивые люди.

Способны ль мы достичь иных высот
Найдутся ли надежные гаранты?
Здесь столько неизведанных красот,
Здесь столько
неразбужденных талантов!

Рассветной новью города горжусь,
Дубковским парком,
тишиной, уютом.

Я воздухом твоим не надышусь,
Не налюбуюсь праздничным салютом!

ПРОГУЛКА

Я радуюсь прогулке ежедневной
Вдоль озера, по лесу, к шалашу.
Бодрит и вдохновляет этот древний
Уютный край. Живу им и дышу

Край чилых вод,
край косаря-чухонца.
Разительных и броских перемен.
Я здесь встречаюсь
и прощаюсь с солнцем
И не желаю ничего в замен.

Я трогаю ольховые сережки,
Ласкаю взглядом золото листа.
Асфальтовые чистые дорожки
Приятственными делают места.

Я слушаю бессонную округу
И рокот нестихающей волны
Мне кланяются елочки, как другу,
Непознанными тайнами полны...

А рядом шепчутся сосеночки
с березкой.
О чем они? А может быть о Нем? Как
Ок писал – размашисто и броско,
Склонившись
над погаснувшим огнем.

Я постою минутку у причала,
Потом пойду в «зеленый кабинет».
Мне видится тревожное начало
Тех грозных, сложных,
непокойных лет...

Резвятся утки в синеве протоки.
Разлив притих. Спокойно. Ни души.
Широкий плес в туманной поволоке
Сжимают полукругом камыши...

Я озираюсь на знакомом пляже,
Куда меня аллея завела.
Вдруг выйдет Он ко мне
и мягко скажет:
«Ну-с, батенька! А как у вас дела?»

ДОРОГА

Сереет в сумерках дорога,
Скрываясь в черноте травы.
Петляя то у кромки стога,
То у курганной головы.

То к речке жметя неумолчной.
То забредет в глухую падь,
То слушать плеск воды проточной
Вернется к берегу опять.

То плещет в луже месяц ржавый,
То упирается в утёс
Суровой статью величавый,
То мчит бездумно под откос.

То огибает домик спящий
В колючей тишине окраин,
То напролом спешит сквозь чащу,
Дразня меня богатством тайн.

Бегут колёса в путь далекий,
В нездешний, неоглядный край,
В край песенный и синеокий –
Ты только скорость выбирай.

СУДАРЫНЯ

Я в автобусе назвал
Женщину сударыней.
А в ответ словесный шквал:
«Вовсе я не барыня!

Я тебе не кто-нибудь
Я не деревенщина!
Слово это позабудь.
Я – простая женщина».

Я не стал права качать.
Сложный быт подарен ей
Но хочу я величать
Женщину СУДАРЫНЕЙ!

ЖЕНЩИНЕ К 8 МАРТА

Для нас денек совсем не прост:
Вселенский праздник – и не меньше:
Я поднимаю этот тост
За милых, нежных,
славных женщин!

Ты для меня – иных нет слов! –
Советчик, друг, луч яркий света!
В тебе весь мир! Твоя любовь –
Источник жизни! Ты – Планета!

Твой приговор и прав, и скор,
Твоя верна земная лоция.
Ты – мой судья и прокурор.
Платон, Сократ и Песталоцци.

Печаль моя, души тайник,
Сестра надежды, явь хмельная.
Ты – мной не выпитый родник.
Презренна мне судьба иная!

Блаженства миг, года утех
Сулят твой взгляд и стройный стан.
Ты для меня – и боль, и смех,
Мой недочитанный роман!

Денёк, как видите не прост..
Скажу, что думаю, не меньше;
Прошу поднять со мною тост
За всех любимых нами женщин!

* * *

Расплескались солнечные блики
По озерной зелени воды.
Вижу у росистой голубики
Свежие звериные следы.
Я люблюсь золотом рассвета,
Льющимся в березовую падь.
Верю: надо быть большим поэтом,
Чтоб всю эту прелесть передать.

Игорь ЗАПАДАЛОВ

ЛИТЕРАТОР-КРАЕВЕД

Журналист и литератор Игорь Западалов долгие годы жил в Сестрорецке. Творчество его многогранно, но любимому городу и его истории он посвятил не мало поэтических строк. В представленной публикации – путешествие в прошлое. Путешествие это – синтез лирико-краеведческого справочника.

Для несения высокой стражи в чертогах муз требуется, как свидетельствует творчество Западалова, особое видение мира, на мой взгляд, во многом родственное тому, которое в свое время определил один из блестящих и не оцененных до сих пор мастеров «серебряного века» Владислав Ходасевич: «Надо, чтобы наше поэтическое прошлое стало нашим настоящим и в новой форме – будущим».

СЕСТРОРЕЦКИЙ ЛЕВША

Летом 1878 года на даче в Сестрорецке писатель Н.С.Лесков познакомился с помощником начальника местного оружейного завода Н.Болотовым. Героев своих будущих произведений Николай Семенович находил, как правило, в жизни. Так в творческом воображении писателя постепенно вырисовывался образ мастера-самоучки, талантливого оружейника. Описания многих «секретов» умельцев-сестроречан, поведенные Болотовым Лескову, например, о способах придания особого блеска оружию, нашли свое отражение на страницах его произведений. Так что, «Левша» родился отнюдь не на тульской земле, а на сестрорецкой.

*Член Союза журналистов
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
Пётр КОТОВ*

СЕСТРОРЕЦКИЙ ЛЕВША

О, когда на березе свой клюв,
 словно флейту, вздымая,
 Напряжет себя в трели
 залетный знакомый скворец,
 Я к тебе приезжаю
 в апреле иль в солнечном мае,
 Город вешних разливов
 и славных легенд, Сестрорецк!

Здесь кирпич заводской
 источила истории копоть.
 Звонкой зелени взрывы
 пронзительны, словно картечь.
 Корпуса мастерских в котловане,
 как будто в окопе,
 О делах оружейников
 держат правдивую речь.

Это сказ про Левшу и блоху,
 про народную нашу натуру,
 Англичанин-мудрец утверждал,
 что наш русский мужик
 Любит штык-молодец
 и хулит пулю-дуру,
 Что в баталиях новых
 он к старой дубине привык.

Только странно тогда,
 как звонарь
 с Петропавловской церкви,
 Что стояла над взморьем
 на самом высоком холме,
 Возвестил на весь мир
 о российском большом фейерверке
 В честь победы над шведом
 на море и на земле.

Только кажется казусом
 мало тогда вероятным:
 В дни, когда Севастополь
 пальбы ураган сотрясал,
 Восвояси ушла от Дубков

англо-франков эскадра,
 Ядра в злости бессильной
 в прибрежный песок разбросав.

Жил Левша, это правда,
 в холерном бараке валялся,
 Темен был, как руда или порох,
 в рубахе скреб вшей,
 Но за что б он рукою любой,
 даже левой, не брался,
 Выходило ладней,
 чем у самых хваленых правшей.

Всех правшей заграничных,
 всех наших домашних, столичных,
 Олонецкий,
 теперь сестрорецкий, мужик
 Мог за пояс заткнуть на народе,
 публично и лично,
 Им, как мастер своим подмастерьям,
 салазки загнуть.

Самородков российских
 не меркнет в ненастие слава,
 И в тяжелые годы
 не стал мастерству их конец!
 Вот зачем приезжаю я
 слушать родные октавы
 Твоих трелей,
 прилетный знакомый скворец!

В ДЮНАХ

Времен Андреева и Горького
 И горькой дружбой тех времен
 Стоят здесь дачи над пригорками,
 У каждой башенки балкон.
 За их резьбою деревянною,
 Мозаикой цветной стекла
 Жизнь удивительная, странная
 В начале века протекла.
 Здесь жили модные писатели

* * *

БАБОЧКА

Утомленный за годы войны
Я безумно хочу отдохнуть.
Вместо шума прошу тишины,
В сутки жизни — минуты уснуть.

И лежать у тебя на груди,
Песни сердца внимать в полусне,
Слышать вечное «Жди меня, жди.
Прижимаясь тесней и тесней.

А затем вдруг услышать вдали
Половецкие пляски и сечь,
Над врагами во имя любви
Обнажить свой сверкающий меч,

Содрогая и землю, и твердь
Вдаль, тебя вспоминая, идти,
Чтоб с победой, осиливши смерть,
Вновь уснуть у тебя на груди.

ИСТОЧНИК

В тенистой ложбине оврага,
В низинке, укрытой леском,
Струится прохладная влага,
Играя промытым песком.

Вдали от житейской шумихи
Не грех на колени здесь встать,
Коснувшись струи этой тихой,
Людское спасибо сказать.

Считать родниковую воду,
Подножный источник питья,
Должны мы намеком природы
На высшую цель бытия.

Даря и покой, и отраду,
Исчерпать добро не спеша,
Вот так же щедра и богата
Должна быть людская душа.

Бабочка на лист блокнота села.
В бабьем лете — внесезонный гость.
Но не зря однако прилетела:
Как сияют все кольчужки тела,
Как сжимает крылышки несмело,
Солнцем просветленные насквозь.

Видно, дело у нее к блокноту:
Туча из-за тучи хмурит лик,
В сентябре изменчива погода,
Нынче солнце, завтра же банкротом
Станет лето, и прощай пикник,

На ковре из пожелтевших листьев
Станет столько пышной пестроты,
Станет день и пасмурней
и мгlistей, —
Бабочка, куда подашься ты?
Осень ведь в сто раз тебя цветистей!

Крылья листопада-конкурента
Посильней твоих дрожащих крыл,
Да, конечно, лучше нет момента
Поискать приют, укрыться чем-то,
В споре с ветром выбившись из сил.
Что же, если мой блокнот —

забрало,
Если переплет — надежный щит,
Попрощайся с ветреной дубравой,
За бумажной зыбкою заставой,
Бабочка, спасения ищи.

Только знай: за городской шлагбаум
Вышел я, такой же поздний гость,
Не для моциона и забавы, —
Солнце скрылось, ветра зреет злость,
Полегли цветы, поникли травы.
Если ж я раскрыл блокнот помятый,
То лишь для того, чтобы тебе
Бесприютной, жаждущей пощады,
Нимфе лета бабьего крылатой,
Рассказать о родственной судьбе.

ВЕЧЕРОМ

Орех-дичок был свеж и молод,
Играл зеленый в нем задор.
И вечера бодрящий холод
Волнами плыл через забор.

И так же молод, так же зелен
Казался весь цветущий мир,
Широкой скатертью расстелен
На зреющей природы пир.

И золотистой паутиной
Твоя заволоклась щека.
И синим ручеечком-жилкой
Забилась тонкая рука.

Качалась лодка у причала.
И ты не прятала лица.
И чайка жалобно кричала,
К полету обучив птенца.

* * *

Меня остается так мало
Для жизни счастливого бала,
Для игр, забав и друзей.
Все время спрессовано, сжато,
И Польза – единый вожатый –
Ведет меня поступью дней.

А было меня ведь так много...
Дорога... Любовь-недотрога...
Ландскнехта унылый удел...
Томительный крест журналистский.
Путь к музам в жилище неблизкий.
К всему прикоснуться хотел.

Теперь, как от сильного тока,
Бегу от всего, чему много
Я отдал здоровья и дней.
Служу одному идеалу –
Для пользы Отчизне хоть малой,
А значит, для пользы своей.

СНОВА В ПУТЬ

Птицы улетают из гнездовий.
Звездолет взмывает от земли.
Рыбы из родимых рек верховий
Вниз идут, как в море корабли.

Все стремится к дальнему пределу,
Сколько позволяет жизни нить.
Мир одни грозятся переделать,
Мир другие жаждут сохранить.

По орбите, по крутой спирали
Мчится вечный и живой каскад.
Но в конце неистового ралли
Все к истокам движется назад.

Птичий крик опять царит
в гнездовьях.
Космонавт – среди детей земли.
Взрослых рыб косяк идет в верховья,
Выше, чем смогли бы корабли.

В этом суть земного равновесья,
На котором зиждутся века
Скалы гор, ширь вод и в поднебесье
В лебединых перьях облака.

Люди жить не могут в колыбели.
Но душой чтоб не был одинок,
Человек, достигнув высшей цели,
На родимый воротись порог.

Нет, не для того, чтобы упиться
Опытом, добытым вдалеке,
А затем, чтоб снова в путь пуститься
Молодым, веселым, налегке!

Михаил ЮХНО

«СПАСИБО, ЗА СЧАСТЬЕ ОБЩАТЬСЯ С ВАМИ...»

Михаил Михайлович Юхно – коренной сестроречанин, хотя родился в 1938 году в Курской области, по месту ссылки матери после расстрела отца. Но в 1953 году они вернулись в родные места. Здесь Михаил Михайлович работал в газете «Сестрорецкий обозреватель», здесь же и похоронен рядом с матерью на сестрорецком кладбище.

Поэзия – страна неизведанная, таинственная, увлекательная. Люди, пишущие стихи, это творцы своего мира, а духовный мир творца – это целый космос, целая Вселенная, отраженная в его слове.

Михаил Юхно – человек необычайной духовной силы, душевной доброты, думающий, творческий, сопереживающий... Он словно вырос из Природы, органично связан с ней, и более всего умеющий чувствовать её и отражать её своим образным поэтическим языком. Напевность, необычайная звукопись его стиха, нежное чувство Родины от малой росинки до великой России, его романтизм и влюбленность в жизнь, – вот отличительные черты его поэзии. Неслучайно многие стихи его переложены на музыку – в них суть и смысл его поэзии, в музыке его души.

*Депутат Муниципального совета г. Сестрорецка
Михаил ДЕРЕВЯНКО*

СТРЕЛА КИПРЕЯ

Ещё последнего кипрея
Стрела лиловая торчит,
Ещё ручей, в дожди добрея,
По-журавлиному журчит.

Гудят осенние осины
Как рой осинный перед сном.
Шагаю по зеркальной сини
Вселенной — в лужах, кверху дном.

Шагаю я, банальный смертный,
Не зная дня конца шагов,
И небо мерю — той же меркой,
Что землю: с низу и с боков...

А мне б — узнать, как в эту осень
Непостижимый Дух Святой
Рисует сон высоких сосен
И грусть под шубой золотой!

Все от тумана настрадались!
Туман дорог, туман пророк...
Но — чем туманней Нострадамус,
Тем убедительнее Бог...

И компас мой: стрела кипрея,
Туман, с просветом вдаль
Да формула, как стать добрее...
На эфиопском языке.

* * *

О, если б время двинуть вспять!
Шагать бы, возвращая силы.
И оставлять, и оставлять
В снегах грехов своих могилы...

И... Занесённая нога
Над Эверестом грешной пыли.
И память: чистые снега,
Возможно, здесь когда-то были.

КАКИЕ ЧИСТЫЕ СНЕГА

Какие чистые снега
Вдали дорог, вдали селений;
Как в лунном свете берега
Тех, полудетских, сновлений;

Как связь меж небом и людьми;
Как обновление немое;
Как вспышка молнии любви
В застывшем поднебесном море!

Какие чистые снега!
Но белизна их иллюзорна.
Она бежит от нас в бега
Полоской белой горизонта.

И как на рубище рубях
Не застираешь пятна лени,
Так очевидны на снегах
Грехов причудливые тени.

Они рельефны в чистоте,
Незаметаемы в порошу,
А покаянье на кресте
Лишь увеличивает ношу.

РУССКИЙ ЛЕС

Прошу у леса,
Встав на колени:
Побольше белых
Да побелее!..

А он в насмешку
Мне — сыроежку.
У сыроежки
Такая ножка!
Мороз потрогал
Её немножко...

А лес — как эхо
Любой удачи,
Любого смеха,
Любого плача —

Стоит зелёный,
Шумит любимый —
Неистреблённый,
Неистребимый.

Поляны сказок
Да былей улей,
Да тайны сказок,
Пробитых пульей,

Да сок березы
Бывает солон,
Как будто слёзы
В лесу нашёл он.

СЕРЕБРЯНАЯ РАНЬ

Озеро. Серебряное утро.
Белого тумана каравеллы.
В путь-дорогу собранные утки
Меж осоки, чуть заиндевелой.

В розовом зачатии рассвета
Небо и вода поголубели,
И стряхнули с косолапых веток
Тишину
Проснувшиеся ели...

И, стеклянный воздух рассекая,
Русскую показывая удаль,
Полетел на родину какао
Серый табор Стреловидных уток.
Взрывы крыльев

воздух звонкий ранят

И исчезнут —
Некуда им деться.
Так одной серебряною ранью
Улетело в лето наше детство.

МИННЫЙ ЖРЕБИ

Анатолию Аквилёву

Шёл я бором, шёл курчавым лесом
По тропе, протоптанной давно.
На песке, покрытой мхом белесым,
Проступило ржавое пятно.

Я разрыл песок, и неглубоко
Под прохладным слоем тишины —
Сгусток злобы,
Спрятанной до срока —
Мина той, оконченной войны!

Я войну развязывать не думал
И, вообще, стратегам не родня.
Так сейчас попутный ветер дунул:
Минный жребий выпал на меня...

Я умел в зелёной гимнастёрке
Потрошить тела учебных мин.
Только здесь Ни двойки, ни пятёрки
Некому поставить, я один.

Врать не буду: колебанья были.
Окоём гармонии кляня,
Жалко добавлять к траве и пыли
То,

Что взрыв оставит от меня...

ГРИБНАЯ ПОХОДНАЯ

Шла дорога через лес,
Шла среди ветвей,
А по ней на солнце лез
Рыжий муравей.

У дороги был изгиб,
А за ним — сосна,
А под ней огромный гриб:
Больше чем Луна!

Волхвовала над цветком
Звонкая пчела,
Белка быстрым огоньком
Ельник обожгла.

Как прекрасен мир лесной
В солнечном тепле! —
Шла дорога по родной
Ласковой Земле.

РОСИНКА РОССИИ

Льву Ошанину

Мальчишки босые
По ягоды шли, —
Большую росинку
На ветке нашли.

Росинка горела
В заре, как рубин:
Краснее брусники,
Краснее рябин!

«Зачем же, — спросили —
Как кровь ты красна?»
— Я капля России! —
Сказала она.

«Откуда, росинка,
Твоя чистота? »
— Да я же российка! —
Ответила та.

Росинка России —
Огромной земли...
Мальчишки босые
Росинку
Нашли!

БЕЛООСТРОВСКАЯ ВЕСНА

Как светел ветер! Ветеранит крыши.
Удрал на Север
Дедушка-Мороз...
На солнышко погреться
тихо вышел
Седобородый старый паровоз.
...Вот так и мы:

с заплатками из хлама,
Не прочь встряхнуться
вешнею порой.

О наших ранах лучше знает мама.
Но мамы — нет... Она в земле сырой.
Вот так!

Как в отпуск: капельку погреться!
А в ветераны — рано: не берут.
Другая скорость полирует рельсы,
другая трудность затрудняет труд.

ИЮНСКИЙ ДОЖДЬ (АКВАРЕЛЬ)

Александр Папахову

Гроза громила барабан —
Июньская гроза.
Буянил ливень-хулиган
И заливал глаза.

А за асфальтом городов —
Поля, поля, поля,
Где в миллиард зеленых ртов
Дождинки пьет земля.

Ручьи текли с моих волос —
Июньский дождь,
Так что ж? —
Жалел я только, что не бос:
Что детства не вернешь...

Михаил ХАСИН

ОБОРВАННАЯ СТРУНА...

8 апреля 1979 года во время боевых учений выполняя свой боевой долг погиб молодой солдат Михаил Хасин, выпускник 324-й школы г. Сестрорецка. Светлой памяти этого замечательного парня, талантливого поэта заботливого сына, нашего земляка посвящена подборка стихов, бережно сохранённых его мамой – Маргаритой Вольфовной Хасиной.

Из письма Михаила Хасина в редакцию журнала «Юность»
«Дорогая «Юность»!

Я долго колебался, посылать вам свои стихи или нет. Но всё же решил попробовать.

Если не опубликуете, то напишите, в чём вы видите недостатки.

... О себе:

Родился в 1959 году. Сейчас учусь на III курсе ЛТЖТ им. Ф.Э.Дзержинского, хочу после армии поступить в Литературный институт им. М.Горького».

Читая стихи Михаила, я с болью и радостью узнаю своё поколение. Предомной встаёт образ умного, светлого тонкого романтика. Ему близки как лирика так и философия. Недавние раскаты Великой Отечественной войны пропускает он через своё сердце, так, как будто сам прошёл через эти трагические события. Сегодня ему было бы за пятьдесят. Но он так и остался молодым.

*Член Союза журналистов
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
Марина ПИМЕНОВА*

ТАНК

На постаменте танк стоит.
В конце каштановой аллеи
На башне звездочка горит
И цифры номера белеют.
И не подумаешь, что он,
Сейчас такой спокойный, тихий,
Когда-то, с бою взяв понтон,
К высоте мчался в буйном вихре.
Огня снарядов и земли,
Поднятой в воздух гулким взрывом,
В атаку от своих с отрывом
Ушел. Другие не ушли.
Один пошел против десятка,
Троих подбил, и сам подбит.
Всё расстрелявши без остатка
Один на высоте горит.
Но полк, боями закаленный.
В атаку новую пошел.
А танк тот здесь покой обрел.
На высоте освобожденной.

ПОБЕДИТЕЛЬ

В его глазах сияло счастье.
Победа! И разгромлен враг,
Был с боем взят вчера Рейхстаг,
Фашистских перекрестье свастик.

Стоял он, вспомнив Дон широкий,
Станицу, поле, дом родной, —
И вдруг в тиши пустой, глухой
Раздался выстрел одинокий...

По небу плыли облака,
Чуть задевая крону клёна,
В глазах, раскрытых удивлённо,
Застыло счастье на века...

Гремела вдалеке гроза,
Салют прощальный повторяя...
А я сквозь годы вспоминаю
Его счастливые глаза.

ВОСПОМИНАНИЯ МИНУВШИХ ЛЕТ

Воспоминания минувших лет...
Живут в душе солдата и теперь,
И радость первых боевых побед,
И боль, и горечь боевых потерь.

Воспоминания минувших лет...
В душе солдата будут жить века.
Упавший друг, пробитый партбилет,
В руке ещё зажатая чека.

Воспоминания минувших лет...
В душе солдата будут ночь и день,
Победного салюта в небе свет,
Победная весенняя сирень.

Воспоминания минувших лет...
Хоть голова солдатская седа,
В глазах поныне отблески ракет,
И в сердце жажда боя навсегда.

ЗВЕЗДЫ

Луна чуть облаком прикрыта,
И в сини темноты небесной
Сеть звезд, как жилки малахита,
Мне кажется такой чудесной.

Созвездий тонкие намётки...
Века в них всматривались люди
Их свет, загадочный, далёкий
В душе печаль, тревогу будит,

Пусть сразу обращусь я в пламя
Но я хочу хоть раз коснуться
Того брильянта, что над нами,
Готов внезапно встрепенуться.

Горит как камень драгоценный
Пространства точка голубая
Звезда погибла — свет нетленный
Остался, в вечности блуждая.

ДЖОРДАНО

Взошел Джордано на костер,
Встал у столба, сказал, бледнея,
Смотря на палачей в упор, —
Не отрекусь от Галилея.

Народ собравшийся приник,
Вокруг всё от костра светлее.
Горит Джордано. Муки крик:
— Не отрекусь от Галилея...

Ждет утра тишина, звеня,
Восток восходом пламенеет,
Мне слышен голос из огня:
— Не откажусь от Галилея.

Найти цель жизни, никогда
Не отступать, идти смелее,
Не предавать, вот как тогда
Не предал Бруно Галилея.

* * *

Раскрытое в туманной мгле
Времени пространство бесконечно.
Лишь на вертящейся земле
Оно застыло вечно, вечно.

Из темноты веков идут,
Мгновения, года, столетья
Тысячелетия плывут —
Прошло, одно, другое, третье

Во времени застывшем быть
Быть в одиночестве так трудно
И я даю надежде смутной
По озеру мечтаний плыть.

* * *

Ежедневно, ежечасно,
Днём и ночью при луне
Ожидать мгновений счастья
Остаётся только мне.

Тихий, ласковый, манящий,
Льется, льется лунный свет.
В тишине ночи звенящей
Ничего прекрасней нет.

ВЕСНА

С сосулек капли тихо падают
На потемневший снег
И наступает снова радуга
Весны короткий век

И снова к жизни пробуждается
Застывший мир земной.
И снова небо проясняет свой —
Свет голубой.

И снова радостным весенним днём
Курлычат журавли.
И снова воздух чист, и снова в нём
Дыхание Земли.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Бывают минуты, у многих наверно,
Когда на душе и тоскливо и скверно,
Когда на душе так противно и тошно
Что сдохнуть от этого было бы можно

В душе пустота, а на сердце тревога,
Как будто дорога — на Север дорога
Зовёт меня, манит колдуньей слепую
В тот край, где мороз —
властелин над Землёю

Красавица осень в окно заглянула
А мне прямо в сердце зимою пахнуло
Печальный и тихий
сентябрьский ветер
Как будто бы шепчет:
«один ты на свете»

АКРОСТИХ

Наверно есть лицом красивой
А вот душой красивой нет.
Твоя судьба легка, счастлива,
Алеет, как гвоздик букет.
Шум бури – мимо жизни нивы,
А в жизни будут радость свет.

Одна на свете ты такая,
Боюсь, что ты не замечаешь –
Одну тебя люблю и жду,
Живу лишь для тебя, родная,
Акации тебе цветут,
Юпитер для тебя сияет.

Ты протяни цветок мне белый,
Его с улыбкой подари,
Блеснув улыбкой ясной, светлой,
Яснее утренней зари.

НЕ МОЛЧИ

Ну не молчи, скажи негромко:
– Я не люблю тебя. –

Уйду.

Уйду, любовь в душе не скомкав,
Уйду, чтоб побродить в саду,

Уйду, чтоб чувств унять смятенье,
Чтоб вспомнить твой последний
взгляд,
Ещё раз пережить мгновенье,
Уйду, и не вернусь назад.

Прохладой воздух напоённый
Вдохну, и поброжу в ночи...
Но не смотри так отчуждённо,
И не молчи же, не молчи!

ТВОЙ ОБРАЗ

Профиль тонкий, профиль чистый,
Ласково глядящий взгляд,
Словно из мелодий Листа
Ты пришла. Уйдешь назад,
Если окажусь я рядом,
Вдруг с тобой заговорю,
Если слишком долгим взглядом
На тебя я посмотрю.
Волосы бегут на плечи,
Золотисто чуть искрясь.
То в глазах улыбка блещет,
То грустинка поднялась.
Для меня ты воздух, ветер,
Берег, Солнце, песня, день.
И жасмин, расцветший летом.
И душистая сирень.
Чуть задумаюсь, и вижу:
Тихо к стенке прислонясь,
Не грустя и не смеясь,
Ничего вокруг не слышишь.
Я боюсь сказать о главном,
Что люблю тебя одну,
Словно свечки тонкой пламя,
Я невольно затушу.

I LOVE YOU

Выйдем в поле, бело от ромашек,
И внимая певцу соловью
Я скажу тихо-тихо, Наташа,
I love you, I love you, I love you...

Нет девчонки милее и краше,
Я венок тебе белый совью
И скажу тихо-тихо, Наташа,
I love you, I love you, I love you...

С каждым годом становимся старше,
А я взгляды твои всё ловлю,
И опять повторяю, Наташа,
I love you, I love you, I love you...

ДУЭЛЬ

Дуэль... Забыли в наше время,
Что можно ею спор решить,
Что оскорблений тяжких бремя
Лишь только кровью можно смыть

Дуэль... Сейчас я представляю,
Что у барьера я стою.
На снег пальто, пиджак бросаю,
В рубашке белой остаюсь.

Стоим безмолвно он и я
В руках держа по пистолету,
Как молчаливые друзья
Скрывают сосны сцену эту.

При счёте три пора сходиться —
В мозгу застряло навсегда.
Я не успел вчера проститься
А впрочем с кем? И где? Когда?

Один, один... Да одинок я!
В том мире жалком и пустом...
А снега правильные хлопья
Ложатся на землю пластом.

Шаги раздались секунданта,
Похолодело всё внутри.
И долгожданная команда:
«Один... два... три...»

Бредем навстречу ели-ели
Как буд-то в самом страшном сне.
Вдруг я погибну?! Неужели
Никто не вспомнит обо мне?!

* * *

За вершиной вершина,
За уступом уступ.
Смотрит ствол карабина
Белой лошади в круп.

Взяты десять затылков
В карабинов прицел.
Нас ведут на развилку
У скалы на расстрел.

Справа скалы свисают,
Слева вод круговерть,
Сзади менты шагают,
Впереди ждёт нас смерть.

Будем мы огрызаться,
Есть на всех два ножа.
Надо как-то спастись
Жизнь ведь так хороша.

Трое в скалы пять в воду
Прямо в круговорот,
А двоим — нету ходу —
Прикрывают отход.

Сталь на солнце сверкнул
Ну а пули быстрее.
Смерть нас тут обманула
И команда рванула
По воде с винтарей.

МЕЧТА

Эх, мне бы в руки взять гитару,
Эх, мне бы звучный баритон,
И в сердце б капельку пожару —
Извлечь из струн хрустальный звон.

Тогда б душа моя звенела,
И в песне б плавилась она.
И каждый день она б пьянела
Без виноградного вина.

Тогда б полет мечты безумной
Из сна наутро явью б стал,
И я, с гитарой семиструнной,
Тогда бы правил жизни бал.

Андрей БАЗАНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПЛОТУ ЖИЗНИ

Известный советский литературовед, фольклорист Василий Григорьевич Базанов с 1956 г. и почти до своей кончины в 1981 году постоянно жил на своей даче в поселке Комарово. Впервые Василий Григорьевич приехал в Комарово вскоре после войны в Дом творчества писателей и так полюбил это место, что когда Литфонд выделил участки под застройку, сразу же взял один из них. Основой для строительства дачи послужил купленный в одном из колхозов Приозерского района сруб из заброшенного финского хутора.

Жизнь Базанова, как впрочем и абсолютного большинства советских людей, не была легкой. Родился он в многодетной семье лесничего в деревне Вожерово Костромской области, детство и юность провел в забытых богом местах на реке Унже в небольшом городке Кологриве. Лесничий в послереволюционное время — это был почти кулак, и после окончания средней школы в Галиче у Базанова возникли проблемы с поступлением в институт, а потом и с учебой в нем. В конце концов ему удалось окончить Горьковский университет и поступить в аспирантуру. Казалось бы, после защиты кандидатской диссертации карьера Базанова складывалась вполне благополучно: заведовал кафедрой литературы в Петрозаводске сначала в Педагогическом институте, потом в университете, после войны поступил в докторантуру Института русской литературы («Пушкинский дом») в Ленинграде, защитил докторскую диссертацию, в 1962 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, а с 1966 по 1976 год был директором Пушкинского дома. На последние два факта хочу обратить особое внимание, потому что они во многом характеризует моего деда как очень талантливый, нестандартный, самостоятельный, волевого, целеустремленного человека.

В советское время сложился негласный подход к избранию в Академии наук членов-корреспондентов и академиков. Очень часто власти не могли найти достойного руководителя для того или иного академического института. Многие ученые не хотели заниматься административной работой, контактировать в

силу служебного положения с партийными органами и отказывались от предлагаемой должности. Чтобы склонить их к согласию, аппаратчики в качестве компромисса обещали им обеспечить избрание в члены Академии, и зачастую такой ход срабатывал. Примеров тому можно найти массу. Что же касается В.Г. Базанова, он был избран тайным голосованием в члены-корреспонденты будучи старшим научным сотрудником. Случай очень редкий, свидетельствующий о подлинном признании его научных достижений академиками АН СССР (тогда члены-корреспонденты еще не участвовали в выборах). А директором Пушкинского дома он был назначен лишь через несколько лет, не получив за взваленную на свои плечи ношу никаких дополнительных званий.

Среди научных достижений В.Г. Базанова можно выделить проведение фольклорных экспедиций, запись и публикацию песен, плачей и причитаний народных сказителей Русского севера. В 1958 г. Базанов основал журнал «Русская литература», ведущее периодическое издание в данной области, главным редактором которого он был по 1969 г.

Очень близка ему, выходящу из сельской глубинки, была поэзия крестьянских поэтов, прежде всего Сергея Есенина. В значительной мере поэзия Есенина сформировала его литературные вкусы. В молодости Базанов даже написал несколько стихотворений в подражание Сергею Есенину, подписывая их псевдонимом Василий Унжак. Поэзия Сергея Есенина — одна из самых любимых научных тем В.Г. Базанова. Он многое сделал для того, чтобы Есенина начали публиковать, чтобы он снова был признан великим русским поэтом. Венцом этих усилий был выход в 1975 г. сборника стихотворений Сергея Есенина с вступительной статьей Василия Базанова. Эта книга продавалась лишь обладателям талонов за сданные 20 кг макулатуры.

Ближе к концу жизни дед уделил пристальное внимание творчеству еще одного крестьянского поэта начала XX века Николая Клюева. Клюев долгие годы считался антисоветским поэтом, и Базанову пришлось приложить колоссальные усилия, дабы о поэзии Клюева стало можно писать, а его стихи публиковать. В 1977 г. в серии «Библиотеки поэта» впервые за долгие годы фактического забвения вышел сборник стихов Клюева, подготовленный Василием Григорьевичем. Тем не менее, книгу самого В.Г. Базанова о поэзии Николая Клюева «С родного берега» разрешили напечатать лишь через девять лет после смерти автора в 1990 г., и то сократив ее почти в два раза.

Трудности с реабилитацией Клюева и в какой-то мере Есенина не идут ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить в сталинское время. Атмосфера доносов, всеобщего животного страха как за себя, так и за свою семью характеризуют то время. Бабушка рассказывала мне, как, живя до войны в Петрозаводске, она в ужасе вздрагивала от каждого ночного шума на лестнице. Наутро выяснялось, что приходили к соседям, часто это были сослуживцы деда, и теперь уже от порядочности и стойкости арестованных зависела судьба их знакомых. Хотя доносы на Базанова писались неоднократно, Бог миловал, дед выжил в эти страшные годы и сумел уберечь своих близких. Правда, его отца и мать как «кулаков» все-таки сослали на несколько лет в Сибирь.

Ситуации бывали самые страшные, например в сентябре 1948 г. в журнале «Новый мир» появилась статья «Затылком к будущему», в которой Базанов назывался «стряпчим от фольклора», «ученым-схоластом, ученым-эkleктиком». «Фольклористы типа Базанова живут все еще в XVII веке!», - писал автор. Еще ранее в феврале того же 1948 г. в «Литературной газете» вышла рецензия на одну из книг В.Г. Базанова под заголовком «Плач и причитания фольклориста». В рецензии Базанова обвиняли в «изображении русского народа пассивным, страдающим, безропотно переживающим свое горе». Подобные публикации в те годы были почти приговором.

Конечно, Василий Григорьевич был сыном своего времени. Как и у всех, были у него свои недостатки, странности. Кого-то он любил несмотря ни на что, кого-то не переносил на дух. Он был членом КПСС, атеистом. В какой-то мере он верил в идеи социальной справедливости, был достаточно честолюбив и понимал, что, не будучи членом партии, свои научные замыслы не реализовать. Но в то же время он, конечно, осознавал многие проблемы, накапливающиеся в обществе. Примечательны в этом смысле два эпизода произошедшие при моем непосредственном участии. Однажды, когда я учился в восьмом классе, классная руководительница в качестве последнего довода сказала мне: «Базанов, ты хорошо учишься, тебя возьмут в девятый класс, а кого-то не возьмут. И отчисленные могут спросить: почему Базанова взяли, он же не комсомолец?». Пришлось вступить в ВЛКСМ, но все же на год позже, чем большинство одноклассников. Когда я сообщил деду, что теперь являюсь комсомольцем, он неожиданно для меня довольно сердито сказал, что вообще-то, предпринимая такие ответственные шаги, нужно было посоветоваться со взрослыми. Через пару лет произошел еще один важный для меня разговор. В десятом классе я, наконец, всерьез стал задумываться о собственном будущем, купил справочник «ВУЗы Ленинграда» и стал выбирать себе специальность и институт. Очень мне понравилось то, что было написано о специальности «политическая экономия» на экономическом факультете ЛГУ. Поделился своим выбором с дедом. И вот тут он очень вовремя предостерег меня от весьма опрометчивого шага. «А ты знаешь, чем занимаются политэкономы? Изучают «Капитал» Маркса», - сказал дед. Этой короткой фразы хватило, чтобы я быстро профпереориентировался.

Комарово в последнее время известно в основном благодаря воспоминаниям о пребывании в поселке поэтессы Анны Ахматовой, поэта Иосифа Бродского и их окружения. Многие знают и о той части Комарово, которая получила по аналогии со старым названием поселка Келломяки в народе имя Академяки, что в переводе на официальный язык означает Академический городок. Но был в Комарово и Писательский городок. Это та его часть, в сторону Залива от железной дороги, ближе к Репино, где под застройку членам Союза писателей давали участки, выделенные Литфонду. Именно там и построил дачу В.Г. Базанов. Среди ближайших соседей вспоминаются коллега деда по Пушкинскому дому профессор Б.С.Мейлах, известная советская писательница, лауреат Сталинской премии, автор романа в духе соцреализма «Мужество» Вера

Кетлинская, писатели Леонтий Раковский, Всеволод Воеводин, Иван Неручев, поэт Николай Браун с супругой поэтессой Марией Комиссаровой и другие. Но не все участки были выкуплены писателями, поэтому постепенно появились и другие соседи. Рядом построил дачу известный педиатр профессор Эммануил Фридман, потом на ней многие годы жила семья его сына, тоже детского врача Александра Эммануиловича, напротив была дача философа профессора Резникова, неподалеку жили знаменитый композитор Василий Павлович Соловьев-Седой, ректор Кораблестроительного института Товстых, хирург Углов, заслуженный строитель Александр Львов, руководивший строительством в Курортном районе многих санаториев и пансионатов. Кстати, живя в Комарово, Львов сделал все возможное, чтобы его не застроили как Зеленогорск или Репино безликими кирпичными коробками. Позже в этом же районе приобрел дачу знаменитый оперный певец Лейферкус. Были поблизости и две дачи дачного треста. В одной проживал начальник ленинградского ОБХСС, а во второй первый заместитель председателя Леноблисполкома М.А. Таиров.

Отношения почти со всеми соседями были доброжелательные. Нельзя сказать, что дед с кем-нибудь из них поддерживал особо дружеские отношения, но иногда то один, то другой заглядывали к нам дачу. Некоторые из соседей запомнились по каким-нибудь особенностям своего поведения, привычкам, увлечениям. Так, ректор Корабелки Евгений Васильевич Товстых по прозвищу «морячок-рыбачок» был самым удачливым рыболовом на нашем побережье. У него была большая белая пластиковая лодка, внутри красная. Сделана она была в мастерских Кораблестроительного института по специальному проекту и производила на всех рыбаков большое впечатление. Дед мой тоже обожал рыбалку, и однажды Товстых пригласил его с собой на вечернюю зорьку. Улов был большой. После этого дед тоже купил лодку. Все лодки хранились прямо на пляже. Так продолжалось до конца 80-х годов, когда волна вандализма прошлась по тихим тогда еще берегам Залива, и с тех пор оставленных на берегу лодок уже не встретить.

Вспоминается высокая худощавая фигура Б.С. Мейлаха, часто гулявшего вдоль забора в неизменной тубетейке. Мейлах – лауреат Сталинской премии за книгу «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX – начала XX в.». На полянке над обрывом возле своей дачи в центре Писательского городка он предлагал поставить памятник Горькому как основателю Союза советских писателей.

Одно время у нас почти постоянно обедал Иван Неручев. Потом отношения деда с ним по каким-то причинам испортились, и Неручев стал обедать у Углова. Однажды, когда в студенческие годы я был в стройотряде, мне в руки попала книжка Неручева. Читать было нечего, и я решил узнать, что же пишет наш сосед. Книжка представляла собой сборник небольших рассказов, в которых благодаря бдительности простых советских колхозников органы НКВД разоблачали вредителей, шпионов, врагов народа. Следует отметить, что автор в сталинское время работал прокурором военного трибунала.

Профессор Резников в шестидесятые годы был тяжело болен. Добираться до

станции без отдыха ему было тяжело. И его сын сделал вдоль всей тропинки, ведущей к вокзалу через лес, на месте которого позже был построен новый корпус детского санатория, небольшие скамеечки. Выглядело это очень трогательно. Во время строительства санатория снесли стоявшую примерно по середине массива дореволюционную двухэтажную деревянную дачу.

Про Соловьева-Седого очевидцы рассказывали, что, по его словам, в первоначальном варианте знаменитой песни пелось о «ленинградских вечерах», и только по настоятельной просьбе руководящих органов они превратились по случаю проведения в 1956 г. в Москве Международного фестиваля молодежи и студентов в «подмосковные вечера».

Интересна судьба Михаила Алексеевича Таирова. Организатор первой воздушной дороги жизни в блокадный Ленинград после войны был арестован по «Ленинградскому делу» и провел пять лет в заключении. После освобождения вновь был принят на руководящую работу, прожил долгую трудовую жизнь.

Но, к сожалению, не со всеми соседями отношения были безоблачными. Очень ссорился В.Г.Базанов с Федором Угловым. У последнего была большая черная овчарка Акбар, с которой он гулял без поводка и намордника. Дети ее очень боялись, и дед при встрече постоянно делал ему замечания. Кончилось все это тем, что Василия Григорьевича вызвали в Зеленогорск, где в отделении милиции показали донос на него. В нем утверждалось, что Базанов является создателем и руководителем некой сионистской организации. Подпись стояла – Ф.Углов. Времена, славу богу, были уже не столь жестокие, и, потрепав деду нервы, сотрудники правопорядка отпустили его на все четыре стороны. Через некоторое время, когда дед попытался обвинить заявителя в клевете, письмо таинственным образом из отделения милиции исчезло. Зная об этом и некоторых других поступках известного хирурга, я с немалым изумлением слушал, как в своих интервью он объяснял причины своего долгожительства тем, что он всегда делал людям только добро.

Довольно часто в гости заходили и другие, проживающие подальше комаровские дачники. Среди них вспоминаются академик Жирмунский, будущие академики Бушмин и Лихачев, член-корреспондент АН СССР Реизов, профессора Берковский, Бурсов, Макогоненко, писатель Гранин и другие.

С Дмитрием Сергеевичем Лихачевым Базанов работал в одном институте и, занимая руководящую должность, немало сделал, чтобы, несмотря на свое сомнительное, с точки зрения властей, прошлое, он мог полноценно трудиться, публиковаться, выезжать в заграничные командировки. Однажды Базанов и Лихачев вместе участвовали в конференции, проводившейся в Риме. После их возвращения мы были приглашены в гости к Лихачеву в его комаровскую квартиру в кооперативном доме в Академическом городке. Там Дмитрий Сергеевич показывал всем приглашенным снятый им фильм о пребывании в Италии. На многих кадрах появлялся дед. Интересно сохранилась ли где-нибудь та пленка?

В том же доме проживал и очень колоритная личность, друг В.Г. Базанова и наш частый гость профессор Георгий Пантелеймонович Макогоненко. Бывший

муж Ольги Бергольц, очень импозантный, всегда в костюме-тройке, раскуривающий после чая неизменную сигару Макогоненко производил впечатление даже на детей. После его ухода наша дача еще долго благоухала диковинным сигарным ароматом.

Вспоминается и Борис Георгиевич Реизов. Небольшого роста, смуглый, непоседливый он был специалистом по французской литературе. У Реизовых была собственная машина, что в 60-е годы было редкостью. Однажды мы поехали с Реизовыми за грибами. После прогулки по лесу присели перекусить, и тут Реизовы меня поразили. Они стали угощать нас черными маслинами. Вещь в те годы невиданная.

Ездили за грибами и с давним приятелем В.Г. Базанова Алексеем Сергеевичем Бушминым. Помню, как академик Бушмин переживал, когда я уже нашел несколько белых, а он еще ни одного. Пришлось пойти вместе с ним и буквально подвести к крупному красивому боровику. Тогда он успокоился.

Хорошо помню я и часто бывавшего у нас старшего брата Василия Григорьевича полковника, профессора Алексея Григорьевича Базанова. В то время он уже был тяжело болен. В годы войны ему пришлось воевать на Невском пятачке. После войны он занимался педагогической деятельностью. Ближе к концу жизни заведовал кафедрой Педагогики Института культуры. Дачу он по примеру брата купил в Комарово на 1-й Дачной недалеко от станции.

Василий Григорьевич был человеком очень хлебосольным. На даче часто ночевали, а то и жили его иногородние коллеги, приятели, постоянно после ужина в Дом творчества захаживали проживающие там знакомые, а иногда и незнакомые литераторы. Среди приезжавших с ночлегом могу упомянуть друга В.Г.Базанова профессора Саратовского университета Евграфа Ивановича Покусаева, профессора из Южно-Сахалинска Марка Вениаминовича Теплинского, ученика Базанова в будущем тоже профессора В.В. Коржана из Ферганы, филолога Кима Давлетова из Казани и некоторых других.

Гораздо больше знакомых приезжали с однодневным визитом. Это были сотрудники Пушкинского дома, а также друзья В.Г. Базанова поэт Александр Решетов, поэт-цыган Леонид Хаустов, поэт Сергей Орлов, дважды горевший во время войны в танке, скрывавший ожоги на лице бородой и ходивший даже летом в перчатке на протезе одной из рук. Особенно известно стихотворение Орлова «Его зарыли в шар земной...». Помню, как в гостях у деда был поэт и писатель Анатолий Жигулин из Воронежа. Только потом уже в перестроечные времена я узнал из его пронзительной автобиографической повести «Черные камни» о том, что ему пришлось пережить в сталинских застенках. Приезжали к деду в Комарово и академик литературы В.В. Виноградов, и родная сестра Сергея Есенина Екатерина, и известный советский писатель и дипломат Николай Трофимович Федоренко. Федоренко приехал к нам на дачу зимним вечером вскоре после возвращения из США, где в течение 5 лет был Постоянным представителем СССР при ООН и Совете Безопасности, а до того он 4 года являлся послом СССР в Японии. Для меня это был пришелец из другого мира. Он рассказывал какие-то совершенно невероятные истории, и подарил

мне несколько упаковок американской жевательной резинки. Это была сказка! В течение нескольких месяцев, растягивая удовольствие, я жевал жевачку по четвертинке пластика, вызывая всеобщее изумление и зависть. Загадочно выглядел и профессор из Петрозаводска Эйно Карху. Финн по национальности он знал несколько языков, и однажды в ходе разговора с моим отцом о футболе сказал, что видел какую-то западную команду на поле. Отец хорошо знал историю советского футбола и очень про себя удивился, где же и когда Карху мог быть на футбольном матче, ведь в СССР эта команда никогда не приезжала. Современному россиянину, может быть, трудно понять, чему здесь удивляться. Но тогда советский человек оказаться на Западе практически не мог, а уж сходить там на футбольный матч — это вообще что-то нереальное.

Неоднократно на дачу приезжали и иностранцы. В основном это были русисты из социалистических стран. Особенно часто бывала у нас Екатерина Даскалова из Болгарии, снявшая документальный фильм о Лихачеве, и литературовед из Югославии Нико Мартинович. Черногорец по национальности во время войны он был партизаном. Однажды попал в плен к усташам, хорватским националистам, поддерживающим фашистов. Они придумали ему зверскую казнь: обмотали в колючую проволоку и бросили катиться с высокой горы. Но ему удалось выжить, а его тело навсегда было искалечено страшными шрамами. Интересный эпизод связан и с визитом родителей одной молодой итальянки, приехавшей на стажировку к В.Г. Базанову в Пушкинский дом. Ее отец оказался весьма обеспеченным адвокатом, одним из руководителей компании «Фиат», и чтобы его достойно принять партийные власти выдали деду разрешение на разовую покупку продуктов в специальном складе. Склад этот находился в здании церкви Иконы Казанской божьей матери в Зеленогорске. Тогда там не было ни луковок с крестами, ни икон, а в полумраке внешне заброшенного, но все равно великолепного здания стояли коробки, ящики, бочки со всякой недоступной даже члену-корреспонденту и директору института снедью. Там была и красная, и черная икра, и осетрина с семгой, и сырокопченая колбаса...

Но, конечно, самыми частыми гостями были все же постояльцы Дома творчества писателей. Первый, о ком хочется вспомнить, это Федор Абрамов. Живой классик, как любил подтрунивать над ним дед еще в те годы, когда об Абрамове мало кто знал, бывал у нас почти каждый месяц, в каждый приезд в Дом писателей. Любопытно, что начинал Абрамов как литературовед, и уже тогда подружился с Базановым. Как то раз, работая заведующим кафедрой советской литературы на филфаке ЛГУ, Абрамов дал Базанову рукопись с просьбой прочитать и высказать свое мнение. Недели бежали, но дед так и не нашел времени. В итоге он передал рукопись бабушке со словами: «На, прочитай. А то Федор мне ее уже давно дал, а мне все некогда. Неудобно уже». Через некоторое время дед спрашивает: «Ну, что? Прочитала?». «А, знаешь, родился Писатель», - ответила бабушка. Это был первый, ставший сразу знаменитым роман Федора Абрамова «Братья и сестры». Федор Абрамов как настоящий писатель страдал, душой чувствовал всю ту фальшь, которая окружала нас в

70-х, 80-х годах. Одним из первых он пытался публично поставить вопросы о судьбе русской деревни, о неэффективности советской системы, бессмысленности нашей тогдашней жизни. Помню, как он говорил, что о войне правда еще не написана. Сам он во время войны служил в охране лагерей и это тоже его всегда очень тяготило. До сих пор у нас даче хранятся лыжи Федора Абрамова, которые он оставлял у нас, чтобы каждый раз не возить их из города.

Очень часто заходили к нам и завсегдатаи Дома творчества известные писатели лауреат Сталинской премии Александр Морозов, автор книг о Ломоносове, и Виктор Бакинский, всегда знавший все новости Союза писателей.

Интересная история связана с появлением на даче известного поэта Глеба Горбовского. Дело было холодным зимним вечером. В дверь постучались два знакомых деду пожилых писателя, проживавших тогда в Доме творчества. Они рассказали, что в сугробе на Большом проспекте лежит в нетрезвом состоянии и не может подняться известный филолог, сотрудник Пушкинского дома доктор наук В.И. Малышев. Ни нашедшим его писателем, ни деду, который был уже немолод, его было не дотащить. Взяли со двора большую тачку и позвали на помощь также проживавшего в то время в Доме писателей молодого еще поэта Глеба Горбовского. С его помощью Малышева погрузили на тачку и благополучно довели до дачи. А благодарные писатели познакомили деда с начинающим поэтом. На следующий день всей компанией вечером они вновь пришли на огонек, и Горбовский читал свои стихи. Василию Григорьевичу они очень понравились.

В заключение хочется подчеркнуть, что Василий Григорьевич Базанов был серьезным ученым. Он не писал биографий писателей и поэтов, не рассказывал об их женах и скандалах. Он исследовал их творчество, искал и собирал народные плачи и причитания, работал в архивах. В то же время Базанов ни в коем случае не был таким утонченным эстетом, любителем всего прекрасного, каких в 70-е, 80-е годы в Ленинграде было довольно много. Он не увлекался живописью, кино, театром, почти не смотрел телевизор. Мне он говорил, что век энциклопедистов прошел, нового Ломоносова уже не будет. Пришло время узких специалистов. Он и внешне никак не походил на великого ученого. В душе он оставался крестьянином, и, когда позволяли обстоятельства, с огромным удовольствием пилил и колол дрова, сажал розы и георгины, собирал грибы и ловил рыбу. Особенно меня удивляла его оставшаяся с детства любовь к лошадям. В те годы увидеть лошадь можно было только в деревне. Но иногда к нашей даче подъезжали на телеге цыгане, продающие мед. Дед забывал все. Он хватал соленый огурец или кусок черного хлеба с солью и бежал к лошади. Даже финские санки, на которых мы катались по комаровским заснеженным улицам имели лошадиные клички: Сивка-бурка, Вороной, Кобылица. А наряду с друзьями-коллегами он очень любил земляков из Костромской и Вологодской областей, кем бы они ни были: и сварщиками, и учителями, и лесорубами, и трактористами. Так и неосуществленной мечтой В.Г. Базанова осталось путешествие на плоту по Унже в родной Кологрив.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей ВИШНЕВСКИЙ		3
ПРЕДИСЛОВИЕ		5
Александр ЗАЙЦЕВ	<i>поэзия</i>	8
Николай СОЛОХИН	ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА <i>отрывки из исторической повести</i>	14
Михаил ДЕРЕВЯНКО	<i>поэзия</i>	22
Татьяна КУЗНЕЦОВА	ГОРЬКИЕ И СЛАДКИЕ ВРЕМЕНА <i>отрывки из автобиографической повести</i>	26
Глеб МАРИНОВ	<i>поэзия</i>	52
Татьяна СЕМЁНОВА- ГЛАЗУНОВА	РЯБИНОВЫЕ БУСЫ <i>рассказ</i> ЛИТОРИНОВОЕ МОРЕ <i>повесть</i> ПРИЗНАНИЕ <i>эссе</i>	58 64 86
Мария МЕЩЕРСКАЯ	<i>поэзия</i>	90
Анна ЯЛИКА	ЗАМОК ИЗ ДОЖДЯ <i>рассказ</i>	92
Марина ПИМЕНОВА	<i>поэзия</i>	98
Сергей ФЕТИСОВ	ОБ ЭТОМ ЗНАЛА ТОЛЬКО ОСЕНЬ <i>рассказ</i>	102

Евгений ЛАПОТНИКОВ, <i>поэзия</i>	_____	105
Ирина АНТОНОВА <i>поэзия</i>	_____	105
Кира МАРАЧ	НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО <i>страницы воспоминаний</i>	_____ 106
	МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ <i>страницы воспоминаний</i>	_____ 111
	ВОЗВРАЩЕНИЕ КАРЛСОНА <i>эссе</i>	_____ 119
	Памяти Вадима СОЛОВЬЕВА, журналиста, главного редактора газеты «В Курортном городе С.»	_____ 121
Валерия МОРОЗОВА <i>поэзия</i>	_____	122
Вадим СОЛОВЬЁВ	рассказы	
	ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ СЕРГЕЯ МОСИНА	_____ 126
	ТАЙНА ИВАНА ШИШКИНА	_____ 128
	СУДЬБА «МУЗЕЯ» ЗОЩЕНКО	_____ 129
Николай РУДЫКО <i>поэзия</i>	_____	133
Лидия СЕЛЯГИНА	ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ЗРЕЛОСТЬ <i>отрывки из автобиографической повести</i>	_____ 134
Семён БОГУСЛАВСКИЙ <i>поэзия</i>	_____	150
Элеонора НИКОНОРОВА <i>поэзия</i>	_____	154

Михаил БАЛАШОВ	<i>рассказы</i>	
	МАНИЯ	156
	ТЕЛЕПАТИЯ	
	Фантастический рассказ-быль	162
	ДОМОВЁНОК	163

СТРАНИЧКА ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Альбина КУБАРЕВА		165
Виктор НИКИТИН		165
Татьяна ТРУБНИКОВА		166

НАСЛЕДИЕ. УЩЕДШИЕ ИМЕНА

Лариса ШЕЙМУХАНОВА

<i>«Добрый гений нашей районной журналистики»</i>	168
---	-----

Николай

ШЛИППЕНБАХ	ПОЛТАВА И ПЁТР ПОДАРИЛИ МНЕ РОССИЮ	
	<i>отрывки из автобиографической повести</i>	169
	СКАЗКА БЛОКАДНОГО ДЕТСТВА	171
	<i>«ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ» Отрывок из поэмы</i>	
	<i>«Поле Куликово»</i>	173

Виктор ФЕДОРОВ

<i>«Гражданин и поэт»</i>	175
---------------------------	-----

Ольга

РАСТВОРОВА	<i>поэзия</i>	177
-------------------	---------------	-----

Михаил ДЕРЕВЯНКО

<i>«Я вам распахиваю душу...»</i>	182
-----------------------------------	-----

Виктор

КУЛАКОВ	<i>поэзия</i>	183
----------------	---------------	-----

Пётр КОТОВ
Литератор-краевед _____ 188

Игорь
ЗАПАДАЛОВ поэзия _____ 189

Михаил ДЕРЕВЯНКО
«Спасибо, за счастье общаться с вами...»_ 194

Михаил
ЮХНО поэзия _____ 195

Марина ПИМЕНОВА
«Оборванная струна...» _____ 198

Михаил
ХАСИН поэзия _____ 199

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей
БАЗАНОВ люди и судьбы
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПЛОТУ ЖИЗНИ _____ 204

Издание
Муниципального совета города Сестрорецка
«На берегах Сестры»

Сестрорецкий
КУРЗАЛ

Литературный альманах

Проза и поэзия
в авторской редакции

составитель:
М. Пименова

Отпечатано с готовых файлов в ООО «ТАРО»
199155, Санкт-Петербург, В.О., 24 линия, дом 1.
Сдано в набор 10 декабря 2012 г. Подписано в печать 18 декабря 2012 г.
Бумага офсетная, печать офсетная. Заказ №1180.
Формат 60x84 1/8., Объем 13,5 п.л.
Тираж 1000 экз
Допечатная подготовка ИП Кондратьева А.А.

Сестрорецк
2012 г.